

Волкова Дарья

Игра стоит свеч

«Без запретов и следов,
Об асфальт сжигая шины,
Из кошмара городов
Рвутся за город машины,
И громоздкие, как танки,
„Форды“, „линкольны“, „селены“,
Элегантные „мустанги“,
„Мерседесы“, „ситроены“.

Будто знают — игра стоит свеч,
Это будет как кровная месть городам!
Поскорей, только б свечи не сжечь,
Карбюратор, и что у них есть еще там»

В.С. Высоцкий. «Песня о двух красивых автомобилях»

Глава 1. Шотландия. Северный Эйршир. Андроссан

«Ралли — не шахматы, в них думать надо!»
Статья «Штурман» с сайта eulex.ru.

За огромным, во всю стену, окном ворочалось, вздыхало и шипело, плюясь пеной, море. Холодные серые волны Северного пролива. Сэр Макс Мак-Коски стоял перед этим самым стеклом, наблюдая привычную картину. Но далеко не этот серый, сырой и, по-своему, грозный пейзаж заставлял хмуриться сэра Макса. Пейзаж этот был ему знаком с детства, привычен и даже... приятен. А вот лицо, которое смотрело на него с экрана монитора — нет. Не было приятным.

Нет, вы не подумайте, что это был какой-то урод. Отнюдь. Наоборот. Это лицо регулярно появлялось на страницах автомобильных, спортивных и прочих журналов для настоящих мужчин. Украшало собой наверняка не одну девичью спальню. Оно было красивым. Очень привлекательным. И при этом — излучавшим уверенность и силу. Это было лицо победителя. Вот в этом-то, хотя и не только в этом, и была причина, по которой сэр Макс уже видеть его не мог. Лицо Кайла, мать его, Падрона! Самого лучшего и талантливого пилота, которого Мак-Коски видел за свою богатую на события жизнь. Невероятно стремительный, с острой, как бритва, реакцией. С той непостижимой, Богом данной интуицией, которая позволяла безошибочно точно определять тот момент, когда надо бросать машину в поворот. Фантастически быстрый, талантливый и охренительно самоуверенный сукин сын!

Мак-Коски подошел к столу, устало опустился в кресло и, упершись подбородком в сцепленные замком руки, снова уставился в доставшее его уже до изжоги лицо Кайла. На экране был открыт файл с досье, которое он и так знал наизусть.

Рост. Шесть футов и один дюйм (в метрической системе — 186 см. — прим. автора). Не самый высокий для мужчины. Но именно это и стало причиной, по которой Падрон так не смог прижиться в «Формуле-1». Слишком он был велик для формульных болидов. Он долго переживал, что какие-то сантиметры встали между ним и королевой автоспорта. Зато раллийный спорт приобрел своего чемпиона. По крайней мере, Мак-Коски в это верил. Пару первых лет работы Кайла в его команде верил в это твердо. Но последние два года... В прессе за Падроном прочно закрепилось прозвище «2В». Вечно Второй.

Отец. Джо Падрони. Итальянец. Хуже, сицилиец. От которого Кайл унаследовал смуглую кожу, черные, как смоль, выющиеся волосы. Жгучий южный темперамент. И донельзя бесившую шефа команды

уверенность в том, что он, Кайл, лучше всех все знает. Из-за чего Падрон, несмотря на все свои очевидные таланты, до сих пор так и не стал чемпионом.

Мать. Тереза Падрони. Урожденная Тереза Кларксон. Шведка. В Кайле причудливым образом смешались горячие итальянские и холодные шведские гены. От матери Кайл унаследовал холодные серо-голубые глаза, рост (Джо Падрони был ниже жены на целую голову) и умение в критические моменты все-таки скручивать в узел собственный темперамент. Вот это качество и давало сэру Максу слабую надежду на то, что Кайл все-таки приведет команду Мак-Коски к заветному чемпионскому титулу.

Семейное положение. Холост. Хотя Мак-Коски написал бы там другое слово. Кобель. Мало того, что вокруг самого Кайла вечно крутились какие-то девицы, так он еще вовлекал в этот бардак всех парней в команде, щедро делясь с ними постоянно вешающимися на него красотками. Да хоть бы все команду обеспечил доступными барышнями, лишь бы штурманов не трогал. Но так нет!

Кайл категорически не мог выносить, когда кто-то ему говорил, что делать. Он сам лучше всех знал, что ему делать. Как и куда ехать. Упрямо пытался игнорировать бубнеж штурмана о предстоящих поворотах, подъемах и спусках, состоянии дороги. Старался удержать в голове всю информацию о спецучастках, полагался на собственную память. Но не зря в раллийном автомобиле находились двое. И каждый должен был делать свое дело. Но нет... Только не самоуверенный, «я-все-знаю-лучше-всех» Падрон! Он либо выживал штурманов из команды — Кайл мог быть крайне неприятным и неуживчивым парнем. В совокупности с его богоподобным авторитетом в команде это не давало ни малейшего шанса тому несчастному, который приходился Падрону не по нутру. Либо был еще другой, прямо противоположный вариант. Он очаровывал штурманов так, что они ели у него с рук. Смотрели в рот. Он сбавлял им своих бывших подружек, а они у него были одна другой краше. Он мог быть очаровашкой Кайлом, если хотел. В итоге парни забывали, что именно они должны решать, куда и как едет стремительная раллийная машина.

Что в том, что в другом случае результат был один. Сукин сын Падрон оставался со спецучастками один на один. Ехал так, как считал нужным. И со своим чертовым упрямством отказывался признать, что он не сможет справиться с этим без толкового

штурмана. Собственно, учитывая репутацию Падрона, найти грамотного штурмана на предстоящий сезон было серьезной проблемой.

Сэр Макс вздыхает. Он даст ему один шанс. Еще один сезон. Но если ничего не изменится... Придется искать нового первого пилота. Но для начала надо найти на предстоящий сезон хорошего, профессионально подготовленного штурмана, который к тому же согласится работать с Падроном. А это практически невыполнимая задача. Все стоящие люди в мире раллийных гонок прекрасно знали, что собой представляет «душка» Падрон. Придется искать кого-то со стороны. И каковы шансы на то, что этот «кто-то» будет обладать достаточным опытом, да еще и характером, для того, чтобы противостоять засранцу Кайлу?

Мак-Коски вздыхает еще раз. Закрывает файл с досье. Совершенно необходимо поговорить с Кайлом. Он должен понимать всю серьезность ситуации. И свою ответственность.

Где-то в Средиземном (а может, и Адриатическом) море.

Кайл не мог жить без скорости во всех ее проявлениях. Он жил, только когда двигался. И чем быстрее он двигался, тем лучше себя чувствовал. Тем быстрее бежала кровь по артериям и венам. Тем ярче был мир вокруг.

Годилось все. Машина. Мотоцикл. Велосипед. Сноуборд. Серф. Или, как сейчас...

Руки его ласкают полированное дерево штурвала. Жаль, что в раллийных машинах нет такого. Конечно, парусная яхта, элегантно скользящая по лазурным волнам, не могла сравниться по скорости с его боевой «Импрезой». Но было что-то бесконечно волнующее в том, как изящный, с белопенными парусами, корабль повиновался движениям отполированного до мягкого блеска рулевого колеса. И его рук.

Босые ноги твердо упираются в деревянные плашки палубы. На Кайле только серые шорты и бандана. От природы смуглая кожа позволяет не беспокоиться о полуденном солнце и полностью отдаться магии движения. Слиться в единое целое с летящим по волнам парусником.

— Кайл, малыш, — на его плечи ложатся тонкие руки с ярко алым маникюром, — я хочу искупаться.

— Позже, — спокойно отвечает он. Но что-то есть в его голосе, что идеальной клонированной блондинке даже не приходит в голову

спорить с ним. Она целует его в шею, отчего Падрон чуть заметно морщится, и уплывает в каюту, на всякий случай призывно покачивая бедрами. Но Кайл не смотрит. Этой... Он на секунду хмурится. Как ее? Бриттани? Он займется ею вечером. А сейчас... Его чуткие пальцы гладят полированное дерево штурвала. Бросает взгляд на паруса. Все отлично. Покажи, малышка, на что ты способна.

Глава 2. Южная Америка. Аргентина. Буэнос-Айрес

«Условия пари одобрили не все
И руки разбивали неохотно»

В.С. Высоцкий. «Горизонт»

Когда-то, почти тридцать лет назад, они гоняли вместе. По одним и тем же раллийным трассам. Правда, за разные команды. Что не мешало им дружить. Бить друг друга на трассе — и дружить по жизни.

Сейчас, спустя десятилетия, они были все так же преданы раллийному спорту. Но по-разному. Этьен стал директором «Дакара» — самого известного и культового ралли-рейда. В качестве руководителя «Дакара» он являл собой весьма значимую и уважаемую фигуру в мире автоспорта.

Макс, а точнее, теперь уже — сэр Макс, пошел иным путем. Он поставил себе цель завоевать еще один раллийный трофей. Или, возможно, не один. Но уже в качестве владельца собственной команды. Одной из самых уважаемых и значимых команд в мире раллийного спорта.

И вот теперь два этих солидных и респектабельных джентльмена сидели в овеваемом прохладой кондиционера кабинете Этьена Лавиня, любовались видом плавающего под полуденным солнцем Буэнос-Айреса. Неспешно пили «Перье». И разговаривали.

— Извини, Этьен, что явился так не вовремя. У тебя на носу начало гонки. Столько дел, я представляю. Горячая пора... С другой стороны, — Мак-Коски лукаво усмехается, — через месяц горячая пора начнется у меня. Так что...

Лавинь делает неопределенный жест рукой. Дескать, чего там...

— Что делать, Макс. Мы себе не хозяева. Как ни парадоксально это звучит. Кому-то кажется, что мы на вершине мира. Что мы — короли. Но времени ни на что нет. А что может быть лучше встречи со старым... — Этьен чуть заметно выделяет это слово, подтрунивая на Мак-Коски, — другом. Так что дела... Всегда есть и никуда не денутся. Тем более... Сколько мы с тобой не виделись, Макс?

— Года три, наверное. Последний раз встречались, когда тебя только назначили. Помнишь, какой ты закатил тогда праздник?

— Да уж, — усмехается Этьен, — как будто вчера. Слушай, Макс, может быть, поужинаем вечером? Я освобожусь пораньше, посидим, не глядя на часы.

— Намек понят, — Мак-Коски вынимает из кресла свою длинную тощую фигуру.

— Да нет, ты не понял...

— Этьен, перестань, я все понял. И ты прав. Встретимся вечером. Я закажу столик в ресторане, в гостинице. Хорошо?

— Хорошо. Или, может быть, ты... — Лавинь неуверенно подбирает слова. — Макс, может, ты по делу приехал? Что-то обсудить? Что-то срочное?

— Да нет, — морщится Мак-Коски, — мне надо проветриться. Проветрить мозги. Перед тем, как принять важное решение. А что для этого подходит лучше, чем путешествие и встреча со старым... — он также ехидно выделяет это слово, — другом?

На столе у Этьена оживает телефон. Он хмурится.

— Извини, — и уже в трубку. — Я просил не беспокоить! — пауза. — Хорошо.

Не успевает он положить трубку и что-то произнести, как тяжелая дверь кабинета со стуком распаивается. И в кабинет врывается... нечто.

Высоченное. Ниже, безусловно, ниже имеющего рост далеко за шесть футов (183 сантиметра — прим. автора) сэра Макса. Но тоже не маленькое. Тощее. Торчащие во все стороны белокурые... патлы. Ибо волосами это назвать нельзя. Огромные голубые глаза. Что-то в них есть... От взгляда маленького игривого котенка, наивного, не

ждущего никаких подвохов от жизни. Впрочем, сейчас глаза эти все же горят не пойми чем. То ли — охотничьим азартом, то ли — праведным гневом. Или — и тем, и другим. И еще губы. Пухлые надутые губы, которые уж совсем никак не сочетаются со всем остальным.

Парень, решает Мак-Коски. Красивый, чуть женоподобный, но парень. И, наверное, брезгливо морщится он, гей.

— Этьен! — вопит тощее недоразумение. — Ты в курсе? Нет, скажи, ты в курсе? Ты знаешь, что они собираются сделать под предлогом безопасности? Это же...

— Мы не одни! — рявкает, потеряв терпение, Лавинь.

Юноша (теперь Мак-Коски уже сомневается, голос нежный. Черт бы подрал эту современную молодежь: с первого взгляда не разберешь — парень или девушка!) поворачивается на пятках запыленных кроссовок. Один изучающий взгляд. Огромные глаза распахиваются еще больше. Красивые пухлые губы (Мак-Коски прямо неловко делается, что он обращает внимание на этот чертов, хрен поймет чей, рот!) приоткрываются, демонстрируя идеальную букву «О». В глазах все эмоции смываются, уступая место восторгу. Неприкрытому восхищению. И вот уже сэру Максу трясут руку в неслабом рукопожатии.

— Мистер Мак-Коски! Сэр! Какая честь! Такое счастье познакомиться с вами. Я — Ники...

— Гхм... — грозно прокашливается Этьен. — Макс, позволь представить тебе мою племянницу. Николь, — Лавинь намеренно выделяет интонацией имя. — Николь Хант.

«Все таки — девушка» — потрясенно осознает Мак-Коски. А потом до него доходит весь смысл фразы. Оглядывает стоящую перед ним Николь. Ее рука — по-прежнему в его. Глаза и губы — это красивое, девичье. Но все остальное... Короткие белобрысые патлы. Никакого намека на грудь под белой просторной футболкой. Ноги, длинные, что да, то да, — облачены в пыльные джинсы ядовито-зеленого цвета.

— Неужели это малышка Николь? — наконец, выдает он слабую улыбку. — Дочка красавицы Жюли? Бог мой, сколько времени прошло. А ведь я последний раз тебя видел, когда ты была вот такой... — символический жест, отмеряющий от силы полметра от пола. Банально. Но Николь вся светится от счастья.

— Вы помните меня? Правда? Сэр Макс, вы не представляете, как я счастлива! Я просто боготворю вас. Болею за «Мак-Коски» с самого

ее основания. У вас самая лучшая команда, самые лучшие гонщики и...

— Николь... — предупреждая произносит Этьен.

— Простите, — спохватывается девушка. — Я вам помешала...

— Да неужели? — иронично интересуется Лавинь.

— Да ладно тебе, Этьен, я все равно ухожу. До встречи вечером.

Николь, рад был увидеть тебя. Ты так выросла. Так похожа на... — он хотел соврать, но не смог. И поэтому сказал правду: — на своего отца.

Вечером недостатка в темах для разговора не было.

— Бог мой, Этьен! Я даже предположить не мог... Николь — вылитый Джонатан.

— Да уж, и поверь мне, не только внешне. Характер у нее точь-в-точь как у этого проклятого янки.

Они оба возвращаются в памяти на тридцать лет назад. И вспоминают ее. Красавицу Жюли Лавинь. Сестру Этьена.

Когда-то Мак-Коски казалось, что, кроме этих двоих, ему не нужен никто в целом свете. Лучший друг, он же соперник. И любимая девушка, она же сестра лучшего друга. Они были втроем, и им был подвластен целый мир. И никто им был не нужен. Жюли со смехом принимала ухаживания Макса. Несколько пылких поцелуев в паддоке[1]. То в одной стране, то в другой. Когда она приезжала поболеть за брата. И за него. На большее тогда просто не хватало времени. Но он обещал себе, что, как только он завоюет титул чемпиона, красавица Жюли с кожей цвета нежнейших сливок, с волосами цвета хорошего швейцарского шоколада, с глазами цвета самого лучшего марочного коньяка, станет его женой.

Чемпионом он стал. Да вот только к тому моменту Жюли уже была женой Джонатана Ханта. Этого проклятого янки.

Он это пережил. То, что она стала женой другого. Гораздо, гораздо больнее было, когда она погибла. Разбилась на машине вместе со своим чертовым мужем, который, как и все американцы, воображал, что умеет управлять автомобилем. Черта с два! Когда на место аварии приехали полицейские и спустились на дно оврага, в который слетела машина, внутри они обнаружили два трупа. А вот малышку, тихо сидящую в детском кресле на заднем сиденье, заметили не сразу. Кроме нескольких порезов на лице и руках от разбившихся стекол, она была цела. На момент аварии Николь не исполнилось и года.

— Если она пошла характером в отца, представляю, как тебе непросто.

— Дай Бог мне терпения, Макс, — салютует ему бокалом с вином Этьен.

— Возможно, стоило дать ей приличное образование? Что-нибудь, подходящее для женщины? Дизайнер, например. Или что-то в этом роде?

Этьен громко фыркает, несмотря на все свое образование и манеры.

— Послушай-ка меня, мой старый добрый друг Макс. Сейчас я тебе кое-что расскажу.

И под курицу «Кунг Пао» и салат по-китайски сэр Макс слушает историю Николь после той аварии.

В неполные тридцать лет Этьен оказался опекуном годовалого ребенка. Это связывало ему руки, чертовски осложняло жизнь. Но Николь была единственным родным ему человеком. Родителей они с Жюли лишились рано, и теперь, после смерти сестры, у него никого не осталось. Кроме Николь.

Впрочем, была еще и родня со стороны Ханта. А именно, его мать, которая тоже хотела принять участие в воспитании внучки. Опекунство, в виду более молодого возраста и более обеспеченного материального положения, отдали ему. Мать Джонатана, Эва Хант, была уже прилично в годах, да и жила скромнее. Но у нее было то, чего не было у Этьена: возможность жить на одном месте. И поэтому, скрепя сердце, Этьен принял решение. И Николь осталась жить в Америке. Оплачивал все расходы, включая няню, пока Николь была малышкой. Ибо миссис Хант, при всей ее любви к внучке, была не в состоянии, по мнению Этьена, обеспечить всесторонний и достойный уход за его племянницей.

Он приезжал. Так часто, как мог. А мог он, увы, не часто. Обычно — раз в год. На Рождество и Новый год. В межсезонье. Малышка Ники боготворила его. Она не верила в Санта-Клауса. Она верила в него. В своего дядю Эта. Ибо на Рождество всегда случалось чудо, и он приезжал. Привозил ей сувениры с разных уголков света. Сначала это были куклы, мягкие игрушки, красивые платья. Потом, когда основное увлечение Ники стало очевидным всем, выбирать подарки стало гораздо проще.

В комнате Николь не было Барби и плюшевых пони. Не было игрушечной мебели и игрушечной посуды для чаепитий. Все стены были увешаны плакатами с изображением гоночных авто — от формульных болидов до драгстеров. И, конечно, ралли, ралли, ралли. И лицо Этьена. Он улыбался ей с каждой стены. Шкафы и полки

были набиты различными моделями автомобилей. И еще — сувениры, которые он привозил ей. Засохшая шишка с ралли Швеции. Камушек с гравийной дороги — это ралли Греции. Обломок переднего бампера — это его занесло и развернуло на ралли Иордании.

Это было бы похоже на комнату мальчика, если бы не кровать под белопенным балдахином. На этом настояла бабушка Эва. А Ники было все равно, где спать.

Миссис Хант считала, что во всем виновата нянька Ники, Изабелл, которая была увлечена симпатичным дядей своей подопечной и стала показывать малышке Николь ее любимого Эта по телевизору. Но Этьену иногда казалось, что это глубоко внутри нее. Как будто в той страшной аварии она намертво, не разольешь, соединилась душой с духом погибшей машины. Смешно, конечно же, смешно ... Но увлечение Ники автомобилями граничило с одержимостью.

Бабушка Эва ахала, охала, причитала. Из всех сил пыталась сделать Ники хоть чуть-чуть похожей на юную леди. Но что она могла сделать с Николь, унаследовавшей от отца неистребимое жизнелюбие и дух авантюризма, а от дяди — любовь ко всем без разбора машинам? Да и годы брали свое. А когда Николь только исполнилось одиннадцать, они забрали бабушку окончательно.

У Этьена тогда был сложный период. Ему было уже пора завершать карьеру гонщика и подумывать о том, как дальше обустраивать свою жизнь. А без автоспорта он ее не мыслил. Значит, надо было переквалифицироваться в менеджера одной из команд и снова пробивать себе путь наверх.

У него не было выбора. И Николь отправилась в один из дорогих и престижных пансионатов Америки.

Горе ее было беспредельно. Она смертельно обиделась на него. Но к третьему по счету пансиону поняла, что свое решение дядя Эт не изменит. Что бы она ни делала.

Она плакала, уткнувшись в колени. Он не любит ее! Она не нужна ему! Тогда она просто ляжет и умрет! Не будет ничего есть и умрет!

Усталые уговоры Этьена о том, что сейчас у него нет возможности взять Николь к себе, что он мотается по всему свету, меняет места работы и пытается снова найти свое место в мире автоспорта, пролетали мимо ее ушей. Все, что она понимала — он ее не любит! Вот умрет она, тогда посмотрим, как он запоем...

Но природное жизнелюбие и упрямство победили. И Ники осталась в пансионе. На горе и новые седые волосы учительского коллектива.

Этьен на всю жизнь запомнил тот день. Он тогда только начал работать спортивным директором одной молодой, но очень перспективной команды. В виду ограниченного бюджета ему приходилось выполнять еще ряд функций, и он работал, не поднимая головы.

— Этьен? — в кабинете материализуется голова его помощницы. Тело по-прежнему остается в коридоре. — Там к тебе пришли.

— Кто? — он никого не ждал. А, впрочем, какая разница. Его дни тогда напоминали сплошной хаос. Все планы, если таковые имелись, через полчаса после начала рабочего дня летели ко всем чертям. — Запускай.

Дверь открывается и... Высокая, тощая, нескладная. Лицо — одни сплошные огромные испуганные глаза. Страх и вызов — редкое сочетание. И упрямо поджатые пухлые губы.

— Ну, здравствуй, ... дядя!

Он вскакивает, с грохотом роняя стул. В голове проносится: — у нее две недели назад был выпускной. На который он так и не смог приехать. Она должна была остаться в пансионе еще, как минимум, на месяц, он договорился. И еще. Он сейчас находится во Франции. А пансион Ники был в Штатах, мать его!

— Ники!!! — прорычал он. Или проорал. Вот это он не помнит.

Она дергается, как будто хочет отступить. Но остается стоять. Лишь упрямо поджатые губы начинают чуть заметно дрожать.

И его вдруг отпускает напряжение. Он закрывает глаза, медленно выдыхает. Это же Николь, его малышка Николь, дочка Жюли. Он открывает глаза, чтобы увидеть, как по ее щеке катится первая слеза.

Отбрасывает ногой стул, в три шага преодолевает пространство кабинета. И она утыкается носом в его плечо. Для чего ей приходится наклонить голову. Но это не важно. Она обхватывает его руками. Из всех сил стараясь не разреветься. А он крепко обнимает ее. Гладит по лохматой голове. И вполголоса бормочет французские ругательства пополам с американскими.

Николь что-то неразборчиво произносит ему в плечо.

— Что? — переспрашивает он.

Она поднимает голову. Черт подери, она выше его! Ненамного, но все-таки.

— Ты неправильно произносишь это слово...

— Какое?

— He shirt, a shit.

— O, shit, Николь!

Они долго говорили. Им было о чем поговорить. И было в чем покаяться друг перед другом.

Этьен, не особо скрывая, рассказал, как трудно ему сейчас пробиваться к вершинам автоспортивного менеджмента. Ники все поняла. Со своей стороны, смущаясь и нервно посмеиваясь, рассказала про свой план, который и привел ее в это сумасшедшее утро в кабинет Этьена. Да уж, мозгов и упрямства девчонке было не занимать. Этьен, несмотря на все пережитое потрясение, испытывал чувство гордости за свою малышку.

Но надо было что-то решать. О том, чтобы вернуться в пансион, не могло быть и речи. Проспорив битых три часа, они приняли компромиссное, устраивающее их обоих решение. Ники на месяц остается с дядей. За это время она определяется с тем, где и на кого она бы хотела учиться. Отправляет документы. Ну а потом — едет учиться. А уже после обучения она остается с Этьеном окончательно. И все каникулы она тоже проводит с дядей.

— И что она в итоге выбрала? — дело уже дошло до десерта. Шоколадный пирог. Вредный, но адски вкусный.

— А как ты думаешь?

— Сорбонна? — предположил сэр Макс.

— Это же моя племянница! — во фразе чувствуется гордость. — Она получила приглашение от МИТ! Факультет инженерного дела, — отпил кофе и усмехнулся. — А ты говоришь — дизайнер.

— Да уж, — сэр Макс впечатлен рассказом старого друга. — Хоть фамилия у нее и Хант, а вот мозги — явно Лавинь.

Этьен самодовольно улыбается. Но потом грустнеет.

— Разве это жизнь для молодой красивой девушки?

Мак-Коски тактично молчит. Когда-то он любил Жюли Лавинь, но даже это не позволяет ему сейчас, в настоящем, назвать ее дочь красавицей. Ну, разве что, отдельные фрагменты. Глаза, например...

А Этьен, между тем, продолжает:

— Она окончила институт в тот год, когда меня назначили директором «Дакара». В тот год, когда «Дакар» перебрался из Европы сюда. Трудное тогда было время. Столько всего надо было делать заново. Я спал тогда по пять часов в сутки. Больше не получалось.

Сэр Макс кивает. Прекрасно понимает, о чем говорит Лавинь. Он испытывал чувство гордости за своего друга. Как тот справился с поставленной перед ним сложнейшей задачей.

— Да, несладко тебе пришлось. А тут еще Николь под ногами мешается.

— Ты что?! — изумление Этьена абсолютно искренне. — Да она мне помогала. С самого начала. Не могу сказать, что без нее бы не справился. Я же, черт побери, профессионал, каких мало!

Сэр Макс согласно кивает, салютуя ему чашкой с кофе. Этьен картинно наклоняет голову в знак благодарности и рассказывает дальше:

— Но Николь оказала мне неоценимую помощь. Это были мои глаза, уши и ноги. Она объездила всю трассу. Знала в лицо каждый поворот. Каждый подъем, каждый спуск. В том, что трасса получилась именно такой — в большей степени ее заслуга. Ведь все отмечают: новый «Дакар» — сложный, интересный, разнообразный. И при этом — безопасный. Ну, насколько это вообще возможно. С возможностью максимально быстро оказать в любом месте любую помощь — и техническую, и медицинскую.

Этьен закурил ароматную сигару. Он это себе позволял редко, но тут был повод. И торжественно завершил свой панегирик:

— У нее здесь, — он постучал пальцем по лбу, — встроенный компас. И гироскоп[2]. И память фотографическая. Реакция — как у боксера. Это у нее от отца. А учитывая то, что двигатель внутреннего сгорания у нас в квартире вместо подставки под кофейный столик... То есть, она прекрасно представляет себе возможности автомобиля как такового, а так же мотоциклов и грузовиков. Водитель от Бога. Это, без сомнения, уже в меня!

Горделивая улыбка тускнеет, и Лавинь вздыхает.

— Конечно, карта нового «Дакара» нарисована рукой Николь. Но вот с людьми она совершенно не умеет работать. Местным чиновникам готова в глотку вцепиться. Совершенно не умеет договариваться. Последний раз дело дошло до того...

Мак-Коски слушает. Но не очень внимательно. Ибо в его голове собираются, стыкуясь друг с другом, как вагоны в железнодорожном составе, фразы, произнесенные Этьеном.

Встроенный компас... И гироскоп... Фотографическая память... Реакция... Водитель от Бога... Карта «Дакара» нарисована рукой Николь...

Все складывалось. Одно к одному. И получалось в итоге...
Получалось... Сэр Макс не верил в совпадения.

— ... и в итоге она из-за этого скандала сорвала мне двухмесячные переговоры. У меня было желание посадить ее под замок. Или зашить ей рот.

Это как нельзя лучше подходило к тому, что он собирался сказать.

— Этьен, — начал он осторожно, — по-моему, есть работа, для которой Николь подходит идеально.

— И что же это за работа такая?

— Ну, подумай сам. Реакция. Память. Компас и гироскоп, как ты утверждаешь. И то, что она хороший водитель. Стратегическое мышление присутствует?

— Да, — настороженно ответил Лавинь, — в шахматы меня регулярно надирает.

— Ну, Этьен, это же очевидно...

— Не хочешь же ты сказать... — Этьен резко откидывается на спинку стула. Смотрит прямо в глаза Мак-Коски. — Так вот зачем ты приехал. Все-таки по делу...

— Этьен! — сэр Макс резок. Повышает голос. — Ты с ума сошел! Я до сегодняшнего дня представления не имел, чем занимается Николь. И что она из себя представляет.

Этьен смотрит на него. По-прежнему — недоверчиво.

— Да, я ищу штурмана. Это правда. Но к тебе я приехал отнюдь не за тем, чтобы предложить твоей племяннице эту работу.

Этьен вопросительно изгибает бровь. Сэр Макс вздыхает.

— Но она же идеальный штурман. Разве ты не видишь?

— Возможно, — осторожно соглашается Лавинь. — Но твой Падрон не уживется даже с идеальным штурманом. Хочешь, чтобы он сожрал и ее? До меня доходят кое-какие слухи...

— Не думаю, что так будет. Видишь ли, Николь — девушка.

— Да ну?

— Ну, право, Этьен, дай сказать. Ты, возможно, не знаешь, но у Кайла... особое отношение к женщинам. Он не обидит Николь. Я думаю, именно это и позволит им хорошо сработаться вместе.

Он задумчиво потер лоб.

— Я, конечно, понимаю... Что быть штурманом в одной раллийной команде — это совсем не то же самое, что стоять у руля целого ралли-рейда. Но я предложу ей хороший контракт. И...

— Ты шутишь? — Лавинь против воли расхохотался. — Где были твои глаза сегодня утром? Да если б я не вмешался, еще пара минут — и она бы бросилась целовать тебе туфли. Она же бредит «Мак-Коски». За всеми гонками следит. А потом еще после каждого этапа неделю меня донимает разбор полетов. И этим твоим Падроном тоже бредит! Одно время сомневалась, правда, кому отдать свои болельщицкие симпатии — ему или Хирвоненну. Но в итоге Падрон победил. И, я думаю, ты знаешь, почему.

— Вот видишь, как все складывается, Эт. Одно к одному.

— А тебя не смущает, что за все время существования история ралли знает единицы имен женщин-штурманов? А уж чемпионов среди них точно нет!

— Значит, Николь будет первой.

Лавинь молчит. Задумчиво крутит в руках чашку. А потом... Вера в то, что его Николь — особенная, самая лучшая, и собственное тщеславие и амбициозность заставляют его улыбнуться и произнести:

— Для начала — надо все-таки узнать мнение Николь.

Он потом вспоминал этот момент, когда вечером Николь чуть ли не колесом ходила по квартире, периодически стискивая дядю в объятьях и выкрикивая нечто бессвязно вроде: «Мак-Коски... Ралли... Я — штурман... работать с Кайлом... познакомлюсь с Микко».

Глава 3. Северо-Западная Англия. Камбрия. Барроу-ин-Фарнесс

«Вступая в мир с названием „ралли“, помните, что пренебрежение отбором и подготовкой штурманов рано или поздно скажется на ваших результатах, не позволит достичь желаемого успеха и, главное, ставит вас в положение заложников у самих себя...»

Статья «Штурман» с сайта eulex.ru.

Николь входила в кабинет Мак-Коски со священным трепетом глубоко верующего человека, впервые получившего доступ к своей святыне. А между тем, это был совершенно обыкновенный кабинет.

Просторный, удобный, рациональный. Но без излишней роскоши и помпезности.

Ники оглянулась, впитывая все новые детали. Огромный черный стол для совещаний. Несколько больших экранов по стенам — для проектора, ЖК, еще какой-то... На одной свободной стене видит несколько черно-белых фото. С улыбкой узнает дядю Эта. Молодого, тридцатилетнего. Самого сэра Макса с чемпионским кубком в высоко поднятых руках. И, вздрогнув, буквально впивается взглядом в лицо темноволосой женщины, пристально смотрящей прямо в камеру из-под длинной челки. Мама. Которую она совсем не помнит, конечно же. И на которую она, увы, совсем не похожа.

— Присаживайся, Николь. Кайл сейчас подойдет, — Ники вздрагивает от голоса Мак-Коски, успев уплыть в мыслях далеко, в те времена, когда ее самой еще не было на свете. Зато мама была жива. — Да не переживай ты так! Вы с Кайлом сработаетесь. Я просто уверен в этом.

— Ну да, — бормочет Ники, устраиваясь на краешке стула. Оглядывает себя. Она старалась изо всех сил, но понятия не имела, как нужно выглядеть, чтобы понравиться такому искушенному плейбою, как Кайл Падрон. Поэтому одела свое the best. Серые прямые брюки, из той же ткани жилет мужского покроя. Белая рубашка. Упрямые волосы накануне острижены, как выражался дядюшка, «под ноль», а на самом деле — всего лишь до той длины, когда они не требуют ровным счетом никакого особого внимания, и при этом не торчат в разные стороны.

— Я думаю, так будет лучше, — продолжает сэр Макс разговор, начатый ими по дороге сюда. — Вы сначала познакомитесь с Кайлом. Пообщаетесь. А потом уж мы все вместе пройдемся по моторхоуму, посмотришь что у нас как и где, познакомлю тебя с кое с кем из наших «топов». А на завтра уже назначим первое рабочее совещание.

— Да, конечно... — отвечает Николь, и в этот момент дверь распаивается. И в кабинет является божество.

И дело было даже не в том, что он был адски, до неприличия хорош собой. И никакие фотографии не передавали этого. Высокий, стройный, с кошачьей пластикой в уверенных движениях. Неброская, обманчиво простая одежда — футболка, джинсы, ветровка — лишь подчеркивала и горделивую осанку, и ширину плеч, и длинные ноги. Взгляд серо-голубых глаз, казавшихся особенно светлыми на фоне

длинных темных ресниц, разил наповал. И он знал об этом, о чем говорила легкая улыбка на скульптурных губах.

Дело было в том, что от него буквально исходило... Это не передавалось ни фото, ни видео. Но при непосредственном общении... Стоило его только увидеть. Николь вспомнила вдруг некстати уроки латыни в пансионе. *Veni, vedi, vici*. То, что хорошо для Цезаря, было хорошо и для Кайла Падрона. Он был рожден для всего самого лучшего. Он был рожден побеждать. И каждый, кто видел его, понимал это. Ему невозможно было сопротивляться. Его невозможно было не обожать.

В ответ на ее полную восхищения улыбку она получила мимолетный взгляд и едва заметный кивок. Мак-Коски достались рукопожатие и улыбка мощностью в тысячу ватт.

— Послушай, Макс, — Николь обмерла от священного ужаса. Называть шефа команды запросто Максом! Хотя, с другой стороны, это же сам Кайл Падрон. И какой же у него голос... — я тут подумал по поводу нашей проблемы. Я знаю одного отличного парня...

— Кайл, минуту, — предупреждающе поднял руку сэр Макс. — Для начала позволь, я тебя кое с кем познакомлю.

— С кем? — непонимающе уставился на шефа команды Кайл.

Мак-Коски демонстративно посмотрел в сторону Николь. Кайл послушно перевел взгляд туда же. Нацепил на лицо фальшивую дежурную улыбку. Сел напротив нее, через стол.

— Кайл, позволь представить тебе Николь Хант. Она — новый член нашей команды.

— Приятно познакомиться, мисс Хант, — все та же фальшивая улыбка. Но и она заставляет сердце колотиться в каком-то сумасшедшем ритме. А потом — вдруг неожиданно замирать.

— Николь — твой штурман на это сезон.

— Очень ра... — он замирает на середине фразы. Недоверчиво хмурится. Переспрашивает: — Штурман?

— Да.

Николь кажется, что его холодные светлые глаза имеют силу рентгеновских лучей. Несколько томительно-долгих секунд он бесцеремонно разглядывает ее. Затем усмехается.

— Хорошая шутка, Макс. Этот ваш британский юмор.

— Я шотландец, Кайл. И это не шутка.

— Да брось...

— Кайл! Я говорю абсолютно серьезно. Николь — наш новый штурман. Твой... — он выделяет это слово, — штурман.

Сицилия берет верх. Кайл вскакивает с места, роняя стул.

— Макс, ты не можешь! Это невозможно...

— Возможно.

— О'кей, о'кей, я понял, — Кайл начинает метаться по кабинету. Николь смотрит на него со смесью восхищения, ужаса и какого-то уж совсем непонятного предчувствия, от которого скудный завтрак, который она таки смогла проглотить, начинает настойчиво проситься наружу. — Я понял. Ты был прав. А я — нет. Мне нужен толковый штурман. И я обещаю, Макс, — Кайл стремительно подходит к Мак-Коски. Он говорит с такой убежденностью, с такой эмоциональностью, что Ники готова поверить во все, что он скажет. — Я обещаю, буду послушным зайкой. Я многое понял. И сдержу свое слово. Только давай найдем нормального, — один недоуменный взгляд в сторону Ники, — штурмана.

— Кайл, — в голосе Мак-Коски столько металла, что он может обеспечить крупный трубопрокатный завод работой на сутки, — это не обсуждается. Николь — твой штурман. У нее контракт на этот сезон. И если ты меня выслушаешь...

— Да что тут можно слушать?!

— Тебе напомнить, кому принадлежит эта команда? И на кого ты работаешь? — совсем тихо спрашивает сэр Макс.

Кайл, видимо, знает, что означает этот негромкий, лишенный эмоций голос. Швеция временно перехватывает инициативу.

— Хорошо, — совершенно спокойно отвечает он, поднимает стул, садится. Поворачиваясь при этом к Николь боком и глядя только на Мак-Коски. — Я слушаю.

— У Николь контракт. Это раз. Она закончила МИТ, и имеет инженерное образование. В отличие от тебя, — Кайл дергается, но молчит. — Это два. Она с самого переезда «Дакара» в Южную Америку работает правой рукой Лавиня, если ты понимаешь, о чем и о ком я. Методику прокладки трасс, деления на спецучастки, да всю эту кухню изнутри знает как свои пять! Это три. Неужели ты не понимаешь, что это значит. И что это нам дает! Да таких штурманов ни у кого нет. Это шанс! Твой шанс.

— Я впечатлен, — Падрон прикладывает руки к груди. Наконец поворачивается к Николь, но его взгляд и улыбка не сулят ничего

хорошего. Отвешивает ей шутовской поклон. — Мисс Хант, ваши достижения достойны восхищения.

Он даже делает несколько негромких хлопков.

— Все? Я исполнил ритуал? Я действительно восхищен деятельностью мисс Хант и тем, что она сделала для «Дакара». Мне кажется, будет несправедливым лишать мэтра Лавиня такого помощника. Я не могу принять эту жертву.

— Закончил упражняться в остроумии? — голосом Мак-Коски можно резать стекло.

— Макс, — Кайл абсолютно, предельно серьезен, — мне нужен штурман. Я буду во всем его слушаться. Обещаю. Согласен на любого, абсолютно любого. Я тебе доверяю. Но только не ее. Любого, кроме мисс Хант.

Сэр Макс встает.

— Это не обсуждается. У тебя не будет другого штурмана. Кроме мисс Хант.

Кайл взлетает со стула разжатой пружиной.

— Так, да?! Хорошо. Пусть будет по-твоему. Но не жди от меня чудес. И не говори, что я тебя не предупреждал!

Он стремительно направляется к двери. Взявшись за ручку, поворачивается и смотрит прямо в глаза Николь. Он парализует ее, этот взгляд. И ей становится по-настоящему страшно.

— Добро пожаловать в ад, детка.

Дверь за ним закрывается. Разумеется, с грохотом. Сицилия опять у руля.

Глава 4. Вермланд. Карлстад. Ралли Швеции

«Эта неблагодарная, незаметная, вызывающая усмешку и непонимание у непосвященных профессия, на самом деле является для ралли одной из самых главных»

Статья «Штурман» с сайта eulex.ru.

Есть такие ситуации, когда очень хочется, чтобы человек не сдержал данное тебе слово. Тут был как раз именно такой случай.

Николь очень хотела думать, что Кайл пошутил. Но нет. Кайл Падрон был человеком слова. И начался ад. Ее личный, персональный ад.

На первом рабочем совещании, где собралась верхушка команды, и Мак-Коски представил всем нового штурмана, ей предложили сказать несколько приветственных слов. И пока она, запинаясь, произносила свой спич, Кайл, практически не понижая голоса, обсуждал со своим гоночным инженером новшества, которыми их осчастливили мотористы на этот сезон.

Попытка обсудить стратегию на первый этап, на которую она решилась исключительно из своего упрямства, привычки видеть в людях хорошее, несмотря ни на что, а так же в память о том восторге, с каким она следила по телевизору за его выступлениями, окончилась полнейшим фиаско. Холодный взгляд, изогнутая бровь и презрительное: «Твое дело — стенограмму прочитывать. Если ты даже читать не умеешь — я тебе не помощник!»

Ну и финальное. Ни о какой случайности не могло быть и речи. Он прекрасно знал, что она видит и слышит его разговор с Кертисом Уилсоном, техническим директором команды. И от этого все было в миллион раз обиднее.

— Николь? О, нет, она — не Николь. Это имя для прекрасных женщин — Николь Кидман, Николь Шерзингер, Николь Ричи, Николь Генри...

— И ты с ними со всеми?..

— Нет. Кидман необычайно... пуританского воспитания дама.

— Неужели с остальными?.. Я пошутил, вообще-то...

— Я тоже. Кидман не смогла устоять, — он улыбается так, что не поймешь — правду говорит или нет. — И не о них речь. Просто вот это... — шипит что-то неразборчиво сквозь зубы, — не Николь.

— Ну, она вроде бы не против, когда ее называют Ники или Ник.

— Да мне по хер! Я не собираюсь ее никак называть!

— Кайл! Нельзя так...

— Ты знаешь, она мне недавно улыбнулась... Нет, ты видел эту улыбку? У меня мороз по коже. Хуже чем у акулы. О! Точно! Так и буду ее звать!

— Кайл!.. — предупреждающе восклицает Уилсон.

— Да, Керт, ты прав. На акулу не тянет. Тощая, и этот взгляд побитой собаки... Я придумал! Шарки! Вот, точно, она — Шарки. (Sharky(англ.) — детеныш акулы, акуленок — прим. автора.)

С тех пор он только так ее и называл. Когда вообще изволил обратить на нее внимание.

Было от чего впасть в уныние. Во-первых, сама Швеция. Снежная, холодная. Николь к такому климату не привыкла и постоянно мерзла. Во-вторых, Кайл — в миллион раз более холодный, чем вся Швеция вместе с соседней Норвегией, вместе взятые.

А в Швеции Кайла любили, отчасти благодаря матери-шведке, отчасти благодаря тому, что он был из тех гонщиков, которые особенно любили носиться по льду и снегу. Не боялся холодных температур, которые в особо «удачные» годы достигали минус двадцати пяти по Цельсию, неплохо знал наполовину ему родной шведский. Все это делало его любимцем местной публики и журналистов. Поэтому Кайлу было чем заняться — пресс-конференции, публичные и благотворительные мероприятия, визиты родственников.

А Николь засела за стенограммы. Поскольку Кайл категорически отказывался обсуждать с ней что-либо, в том числе — условности и соответствия, принятые у Кайла с его последним штурманом, Николь могла опираться только на старые стенограммы.

Изучала маршрутные листы, расположение пунктов контроля времени, тасовала и укладывала все это в голове, попутно отмечая, где и что она бы сделала не так. Конфигурация скоростных «допов» вынудила Николь обратиться за помощью и разъяснениями к техническому персоналу и гоночным инженерам.

Впрочем, резко негативное отношение Кайла к новому штурману пока не делало ее автоматически изгоем. К ней присматривались. Отвечали на вопросы, давали советы. Кое-кто из членов команды, с кем Ники общалась особенно плотно, даже пришел к выводу, что Николь Хант в некоторых вопросах осведомлена лучше, чем члены элитной, с чемпионскими замашками, раллийной команды.

Вся эта напряженная, с перерывами на еду, сон и переезды, работа не давала ей впасть в уныние окончательно. А когда грустные мысли об отношении к ней Кайла все-таки пробивались сквозь усталость, она говорила себе: «Он меня не знает. Он не знает, чего я стою. Я сама не знаю, чего я стою как штурман. Я сделаю все, что смогу. И если у нас получится показать хороший результат, вот тогда он...». На этом месте она себя обычно одергивала. Что тогда? Не стоит об этом думать. Для начала надо показать, что она достойна называться

штурманом Кайла Падрона. А если нет... Возможно, тогда она заслужила подобное отношение.

Накануне начала этапа она спала плохо. Ворочалась, несколько раз просыпалась. Один раз, уже под утро, часа в четыре, встала, подошла к окну. Смотрела в темное стекло — за ним шел снег. А в груди ее разрастался ледяной ком. Скорее бы уж, скорее. Она сделала все, что могла. Бросила взгляд на белеющие на углу стола листы стенограммы. Завтрашний день покажет, чего она стоит.

Он все-таки повернулся к ней. Посмотрел в глаза, хотя до этого делал вид, что ее нет вообще. Но теперь, когда они остались в машине вдвоем, и больше нет никого, и до старта этапа ралли остались считанные минуты — он соизволил обратить на нее внимание. Скривил губы.

— Одно пожелание. Говори громко и четко. Чтобы мне переспрашивать не пришлось. Большого я от тебя не ожидаю.

Совсем не те слова, чтобы подбодрить человека, который первый раз в жизни вступает в мир под названием «Королевское ралли».

Он отключил все эмоции, все мысли. Кроме доведенных до автоматизма навыков. И слуха. Они хотят, чтобы он слушался какую-то юбку. ОН! Кайл Падрон! Человек, который всегда не ехал — летел по трассе. На вдохновении.

Нет, Кайл понял наконец-то: это ралли, и есть стратегия, и правила, и контроль времени. Без штурмана — никак. Но эта... Шарки — не штурман. Хотят, чтобы он ее слушал? Пожалуйста. Он весь превратился в слух, внимательно слушая и хирургически точно исполняя все, что слышал. Хотите сделать из него послушную собачку? Он готов вставать на задние лапки и послушно вилять хвостом. Но не говорите потом, что он не предупреждал! И не ждите от него чудес!

— Триста ... трамплин... левый два... вверх... правый пять... опасно... двести.

— Есть.

— Двести... правый два... четыреста.

— Понял.

— Четыреста... левый четыре... сто.

— Повтори.

— Четыреста... левый четыре... сто.

— Дальше.

— Сто... правый три... пятьдесят.

— Готов.

Стартовый день ралли Швеции они закончили первыми, опережая ближайшего соперника на три секунды. Команда радостно праздновала этот триумф, первый этап, первый день — и они лидеры! Николь лежала в темном номере, завернувшись в одеяло. Ее бил озноб. Холод разливался изнутри. Он не сказал ей ни слова. Снял шлем, отстегнул микрофон. И, не глядя на нее, вылез из машины, где его тут же начали качать на руках.

Впрочем, кое-кто из команды поздравил и Николь. Особенно после того, как сэр Макс демонстративно обнял и расцеловал ее. Но это было все не то. И она не могла понять — что она сделала не так. Чтобы заслужить такое отношение к себе. Как будто она прокаженная.

Нет, она не прокаженная. Она — Шарки.

Второй день был копией предыдущего. С той лишь разницей, что напутствие было иным.

— Вчера мне два раза пришлось переспрашивать.

— В таком случае — прочисти уши!

Отличный диалог для людей, которых принято считать одной командой.

— Пятьдесят... левый четыре... двести.

— Есть.

— Двести... трамплин... правый три... двести вверх на мост... левый четыре минус... узко... двести.

— Понял.

— Двести... автобусная... двести... знак... двести... левый два... двести.

— Дальше.

Итог второго дня — выигрыш уже в девять секунд. Кайл — лучший. Команда ликует. Николь плачет у себя в номере.

Про третий день даже рассказывать неинтересно.

Кайл триумфально выиграл открывающее сезон ледяное ралли Швеции. И закатил по этому поводу шикарную вечеринку для избранных в доме своего деда, который жил в Даларна, самом сердце ралли Швеции.

А Николь улетела в Аргентину. Наплевав на ворчание Мак-Коски, что так, дескать, не делают, и работы вагон. Впрочем, учитывая, что следующим в календаре значилось ралли Мексики, а от Мексики до Аргентины рукой подать — ворчал он не сильно.

Николь сидела у иллюминатора, нацепив на нос очки и заткнув уши наушниками. В наушниках играл «AC/DC», под очками текли слезы. Надо выплакаться сейчас, говорила она себе, сейчас, а не тогда, когда она будет с дядей. Зачем его расстраивать? Она и так удивила и насторожила его безмерно известием о своем приезде.

Кайл выиграл ралли Швеции. Он один. Как будто ее не было в машине. Как будто она была совершенно ненужный балласт.

Ники была профессионалом. И та работа, которую она проделала, и то, что узнала при подготовке к своему первому этапу, и то, как он прошел — все говорило ей о том, что она справилась на «отлично». И в этой победе есть ее вклад, ее труд, ее пот и слезы. Но, похоже, никто, кроме нее, так не считал. Да еще шеф команды. Сэр Макс пытался, как мог, утешить Николь, всячески поддерживал ее авторитет в команде. Но трудно поддержать то, чего нет. Она была пустым местом. Ее не ненавидели. Но и не замечали. Пока она не начинала задавать вопросы.

Ники тыльной стороной ладони незаметно вытирает щеки. Всего несколько месяцев назад она была счастлива, полна надежд и радостного предвкушения. Как они с Кайлом будут работать вместе. Как она станет частью такого притягательного для нее мира раллийного спорта. И как они станут чемпионами.

Нет, это все иллюзии, мыльный пузырь. Она чемпионом не будет никогда. Кайл — возможно, она — нет. Пустое место чемпионом не становится. Ники поймала себя на том, что уже ждет конца сезона. Когда у нее закончится контракт. И она сможет вернуться в ставший ей родной Буэнос-Айрес. Навсегда.

— Николь, девочка моя. Как же я по тебе соскучился!

— И я, дядюшка!

— Что-то ты бледная...

— Вспомни, каково в феврале в Швеции.

Смеется.

— Помню. Холодно.

Улыбка его меркнет.

— Ник, ты мне не нравишься. Вся бледная, круги под глазами. Ты в порядке?

— Да. Вот приехала погреться под солнышком пару дней, узнать, как у тебя дела.

— Трудно без тебя, но я научился потихоньку справляться. Вместо тебя взял пару бестолковых помощников.

— Так уж и бестолковых!

Она улыбается, он — нет.

— Ники, Кайл тебя обижает?

Вот тут надо собраться и очень убедительно соврать. Вид у дяди встревоженный, все-таки она его напугала.

— Нет, что ты! Все в порядке. Никто меня не обижает.

Он меня не обижает. Он меня убивает.

Глава 5. Гуанахуато. Леон. Ралли Мексики

«Сажать справа начинающего можно только для обучения или его подготовки для себя в расчете ездить с ним впоследствии постоянно».

Статья «Штурман» с сайта eulex.ru.

В Мексике было чуть проще и легче. Там все-таки не было снега. Жара и пылица, ставшие ей за время работы в «Дакаре» почти родными. А в остальном — все то же самое. Привезший, казалось, с собой все снега Швеции и Норвегии ледяно-презрительный Кайл, сдержано-настороженное внимание со стороны ключевых «топов», безуспешные попытки Мак-Коски изменить отношение к ней со стороны команды.

Проблем добавило высказанное дядей желание приехать и посмотреть на то, «как она работает». Черт, еще только этого не хватало! Чтобы дядя Эт увидел своими глазами весь этот позор и унижение?! Этого она допустить не могла — взбунтовалась гордость, да и дядю расстраивать не хотелось. С трудом, но ей удалось его убедить: «Что я, маленькая, что ли? Чтобы меня контролировать? И вообще, мне не до тебя будет. Давай ближе к концу сезона, когда я освоюсь получше, хорошо? Обязательно приглашу тебя на один из этапов». Он сделал вид, что поверил ей. И не приехал. Хотя бы здесь она смогла добиться успеха.

Все прочее было под копирку с предыдущего этапа. Работа над своей стенограммой, изучение маршрутных листов и предыдущих стенограмм. Она работала много и практически без отдыха — что еще оставалось делать, если окружающие смотрят на нее как на

насекомое, в лучшем случае — как на экзотическое, в худшем — как на отвратительное. Впрочем, в работе над стенограммой к ралли Мексике многое ей было знакомо — высотные участки, где на спусках двигатели автомобилей захлебываются разреженным воздухом, сухая и песчаная поверхность с коварными камнями, при встрече с которыми тут же можно оставить колесо или часть подвески, а то и — совершить эффектный кульбит через крышу. Все это очень сильно напоминало ей родной и знакомый до последнего камушка «Дакар».

Именно это и стало предметом ее дискуссии с одним из ведущих механиков команды. Сначала на ее вопросы он отвечал неохотно и односложно, потом, поняв, что о проведении гонок в таких вот условиях среднегорья Ники знает едва ли не лучше него, кардинально изменил свое отношение, в результате чего у них состоялся крайне интересный и продуктивный диалог, затянувшийся за полночь.

На следующий вечер разговор продолжился, но уже в расширенном составе — к Ники в номер пришли все ключевые технические специалисты, и под пиво и начос[3] до полуночи ломали голову, спорили и прикидывали настройки автомобилей на предстоящую гонку. Арбитром в их спорах, как правило, выступала Ники. На ее стороне был колоссальный опыт проведения гонок именно в таких условиях в течение трех лет. За ее плечами стоял весь «Дакар», и именно тогда до ребят из команды начала потихоньку доходить простая, повторяемая изо дня в день шефом команды мысль: «Николь Хант — наше самое ценное приобретение за последнюю пару лет». Ники рассказывала им о методиках прокладки и прохождения трасс такие вещи, о которых ребята раньше могли только догадываться. Делались пометки на листах бумаги, которые потом были посыпаны солью и политы пивом. Кто-то припер ноутбук, пивом полили и его, но успели вовремя перевернуть, и клавиатуру не замкнуло. Работа продолжилась, разошлись они ближе к двум часам ночи. Ники была... практически счастлива. Впервые за месяцы работы в «Мак-Коски» она почувствовала свою нужность.

На следующий день, последний перед началом гонки, к их «совещанию» присоединился Кертис Уилсон. Пива уже, разумеется, не было, зато под руководством Кертиса они быстро порешали все спорные вопросы, и в девять вечера все по команде технического директора разошлись спать — на завтра предстоял трудный день. Лежа в темноте в постели, Ник размышляла. Неужели ее признали?

Эти полуночные совещания в ее номере были, безусловно, очень для нее важными. Она почувствовала, наконец-то, себя частью большой и дружной команды. И начала надеяться на что-то хорошее впереди. Если бы не одно «но». На этих совещаниях самое место было человеку, который и будет реализовывать в ближайшие дни их грандиозные замыслы. На них должен был присутствовать Кайл Падрон, первый пилот команды. А его не было. Но, разумеется, он сделал все, чтобы она совершенно определенно была ознакомлена с его мнением по данному вопросу.

— Кайл, мы вчера у Ник до полночи сидели... Она знает такие вещи... Ты не представляешь! Мы в прошлом году двадцать процентов мощности двигателя теряли на спусках. Помнишь, как мы позорно продули? Теперь у нас есть идеи, как уменьшить это цифру. Ник такое нам рассказала...

— Послушай, Оливье, я, конечно, понимаю, что у Шарки с ее убогой внешностью нет иной возможности заманить мужиков в свою комнату, кроме как какими-то фантастическими байками, но я предпочитаю проводить ночи по-другому... и с другими...

— Кайл! Нельзя так...

Падрон морщится.

— Мне еще предстоит провести с Шарки наедине не один час в машине. Да еще и слушать ее бубнеж... Поэтому сейчас — уволь меня от этого!

— Кайл, ты говоришь какие-то странные вещи. Вообще-то, это — в порядке вещей!

Кайл вскидывает руки ладонями вперед в эмоциональном, типично итальянском жесте.

— Не учи меня! Я знаю, что делаю!

— Хорошо, если так, — бормочет себе под нос озадаченный механик, глядя в спину удаляющегося Кайла.

А потом, обернувшись, видит... в паре метров, за его спиной, стоит Николь, и боль и обида в ее глазах заставляют его так покраснеть и ругнуться под нос. Но Оливье отчетливо понимает — ни о какой случайности не может быть и речи, Кайл прекрасно знал о том, что Ник их слышит.

А ралли... Что ралли... Год назад команда «Мак-Коски» потерпела здесь позорное поражение. В этом году их ждал бесспорный триумф. Они опять первые. Точнее, первый — Кайл.

А Ники начинает пользоваться робким, а потом — все возрастающим уважением кое-кого из ключевых членов команды «Мак-Коски». Этого оказывается достаточным, чтобы в ее душе снова воскресает надежда. Даже несмотря на то, что их общение с Кайлом ограничивается все теми же фразами.

— Двести... правый четыре... триста.

— Понял.

— Триста... трамплин... полет... правый три... заход слева направо... сто.

— Есть.

— Сто... подброс... правый четыре... опасно... подброс на выходе... триста.

— Готов.

Вне этого формата общения они практически не разговаривают.

Глава 6. Алгарве. Виламура. Ралли Португалии

«Кто вынудил меня на жёсткое пари —
Нечистоплотны в споре и расчётах»

В.С. Высоцкий. «Горизонт»

Отношение к ней менялось. Постепенно, но ощутимо. На совещаниях теперь к мнению Николь прислушивались, ей было с кем обсудить стратегию на гонку — механики уже почти смотрели ей в рот, с «шинниками» ей тоже было о чем побеседовать. Все топ-менеджеры команды, включая технического директора Кертиса Уилсона и спортивного директора Антонио Туритто, были готовы по малейшему ее желанию уделить ей время.

А еще с ней стал здороваться и даже обсуждать их «девичьи» дела мрачный ирландец Крис Паттерсон, штурман второго пилота команды. Глядя на отношения Криса Паттерсона и Микко

Хирвоненна, второго пилота, Ник понимала — эти двое действительно являются одной командой. Командой внутри команды, ибо внутрикомандную конкуренцию между пилотами никто не отменял. Эти двое были единым целым, понимали друг друга с полуслова и были нацелены на одно — победить. Быть первыми. Именно благодаря такому отношению со стороны своего пилота Крис в прошлом сезоне получил приз «Дух ралли», который вручают после каждого ралли за лидерство, единство и умение работать в команде. И это спустя всего две недели после вступления Криса в новую для него должность. Это стало возможным по одной-единственной причине — Микко доверился Крису, так же как и Крис — Микко. А это, Николь интуитивно понимала, и было самым главным — залогом победы.

У них никакого командного духа не было. Так же, как и единства и доверия. Даже об уважении не шло речи. Да какое там уважение — они даже не разговаривали вне машины. Все, что они делали: она читала стенограмму, он ехал. Ехал, правда, Кайл, как Бог. И, что несказанно удивляло Ник, — не перепроверял ее. Безоговорочно верил в то, что слышал. И ехал ровно так, как слышал. Но речь здесь шла не о доверии, нет. Ники была в этом уверена. Он скрупулезно точно ехал по ее стенограмме по одной-единственной причине — он ждал ее ошибки, ее просчета, ее прокола. То, что этот просчет может стоить им призового места, победы или, в худшем случае, — здоровья, а то и вовсе — жизни, он, видимо, не принимал во внимание. Унизить ее, растоптать, показать, что она пустое место, а не штурман, и что полезнее возить в багажнике запасную канистру с бензином, чем ее в штурманском кресле — вот что было для него самым важным. Важнее, чем все остальное. И это ясно и четко показывало — как же сильно он ее ненавидел!

Но вернемся к ралли Португалии. Первый гравийный этап. У Падрона с гравием отношения складывались традиционно плохо. Почему — никто не мог внятно объяснить, включая самого Кайла. «Парадокс Падрона» — так комментировал данную ситуацию Мак-Коски. Это был и вправду парадокс — как человек, на льду ралли Швеции писавший идеальные, одну к одной «эски» связных поворотов, на гравии, в умеренно пологих поворотах, умудрялся регулярно слишком широко входить в повороты и вылетать с трассы. «Дайте мне шипованную резину» — привычно огрызался на замечания Кайл. Смех смехом, но гравийные этапы были для Падрона всегда немного лотереей. Хорошо хоть в Португалии теперь работа со

зрителями была более-менее отлажена, иначе не избежать бы Кайлу печальных лавров Хоакима Сантоса, который аналогичным образом сошел с трассы и врезался в толпу. Итогом аварии стали три смерти и многочисленные ранения. Только после этого за безответственными зрителями ралли Португалии стали следить гораздо более дисциплинированно.

Понять суть и причины парадокса «Кайл и гравий» можно было одним лишь способом. Ник чувствовала — ей нужны тесты. Ей нужно проехать в тестовом режиме с Кайлом по гравию, чтобы понять — что можно сделать именно ей, что учесть при составлении стенограммы, при планировании стратегии на гонку, чтобы не допустить таких срывов с трассы. И делать это нужно ДО начала этапа. Иными словами — ей все-таки нужны тесты. Это был очередной парадокс — пилот, лидирующий в личном зачете гонщиков после двух этапов, не провел ни одного дня тестов со своим новым штурманом. Да что там ни одного дня — ни одного часа! В первый раз они сели в одну машину перед началом первого спецучастка на ралли Швеции. Кто поверит? Нонсенс, чистый нонсенс. Как при этом они умудрялись побеждать — это был вопрос вопросов. И ответа у нее не было. Видимо, из острого желания поставить ее на место Кайл впервые за свою карьеру вел себя так, как и положено нормальному пилоту ралли — то есть, слушался того, кто в кресле справа. Но, как уже понимала Ник, делал он это исключительно в надежде на ее ошибку.

И вполне мог эту ошибку дожидаться, учитывая его сложные «отношения» с гравием и отсутствие тестов. А тестов не будет. Одно его короткое: «Нет», адресованное ей. И чуть более развернутое: «Нет, мне некогда. И так сойдет — Шарки же супер-штурман.» — это сказано для Мак-Коски. И ничего с этим «Нет» сэр Макс сделать не смог, увы... Ну, разве что расторгнуть в самом начале сезона, на третьем этапе, контракт с Кайлом. Впрочем, надо признать — никогда шеф команды не был так близок к этому решению. Останавливало его одно — они лидеры зачета. И — справлялась же Николь до этого. Может, и в этот раз тоже? Надежда была только на нее. Кайл отказывался обсуждать что-либо. «Я еду как всегда» — вот и весь сказ.

Выяснять, как это — «как всегда», Ники пришлось окольными путями. У нее состоялся разговор с гоночным инженером Кайла, Эзекилем Кампосом, обставленный в лучших традициях шпионских

романов — в полутемном и прокуренном баре на окраине Виламуры. Уроженец Боливии, смуглый и черноволосый, похожий на сутенера из голливудских фильмов, Кампос смотрелся здесь более чем органично.

— Ты же понимаешь — почему? — хмуро, поеживаясь, спросил Эзекиль. Ему было явно неловко.

— Понимаю, — отмахнулась Ник. — Давай сразу к делу.

Итогом разговора стало то, что у Ник в голове кое-что прояснилось, и, заодно, оформилось некое подобие плана. А у Кампоса осталось четкое ощущение, что Кайла надо показать врачу. Шринку[4]. Девчонка была лучшим штурманом, что был у Кайла за всю его карьеру. Талантом, чистой воды талантом. И при этом — держалась, до последнего держалась, несмотря на то, что Кайл палец о палец не ударил, чтобы помочь ей. Несмотря на то, что говорил про нее в глаза и за глаза только гадости. Или — отвратительные гадости.

— Едем по гравию, детка, — впервые накануне проезда первого спецучастка он ей улыбается. Лучше бы он этого не делал!

— Знаю, — сквозь зубы отвечает она.

— Гравий — это не то же самое, что снег, — издевательски-менторским тоном продолжает Кайл.

— Я в курсе.

— И совсем не то же самое, как естественное покрытие в Мексике.

— И про это — тоже.

— Да ты все знаешь, ... Шарки, — с деланным восхищением Кайл качает головой. Берет в руки шлем, намереваясь одеть. — Тогда я спокоен.

— Да, и еще, — почти подняв шлем над головой, он опускает руки и добавляет со сладкой улыбкой: — Я не люблю ездить по гравию.

Отвернувшись к боковому стеклу, Ник одними губами произносит ругательства, которые она не вспоминала со времен общения с аргентинскими чиновниками. И резким движением надевает шлем. Быстрее бы взревел мотор, и машина рванула с места! Тогда можно погрузиться в то, что приносило ей, несмотря ни на что, чувство колоссального удовлетворения. Именно в эти минуты между ними царил... ну, если не мир, то — нейтралитет. Четкие слова стенограммы, его отрывистые «Есть!» и «Понял». Все-таки Кайл — великий пилот, совершенный инструмент для ралли. И через несколько минут станет ясно — смогла ли она его правильно

настроить. Чтобы даже на ненавистном ему гравии он смог сыграть виртуозно.

Чудес не случается. Если над ними не работать. А если усердно трудиться — то вот вам и чудо, пожалуйста. Их четвертое место было поистине чудом. Они остались лидерами чемпионата. И хотя в ботинках Кайла не хлюпало призовое шампанское, они ни разу не вылетели! Исключительно по той причине, что Ник при составлении стенограммы, учитывая записи с прошлых ралли Португалии и беседу с Кампосом, сознательно завысила сложность некоторых особо «любимых» Кайлом поворотов. В итоге — они их прошли медленнее, чем могли бы. Но их и не вынесло за пределы трассы.

Когда Кайл осознал это, он впал в совершенно сицилийскую ярость.

— Не смей! Никогда не смей! Решать!.. За меня!.. Как проходить поворот! Еду я, а не ты! Какого черта! Твое дело — стенограмму читать!

«Мое первейшее дело — ее правильно составить» — хотела ответить Ник, хотя и была порядком напугана всплеском его ярости. До этого она имела дело исключительно с холодно-презрительной ипостасью его высочества принца Кайла.

Хотела сказать, но не успела.

— Почему бы тебе не заткнуться, Кайл? — тихо и вежливо поинтересовался незаметно подошедший к ним сэр Макс.

Кайл действительно заткнулся — больше от удивления, чем по просьбе Мак-Коски. Ибо шеф команды никогда ТАК не разговаривал со своим лучшим пилотом. Тем более — при свидетелях.

— Не устраивает, что Николь принимает решения за тебя — изволь сам принимать решения за себя!

— Я не понимаю, что...

— В таком случае — подумай! — перебивает его сэр Макс. — Николь приняла единственно верное решение, с учетом того, что ты отказался даже пару раз проехать с ней для тестов! Она перестраховалась и правильно сделала. Я целиком и полностью поддерживаю принятое ею решение. Еще есть вопросы?

— Нет, — отвечает бледный от ярости Кайл. Он поворачивается и спокойно уходит. Но, глядя на его напряженную спину и сжатые кулаки, Ники думает лишь о том, как невероятно тяжело придется тому, кто сейчас вдруг решит обратиться к Кайлу с каким-то вопросом.

А еще — о том, что напрасно сэр Макс вступился за нее. Уж лучше бы Кайл выплеснул свою ярость на нее и проорался. А теперь... Теперь он ненавидит ее еще больше. Если такое вообще возможно.

Глава 7. Побережье Мертвого моря. Ралли Иордании

«Любой пилот, если он хочет ехать достойно должен БЕЗОГОВОРОЧНО верить штурману. Если он начинает „проверяться“ — стенограмму можно выбрасывать. Правда для этого лучше иметь постоянного или сверхавторитетного штурмана»

Статья «Штурман» с сайта eulex.ru.

Ралли Иордании уникально тем, что проходит на четырехстах метрах ниже уровня моря. Ниже не бывает.

И отношения в чемпионском, лидерском тандеме Падрон-Хант опустились — тоже ниже не бывает, хотя куда уж, казалось бы...

Сначала, сразу после ралли Португалии, он исчез на неделю без объяснений. Никто не знал — куда. Впрочем, светская хроника вскоре развеяла эту тайну. За одну неделю папарацци успели застукать Кайла трижды — каждый раз с новой дивой. Певичка, модель, актриса — дежурный набор Кайла Падрона. Для залечивания уязвленного самолюбия — то, что доктор прописал.

Когда Кайл вернулся, то он хотя бы рычать и бросаться на людей перестал. А еще — снизошел до разговора с Николь. Перехватил ее возле боксов, где она бывала чаще всего, ибо с механиками у нее сложились самые наилучшие отношения.

Ник резко обернулась, когда почувствовала, что кто-то грубо схватил ее за локоть. Ее! Грубо! В родном боксе!

Это был Кайл. И Ник даже не нашлась, что сказать. Потому что вообще не помнила, чтобы он к ней когда-либо прикасался, за все время их знакомства. Шарахался же все время от нее, как от прокаженной. А тут — стоит, крепко, до боли, сжимая ее руку выше локтя. Стоит близко, нависая над ней. Не то, чтобы он так уж сильно ее выше, да и избытком массы Кайл не страдает — стройный,

поджарый — профессия обязывает. Но выглядит — внушительно, особенно с этим взглядом цвета предгрозового неба.

— Я должен проверять стенограмму в этот раз?

— О чем ты?

— Ты знаешь!

Можно попробовать притвориться, что не знает. Можно затеять перепалку. Как выясняется — это в пределах возможного. Она может его... задеть. Ответить. Хоть как-то — отомстить.

Ник качает головой.

— Нужно доверять своему штурману, Кайл.

В отчет рычание. И лишь потом:

— Я про повороты! Не смей делать так, как в Португалии!

— Хорошо.

— Точно? — смотрит на нее недоверчиво.

— Точно, — кивает она. И, дождавшись, когда он облегченно выдохнет, сурово сведенные брови отъедут друг от друга на пару миллиметров, а стискивающие локоть пальцы разожмутся, добавляет: — Здесь же не гравий. Поэтому — необходимости нет.

Аккуратно выволакивает свой локоть из захвата его пальцев и уходит. Если бы взгляд мог убивать, то она успела бы умереть раз пять, пока не свернула за угол.

Залечивать внезапно, без предупреждения (он и предположить не мог, что Шарки сможет ему перечить! издеваться, практически!) нанесенное оскорбление Кайл оправился в находящуюся в нескольких десятках километров от штаб-квартиры ралли резиденцию одного из наследных принцев Иордании — младшего, и, как водится, беспутного. Деньги, власть, отсутствие обязательств и легкая врожденная порочность — у принца Фейсала было все, чтобы стать лучшим другом Кайлу Падрону. Папарацци отдали бы свою левую руку — правая ведь нужна, чтобы делать снимки, — за возможность хотя бы в замочную скважину взглянуть на закрытые party (слово «оргия» не будем употреблять из опасения вызвать международный скандал) Фейсала с участием Кайла и еще некоторых такого же склада характера публичных персон. Но, увы — для пронырливых фоторепортеров, охрана у наследных принцев была ого-го-го какая.

Облокотившись на бортик бассейна и лениво прихлебывая — если бы он помнил, какой по счету, коктейль, Кайл отчаянно пытался себя уговорить, что ему весело. Конечно, весело! Когда одна знойная

красотка с энтузиазмом естествоиспытателя исследует содержимое его шортов, а другая старательно вылизывает ему ухо — разве это не весело?

То ли предшествовавший загул мешал наслаждаться обществом обольстительных див, то ли — смутное беспокойство, но... Одно его недовольное движение плечами и хмурая гримаса — и его оставляют в покое. Все-таки дамы у Сала всегда понятливые — одно удовольствие с ними иметь дело. И с официантами — тоже. Он не успевает даже сделать жест, как новый коктейль уже ждет его. Так, все равно, на любовные подвиги он сегодня явно не годен. Поэтому — будет напиваться и думать. Пока первое не сделает невозможным второе.

Все было так противоречиво. А Кайл этого не любил. Он любил, когда все просто и понятно. Он — мегаталант и потенциальный чемпион. То, что пока только потенциально, — цепь досадных случайностей. Но рано или поздно...

И, похоже, это самое «рано или поздно» наступило. У него ни разу еще не было такого впечатляющего старта сезона. Такой стабильности. Когда три гонки подряд очень результативны. После трех этапов он лидер, большого отрыва, конечно, нет, но он уже почувствовал запах лидерства, вкус победы, и теперь Кайла не удержать.

А с другой стороны... Вот тут Кайл чувствует — этими коктейлями он еще долго будет добиваться желаемого результата. Находит глазами официанта, делает жест, разведя большой и указательный палец. Ребята дрессированы на «отлично», и через минуту в распоряжении Кайла стакан с виски. Виски много, льда мало. То, что сейчас и надо. Делает глоток обжигающего и холодного напитка. И позволяет себе наконец-то вспомнить об одном «но». О своем новом штурмане. Ну почему именно сейчас?! Когда он увидел перед собой реальную перспективу чемпионского титула? Почему это испытание ниспослано ему именно сейчас? Она вызывала в нем такое чувство... не ненависти, нет! Слишком много чести — ненавидеть Шарки. Но раздражение... Почти телесное. Как заноза, как зудящий укус насекомого, как больной ноющий зуб.

Выхода было два — или избавиться от нее, или терпеть. Первое пока не получилось. Второе — было адски, невероятно трудным.

На втором бокале виски Кайла посетила неожиданная мысль: «Макс меня убьет за пьянку во время ралли». Следом за ней пришла

другая: «А так ему и надо. Не фиг было мне Шарки подсовывать. Не жизнь — сплошной стресс!».

На третьем он заснул прямо в бассейне. Но утопиться не удалось — бдительная обслуга под белы рученьки выудила его из бассейна, и под них же — препроводила в спальню. Где он и заснул. Сверх своих первоначальных ожиданий — в гордом и пьяном одиночестве.

На совещании, предваряющем ралли Иордании, Кайл отпивался минералкой и выглядел ровно на все выпитые коктейли и плюс сверху — три бокала виски. То есть — потрепанным и помятым. Сэр Макс, видимо, уже высказал «Мистеру Великолепному» все, что полагается, и речь на совещании шла исключительно о предстоящих днях гонки. Именно на этом совещании Ник получила первый урок, утверждающий, что ралли, как и любой автоспорт — это не всегда красиво и благородно.

— Я так думаю, что сейчас — самое время создавать отрыв, — произносит Мак-Коски, внимательно оглядывая каждого из участников совещания — деловитая Николь, внимательный Кертис, задумчивый Антонио и печальный, как падший ангел, Кайл.

— Согласен, — кивает Антонио.

Кертис поддерживает его сдержанным кивком, а Кайл изображает какую-то гримасу, которую все присутствующие принимают за знак согласия.

Мак-Коски переводит взгляд на Ник. Она торопливо кивает: отрыв от ближайшего преследователя — это замечательно, кто же будет против этого возражать?

Шеф команды деловито продолжает:

— Мы с Антонио проанализировали трассу, распределение спецучастков по дням... — он бросает взгляд на спортивного директора и тот, без слов поняв намек, заканчивает мысль Мак-Коски:

— Самый большой отрыв мы можем создать во второй день... Поэтому — вы должны быть по итогам первого дня после Микко.

— Почему после?! — выкрикивает, не сдержав изумления, Николь.

— Что ж ты так орешь-то?.. — страдальчески морщится Кайл.

Мак-Коски и Туритто переглядываются, и Антонио принимается за объяснения:

— Понимаешь, Николь, здесь трасса грязная — надувает всего понемногу постоянно. Разница во времени прохождения по грязной или расчищенной другими машинами трассе — очень существенна.

Поэтому — предлагаем рискнуть. В стартовый день ралли мы запустим Микко первым, он покажет время... Вы должны будете ориентироваться на его время — и показать результат хуже, чем у Хирвоненна. Но — не проиграть много. Хорошо — в пределах секунды. В идеале — не более полсекунды. Самый лучший вариант — чтобы Микко показал первый результат, а вы — второй. Тогда на второй день, по результатам дня первого, вы уже поедете после Микко по расчищенной им трассе. И сможете создать отрыв.

— Это же... — начала Николь, и в этот момент наткнулась взглядом на Кайла. Сардоническая усмешка и изогнутая бровь, казалось, говорили: «Давай, Шарки, покажи всем, какая ты наивная дурочка».

Да, она наивная дурочка, это так. И то, о чем говорилось сейчас, на этом закрытом совещании, представлялось ей в высшей степени неспортивным. Специально придержать себя, показать не самое лучшее, на что они способны, чтобы получить тактическое преимущество. С ее точки зрения это было... неправильно, некрасиво, неспортивно. Но... не все ли ей равно? Это ее первый, он же и последний, а потому — единственный сезон в «Королевском ралли», и поэтому — какая разница? Это их правила, она сделает, как ей скажут.

— Что, Николь? — терпеливо переспрашивает ее сэр Макс.

— Я хотела сказать, что это... сложно. Надо будет в он-лайн скорректировать график прохождения скоростных участков с учетом времени Микко. Я... не представляю, как это делается.

— Ты все правильно поняла, Ник, — облегченно выдыхает Антонио. — Это сложно, но мы тебе объясним, как это сделать, на что обратить внимание. Думаю, у тебя получится. Кайл?

— А что «Кайл»? — Падрон морщится и делает глоток воды. — В первый раз, что ли? И вообще, я еду, Шарки диктует. Как она надиктует, так мы и поедem. Ей мозг и компостируйте.

— Хорошо, — зло произносит Мак-Коски, он устал уже спорить с Кайлом по поводу того прозвища, которым Падрон называет Николь, но сделать по-прежнему ничего не может. — Все свободны, Антонио — ты проинструктируешь Николь.

— А, кстати, — на полдороге к двери Кайл оборачивается, — Хировоннен уже в курсе?

— Да, — ледяным тоном отвечает сэр Макс.

— Представляю, как счастлив мой «финский брат» помочь мне, — ехидно ухмыляясь, бормочет Кайл. И добавляет, обращаясь уже к

Ник: — Смотри, Шарки, не вывихни мозги. Это последнее, что у тебя еще есть стоящего. Перед тобой стоит воистину сложная задача.

Ник показалось, что эти слова Кайла задели сэра Макса больше, чем ее. А ей... Похоже — ей наконец-то стало все равно, что он о ней думает. Ненавидит — пусть ненавидит. Та часть ее души, которой было важно мнение великого и ужасного Кайла Падрона, все-таки умерла. Долго и в мучительной агонии — но умерла.

Перед стартом первого дня ралли Иордании она волновалась. Как ни на одном из предыдущих трех ралли. Потому что перед ними стояла совершенно противоположная цель. Не выиграть. Потому что нужно было проиграть. Но проиграть хирургически точно. Ровно столько, сколько нужно, чтобы оказаться после Микко и Криса. Но — ни одной десятой секунды больше. Идею посоветоваться с Паттерсоном Ник после недолго размышления отмела. Криса она уважала и понимала: им сейчас несладко, ибо их заставили работать не на себя — на команду. Ник сомневалась, что в аналогичной ситуации, окажись на месте Микко, Кайл бы молча стерпел такое. Впрочем — от Микко ничего особо не требовалось, он должен был ехать в полную силу, как говорится — «на все деньги», или, как выражался в таких случаях Кайл — «не вынимая». Но сам факт предпочтения Кайла, его тактического преимущества...

В общем, на помощь Криса рассчитывать не стоило. Несмотря на все слова и советы Антонио — помочь, кроме себя самой, было некому. Да и ладно, не впервой, не привыкать. Она попробует сыграть в прятки и догонялки со временем.

— Я бы так не смог, — Крис салютует ей бокалом с пивом. Он единственный, с кем Ник может отметить их с Кайлом триумф. Падрон выиграл ралли Иордании! Он выиграл уже три из четырех пошедших этапов! И отрыв, отрыв от ближайшего соперника вырос, как Мак-Коски и рассчитывал.

— Да ну прямо уж, — искренне отвечает Ник. — Ты — великий штурман.

— Ха, Ник! Тринадцать сотых! Это же гроссмейстерски было проиграно. В бампер нам, практически. Меньше было невозможно проиграть. Ты просто... как компьютер все рассчитала!

— Это Кайл — компьютер! Знаешь, я поражаюсь, как он точно едет. Просто безупречно! — Ник счастлива. И их победой, и тем, что ей есть с кем поговорить об этом.

— Вон он сидит, твой безупречный... демон, — Крис кивает в сторону столика неподалеку. В ожидании вылета они забрели в один из баров выпить по бокалу пива. И не заметили, что...

Действительно, через пару столиков от них, уткнувшись в ноутбук, сидит Падрон.

— Неужели работает? — изумленно ахает Николь.

— Да ну! — хохочет Паттерсон. — Чатится с какими-то телками. С пятью одновременно, не меньше. Да не обращай ты внимания на него! Я тебе говорю — ты сотворила почти чудо! Так точно вписаться в чужой результат — это единицы смогут.

— Спасибо, Крис! — Ник смущенно улыбается. Переводит разговор: — Микко сильно разозлился?

— Ты же читала его интервью, — пожимает плечами Крис.

— Сэр Макс был не очень доволен.

— А что делать? Он подчинился шефу команды, но промолчать не смог. У Микко тоже есть амбиции. И вообще, — Крис допивает пиво, серьезно смотрит на Ники, — привыкай, Ник. Здесь каждый — сам за себя.

Глава 8. Италия. Олбиа. Ралли Сардинии

«Азарт меня пьянит, но что не говори —
Я торможу на скользких поворотах»

В.С. Высоцкий. «Горизонт»

Стук в дверь застиг Ник на выходе из душа. Затянув потуже полотенце на груди и не особо раздумывая над тем, кто это, она отправилась открывать дверь. И...

В пару секунд она покраснела, побледнела, покрылась пятнами и липким потом, задохнулась и едва не потеряла полотенце.

— Успокойся, мне пофигу, есть на тебе что-то или нет, — не дожидаясь приглашения и оттерев ее плечом, он вошел в номер и бросил: — Не парься, ты совершенно не в моем вкусе, Шарки. Можешь не ловить это чертово полотенце.

А она стоит как дурочка, не знает, что сказать, и только стискивает обеими руками влажную махровую ткань.

Кайл театрально закатывает глаза.

— Иди, оденься, раз это так важно для тебя. Подожду. Разговор есть.

Джинсы категорически не хотели налезать на влажные ноги, волосы, разумеется, торчали во все стороны так, что Медуза-Горгона бы обзавидовалась. Ник отчаянно посмотрела в зеркало — розовое распаренное лицо, мокрые патлы торчком, футболка липнет к влажному телу. Да плевать — все равно она «не в его вкусе». А вот разговор — это очень интересно. И она поспешила выйти из ванной.

— Я про тесты, — Кайл не утруждается предисловиями.

— Что?! — Ник не может сдержать удивления.

— Сардиния. Гравий. Я не люблю гравий. Но так, как ты сделала в Португалии — не люблю еще больше. Ясно? — Падрон говорит медленно, с паузами.

— Ясно.

Повисает молчание. Первая не выдерживает Ник.

— И?

— Не тупи! — рявкает Кайл. — Нужны тесты.

— Когда? — не веря своим ушам, но с надеждой спрашивает Ник.

Кайл легко поднимается со стула.

— Сейчас. Поехали.

Машина останавливается в клубах оседающей пыли.

— Ну что?

— Спасибо, — выдыхает Ник.

— Больно надо, — досадливо морщится Кайл. — По делу скажи. Есть мысли?

— Вагон, — не удержавшись, улыбается она.

— А так и не скажешь...

Он не может без гадостей, но Ник так рада, что ей удалось прокатиться с Кайлом в тестовом режиме, совсем как нормальным пилоту и штурману, что пропускает его слова мимо ушей. И торопится выжать все из неожиданно щедрого на общение Кайла.

— Ты прогноз на послезавтра видел?

— Нет. Что там?

— Дождь.

Ее счастье, что она не знает итальянского. Суда по эмоциональности голоса и недовольному выражению лица — сказано что-то очень забористое.

— Черт его знает, что хуже... — бормочет Кайл. — То ли посуху и в пыли. А в дождь — на мягких участках — каток просто.

— Посуху лучше, — авторитетно заявляет Ник.

Парадоксально, но Кайл с ней не спорит, хотя бы из принципа. Ведь у него опыта явно больше.

— Толку то... — вздыхает он. — Нашего мнения не спросят. Раз по прогнозу дождь — надо настраиваться на дождь.

— Посмотрим. Все варианты просчитаем.

— Ну надо же... — издевательски тянет Кайл. — Какая трудолюбивая Шарки...

С этими словами он вылезает из машины. Н-да, что называется, хорошего — понемножку...

— Ну, и где твой дождь?

— С чего это он мой? Я что, похожа на пророка Илию, чтобы дождь вызывать?

— Ты похожа на чучело.

Ник досадливо переворачивает шлем, намереваясь его одеть. Кайл кладет руку на ее шлем.

— У тебя есть вариант для «сухого» проезда?

— У меня, — Ник демонстрирует пухлую тетрадь, — есть все.

— Ну, про «все есть» — это ты загнула. У тебя вообще ничего нет. Кроме этой тетрадки. Поехали уже, хорош болтать.

Надев шлем, Ник мрачно размышляет. Нет, вот стоит только начать думать о человеке чуть лучше...

— Пятьдесят... правый три через трамплин... семьдесят...

Лазуритово-синяя «Импреза» эффектно взмывает в воздух, полет....

....Николь фиксирует себя в кресле, плотно прижавшись к спинке, упираясь ногами в подставку, локти плотно прижаты к бокам, голова чуть вперед, тетрадь со стенограммой на коленях, большие пальцы на последней прочитанной строчке и ...

....и эффектное приземление, четкое, несмотря на поворот, на все четыре колеса, как кошка.

— Дальше.

— Правый восемь... левый три горка-двадцать... левый шесть плюс.

Очередной полет, полет души и кошащее приземление и сразу — резко газу и вперед.

— Готов.

— Двести прямо... до леса очень быстро.

А в лесу — лужи после позавчерашнего дождя, но у Ник учтено и это. В ослепительных брызгах машина проносится сквозь лесную полосу. И даже во время чтения стенограммы у Ник сердце замирает от ощущения скорости. Кайл едет на пределе. На максимуме. Так, как может только он.

Это был идеальный заезд. От первого поворота до последнего. Несмотря на гравий. Несмотря на сложные погодные условия. Ему было нипочем все. Кайл Падрон выиграл ралли Сардинии в «одну калитку». Триумфально. В «Мак-Коски» начали присматривать место для ниши с чемпионским кубком.

Впрочем, не только в «Мак-Коски». От Сардинии недалеко до Сицилии. А Сицилия... Ник казалось, что на время ралли Сардинии Сицилия наполовину опустела. Как минимум — наполовину. Другая половина приехала на Сардинию болеть за Кайла.

Ник предпочитала по возможности отсиживаться в номере, чтобы избегать встречи с импульсивными родственниками Кайла. Это было уму непостижимо — несколько десятков, и все как один — дяди, кузены, племянники. И все, как один, шумны, громогласны, при разговоре так жестикулируют, что начинают напоминать Шиву. И все, как один, предлагают каждому встречному выпить за победу Кайла. И все, через одного, красивы, как боги. Что у них там за климат такой?! Геофизическая аномалия какая-то...

А Кайл, на фоне своей победы, воодушевленный восторженными дифирамбами своих родственников, вновь, после кратковременного перемирия на тесты, превратился в отвратительного, самодовольного, грубого, несносного сукиного сына.

Откровенно хамил в глаза, за глаза говорил такое, что и повторять вслух не всегда удобно, на совещаниях издевался над каждой репликой Николь, подвергая любое ее слово язвительной критике. А уж если ей доводилось совершить хоть самую малюсенькую оплошность или задать некстати наивный вопрос — а такое случалось, все реже и реже, но все же — Ник была все еще новичком в мире ралли, очень талантливым и трудолюбивым, но — новичком...

В такие моменты Кайл срывался на нее как стая охотничьих псов на оленя-подранка.

Команда была на грани раскола. С одной стороны — уже всем было совершенно ясно, что шеф команды был абсолютно прав, утверждая, что Николь — «самое ценное приобретение команды за последние несколько лет». Она была уникальным штурманом. Работая в «Даккаре», она видела всю эту кухню изнутри. И при этом — имела, совершенно определенно, имела великолепные задатки для работы штурманом. И все это в совокупности: и ее трудолюбие, скрупулёзность в работе, ответственность, преданность делу... Все это делало Ники сверхнужным и архиважным членом команды. Даже — жизненно важным.

А с другой стороны... С другой стороны — Кайл. И его ненависть, презрение и сумасшедшее нежелание видеть Ник в команде. От Кайла команда не могла отказаться, никак. Он был символом команды, он вытаскивал на своем таланте команду в два провальных сезона. Он был, в конце концов, любимцем всей команды. Хотя теперь сэр Макс иногда с трудом подавлял желание удавить Падрона собственными руками. Останавливало его только одно — ситуацию это не улучшит.

И всей верхушке «Мак-Коски» оставалось только одно. На всех мероприятиях — собраниях, совещаниях, где планировалось совместное присутствие Кайла и Ники, — все «топы» были настороже. Так, наверное, чувствуют себя хозяева двух собак, которых привели на ... так скажем, свидание. С целью получения родовитого потомства. И черт их знает, как понравится «жених» «невесте»? И не вцепятся ли «новобрачные» друг другу в глотку? И поэтому — наготове и швабры, и ведра с водой — для разнимания «влюбленных». Вот и у всех членов руководства команды всегда было наготове... «доброе слово». Стоило Кайлу начать высказываться в адрес Ник — разговор тут же уводили в другую сторону, поднимался какой-то архиважный вопрос, самого Падрона начинали грузить какими-то проблемами. В общем, делалось все, чтобы не допускать ссор между первым пилотом и его штурманом. Впрочем, ссор, как таковых, не было. Кого-то это очень сильно удивляло и даже раздражало — но Ник никогда не отвечала Кайлу. На все его издевки и оскорбления она лишь опускала голову и не поднимала, пока у Падрона не иссякал словарный запас. Или — пока Кайла не отвлекали.

— Да как она может?! Терпеть такое? У этой женщины вообще есть характер? — негодовал эмоциональный Кампос. — Кайл дурака валяет, и никто ему не указ. Но она-то! Она-то должна знать себе цену?! Ведь золото, а не штурман! Хотя бы раз его на место поставила — может, его бы это образумило?

— Много ты знаешь... — хмурит брови Уилсон. — Она пыталась. Поначалу. Вот ты... Кайл тебе друг, и ты мужчина. Часто у тебя получается переубедить Падрона?

Эзекиль бормочет что-то по-испански.

— Вряд ли она что-то сможет сделать против Кайла, — вздыхает Кертис. — И уж лучше успокаивать одного Кайла, чем двоих — его и ее... Знаешь, меня уже достало это... Живем как на пороховой бочке. Мистика какая-то: такой раздрай в команде — и при этом лидеры зачёта. Кому расскажи — не поверят...

— А кстати, Керт... Слухи ходят вовсю...

— Какие? — вскидывается Уилсон.

— Так шила в мешке не утаишь... Да и Кайл особо в выражениях ни при ком не стесняется... Все, кому надо, знают...

— Да что знают?!

— Что Кайл и Ник — заклятые враги. И что Кайл спит и видит, как выдворить ее из команды. А ведь в других командах тоже не дураки. И прекрасно понимают, чего Николь стоит как штурман. И не только как штурман. Соображаешь, к чему я клоню?

— Соображаю, — вздыхает Кертис. — Я поговорю с Максом. Это его головная боль — как удержать Ник.

Глава 9. Кордоба. Вилла Карлос Паз. Ралли Аргентины

«Часто менять даже квалифицированных штурманов тоже очень плохо — хорошие экипажи „прикатываются“ друг к другу долго»
Статья «Штурман» с сайта eulex.ru.

Аргентина. Почти родная, любимая Аргентина. И от Кордобы до Буэнос-Айреса не так уж далеко. И дядя крайне обеспокоен и настойчив. А у Ник уже совсем нет сил, буквально дышащий

ненавистью Кайл высушивает, выпивает ее. Не спасает даже то, что вся команда готова встать на ее сторону. Что толку? Так нельзя. Так невозможно. Так неправильно. И, помимо всего прочего, Ник уверена: если вопрос встанет — «или-или», команда выберет Кайла. Он — часть этой команды, ее нерв, ее сердце. А она — так, пришедшая самозванка, как пришла — так и уйдет. В этом она совершенно точно уверена. Она не останется в «Мак-Коски», ни за что. Да, мир ралли проник в ее сердце, стал ей уже бесконечно дорог, и она точно знала — это ее. То, для чего она родилась на этот свет. Но еще один сезон дышать чужой ненавистью... она не выдержит. А ездить с кем-то, кроме великого Падрона — нет, об этом не хотелось даже думать сейчас.

В общем, дядя настоял на встрече. Этьен Лавинь стал почетным гостем команды «Мак-Коски» на время ралли Аргентины. А у сэра Макса состоялся серьезный разговор с Падроном, во время которого Кайлу было велено каким угодно образом, но заткнуться и — не сметь! слышишь? не сметь! — ни единым словом оскорблять Ники при дяде.

— Ты понимаешь? Ты понимаешь, кто такой Лавинь? Нельзя с ним ссориться!

— Как же... У Шарки дядя большая акула...

— Кайл!!!!

— Да понимаю я, — устало морщится Кайл. — Не надо так орать. Буду нем... как рыба. Compliments говорить и руки целовать не требуется?

— Нет!

— И на том спасибо...

Чего стоило Ник не расплакаться при встрече с дядей — знала только она. Как бы к ней не относились в команде, это было все не то. А вот дядя Эт — это был единственный человек, который любил ее. И которого любила она.

— Как ты, девочка моя? — отстранившись после первого крепкого объятия, внимательно смотрит на нее.

— Как видишь. На всех парах несемся к победе, — пытается сказать это с гордостью в голосе и улыбкой на лице. Дядя, однако, ей не очень-то верит, знает ее как облупленную.

— Как Падрон?

Прямой вопрос и взгляд, который говорит: «Не ври мне!». И Ник не может врать.

— С ним... непросто.

— Насколько? — быстро и резко спрашивает Лавинь. Он извелся уже весь — ведь он любил Николь, привык к чувству ответственности за нее, а тут эти чертовы слухи... Преувеличивают, и половина, конечно же, вранье... Но если этот самоуверенный итальянский ублюдок действительно обижает его девочку... он его собственными руками...

— Я справляюсь.

— Ники, девочка моя...

— Дядюшка, ну, правда... Не переживай. У Кайла тяжелый характер, как и у большинства талантливых людей. Не буду врать тебе, что он ангел. Но главное — мы показываем результат. Мы — одна команда. Вон хоть у сэра Макса спроси. Вы с ним сегодня ужинаете? — пытается Ник сменить тему разговора.

— Ужинаем, — дядя поддается на ее уловку. — И ты с нами.

Ужинали они не втроем. Всемером — к ним присоединились Кертис Уилсон и Антонио Туритто, и Микко с Крисом. Практически вся верхушка «Мак-Коски» и мэтр Лавинь. Был приглашен и Кайл, но, узнав, что там будет Николь, он реально оценил свои силы и решил, что пару часов он не выдержит. Сорвется.

И поэтому сейчас, в кои-то веки сидя в своем номере в одиночестве, не считая пары бутылок пива, он с болезненным наслаждением пестовал свою ненависть. Он тут, один, сидит в полутемном номере, пьет пиво. А эта... эта... там, в ресторане, ужинает с первыми людьми команды. Команды, которую он привык считать своей. ЕГО команды! Она заняла его место! Ее слушали, ее уважали, с ее мнением считались. Да кто она такая?! Что у нее есть такого, чтобы с ней так обращались? Кроме высокопоставленного дяди у нее нет ничего! Место ведь пустое, ноль без палочки! Вспрыгнула в последний момент в поезд, который привезет ее к победе. Которой она совершенно не заслужила... Всего и дел-то — иметь в родственниках нужного человека. И вот она уже заняла место, которое по праву принадлежит ему, Кайлу Падрону! Которое надо заслужить упорным трудом и талантом!

Кайл был занят тем, чего много лет не делал. Он жалел себя. А еще — ненавидел Николь. Но вот это — уже привычно.

— Какого черта?!

В ответ ей — забористый итальянский. Кайл сдергивает шлем.

— Чего сидим? Выходи!

— Что случилось?

— Колесо, блять, случилось! Левое заднее, — Кайл щелкнул замками ремня. — Ну что сидим, Шарки!? Прокол у нас! Живо пошли колесо менять!

Первые пять этапов прошли совершенно безукоризненно с точки зрения техники. Не было сходов или остановок из-за отказов и неполадок. И вот — впервые, прокол колеса.

— Шарки!!! — от вопля Кайла закладывает уши. — Ты помогать будешь или нет?!

Ник спохватывается и подбегает к Кайлу, принимает колесо. Да, и это ее работа тоже. И не стоит злить Кайла.

Они потеряли на замене колеса три минуты. Скорректировали, что возможно, на остальных спецучастках. Результат — они пятые по итогам первого дня.

— Кайл... — Ник решается догнать его и спросить.

— Ну чего тебе? — Падрон мрачен и недоволен. Что, в общем-то, совершенно понятно.

— Этот прокол... Мы могли его избежать?

Кайл закрывает лицо одной рукой — второй прижимает к боку шлем.

— Ты же только притворяешься такой тупой, не так ли?

— Что ты...

— Это прокол! — рявкает Падрон. — Мы пробили колесо камнем! Ты можешь разглядеть и объехать каждый камень на дороге, не теряя при этом скорости?!

— Нет...

— Тогда не задавай мне idiotских вопросов! И в следующий раз шевелись быстрее, ясно?

Как накаркал, честное слово. Про следующий раз.

Второй день, и на предпоследнем спецучастке — снова характерный звук, машину резко ведет в сторону. Еще один прокол, теперь — правое переднее. На этот раз из машины первой выскакивает Ник. Две с половиной минуты минус. Но они сумели сохранить свое пятое место.

Собственно, на этом самом месте они аргентинский этап и завершили. Учитывая два прокола — не так уж плохо. Правда, добытое преимущество стало не таким уж и подавляющим, и разрыв в очках с ближайшим преследователем сократился почти вдвое.

— Везение не могло длиться вечно, — философски рассуждает Кампос. — Не переживай так, Кайл. Когда-нибудь это должно было случиться. Не это, так что-нибудь другое. Ты ж знаешь, это техника, это ралли. Всегда что-то может выйти из строя или повредиться.

— Не каркай! — огрызается Падрон. — Хватило в этот раз с лихвой. Мне порванная резина еще ни разу в жизни не доставляла столько неприятностей.

Эзекиль хохочет. А Кайл задумчиво прихлебывает пиво. И вспоминает.

Ее разбитые в кровь пальцы. Меняли колесо, эта дура стащила перчатки. Огрызнулась только, что не может работать в перчатках — не чувствует, что делает.

Он-то ее понимал, в принципе. Сам такой же был поначалу. Руками хотелось чувствовать руль, дорогу — на кончиках пальцев. Но его, в конце концов, от этой блажи отучили. А вот Шарки перчатки сдернула, и он ей ничего не сказал. А в итоге — разбила руки в лохмотья порванной кожи, в капающую кровь. Что ж, детка, это жестокий мир, тяжелая работа, а ты как хотела? Но перчатки снимать он ей следующий раз не позволит. Тьфу-тьфу, сплюнуть. Ну их совсем, эти следующие разы. Хватит с него рваной резины.

Глава 10. Греция. Лотраки. Ралли Акрополис

«Наматываю мили на кардан
И еду вертикально к проводам».

В.С. Высоцкий. «Горизонт»

— Мисс Хант?

— Да? — Николь взяла трубку, даже не взглянув на номер вызывавшего абонента. Она была занята решением сложнейшей тактической задачи, пытаясь уложить в ее решение все: и ни черта не

радовавший прогноз погоды с жарой под сорок градусов по Цельсию, и данные шинников по износу покрышек с прошлогоднего этапа, и еще кучу всякой разной информации. Опять же — наш любимый гравий. И куча камней, хотя очень хотелось надеяться, что свой лимит по пробоям колес они на ралли Аргентины исчерпали. Но колесо колесом, а подвеску тоже там на этих камнях можно оставить. Фиг угадаешь!

Ник спохватилась, что трубка уже какое-то время издает встревоженные звуки.

— Да-да, извините. Повторите, пожалуйста.

— Мисс Хант, меня зовут Франсуа Дюваль.

— Угум...

— Я личный секретарь Халида Аль Кассими.

— Да-да... — Ник опять потихоньку начинает выпадать из разговора.

На том конце трубки недоуменная пауза. Напрасно они так. Потому что во время этой паузы Ник уже снова по уши в компьютере.

— Мисс Хант?!

Рассеянно:

— Говорите, я слушаю...

А если здесь... Нет, здесь медленный поворот, естественного охлаждения недостаточно...

— Мисс Хант, с вами говорит личный секретарь Халида Аль Кассими.

— Продолжайте...

Эх, если бы не было так жарко... И где же можно побереечь резину?... Не трасса, терка какая-то...

На том конце уже совсем удивленным и поэтому — повышенным тоном:

— Я секретарь Халида Аль Кассими!

Ник раздраженно откидывается на стуле. Совершенно никаких условий! Не дают работать!

— Про Кассими я поняла. Излагайте дальше.

Ее собеседник... как там его... крепко завис.

— Вы знаете... кто такой Халид Аль Кассими?

— Нет. Полагаю, сейчас вы мне об этом расскажете.

Очередная пауза. Видимо, на другом конце переваривают информацию о том, что есть на земле люди, не знающие, кто такой этот самый Аль Кассими.

— Мисс Хант... — как-то даже с оттенком жалости произносит ее собеседник, — Халид Аль Кассими — владелец команды «Фиеста Абу-Даби».

— Черт! — досадует Ник. Новый владелец «Фиесты», как же она сразу не вспомнила?! — И чем обязана?

— Мистер Кассими желает встретиться с вами, — торжественно произносит голос из трубки.

— Какого... хм... зачем?

Очередное зависание у другого абонента. Видимо, серьезное, потому что затем следует повтор:

— Мистер Кассими желает встретиться с вами.

— Повторяю вопрос: «Зачем?».

— Мисс Хант!?

Долгий вышел разговор. И какой-то мутный и бестолковый. Но Ник все-таки позволила этому Дювалю уговорить себя на встречу с владельцем команды, которая была в этом сезоне их главным конкурентом. Непонятно, правда, какого черта ему пришло в голову встречаться на пирсе. Но вечером на берегу хорошо. Прохладный бриз приносит долгожданное облегчение от удушающего пекла июльской знойной Греции.

— Мисс Хант?

Ей эта фраза за сегодняшний день просто осточертела! Резко поворачивается.

— Мистер Кассими?

— О, конечно, нет! — ей белозубо улыбается подтянутый симпатичный брюнет, по внешнему виду — типичный обитатель средиземноморского курорта. — Франсуа Дюваль, к вашим услугам. Прошу вас!

— Куда?

— На катер. Мистер Кассими ждет вас на своей яхте.

Мсье Дюваль смог в полной мере оценить, как виртуозно Ник умеет ругаться по-французски. Дядина школа!

По палубе роскошной яхты Ник шагала, демонстративно засунув руки в карманы потрепанных джинсов и оглядываясь с таким видом, как будто вокруг была помойка. Какого черта! Нельзя было встретиться где-нибудь в кафе на набережной? Непременно надо было устроить весь этот цирк с яхтой?

Не добавили ей хорошего расположения духа ни шикарная кают-компания, ни сервированный на двоих ужин со всеми

причитающимися: шампанское в ведерке, хрусталь и фарфор. Дьявол, ее там работа ждет! И поэтому вставшему ей навстречу лощеному и лучезарно улыбающемуся мистеру Кассими достался мрачный взгляд и лишь после ощутимой паузы все же протянутая для рукопожатия рука.

А этот негодяй взял и руку ей поцеловал!

— Мадмуазель Хант, — ухватил за локоток, — счастлив нашему знакомству.

Воспользовавшись ее замешательством, увлек Ник к столу, стул отодвинул. Что ей оставалось? Пришлось сесть. Смотрелась она среди всего этого великолепия в подранных на коленках джинсах и черной майке с изображением Маргарет Тэтчер и провокационной надписью весьма нелепо.

Из ниоткуда материализовавшийся официант разливает шампанское. Мужчина напротив благожелательно и, как кажется Ник, совершенно бессмысленно улыбается. Она, не таясь, в ответ разглядывает его. Вальяжный, холеный, весь сочащийся улыбкой, а глаза при этом — холодные, темные, даже свет в них не отражается, кажется. У Ник наконец-то оформляется стойкое ощущение, что хорошего ждать нечего и быть надо настороже. На всякий случай.

— Мадмуазель Хант, за знакомство!

Покорно отсалютовав бокалом, Ник делает глоток. Морщится.

— Мадмуазель Хант, вам не по вкусу «Луи Родерер»?

Это «Мадмуазель Хант» ее уже порядком достало, и поэтому отвечает резко:

— Нет.

— Мадмуазель Хант, что я могу вам предложить? — хозяин — само радушие. — Мой бар в вашем распоряжении.

Николь снова морщится. Она вообще абсолютно равнодушна к алкоголю. Но вспоминает вдруг об услышанном разговоре о пристрастиях Кайла, и, неожиданно для самой себя и храбро:

— Виски.

Подумав и поворошив память, поспешно добавляет:

— Со льдом.

Бокал с виски подносится ей мгновенно, и Ник осторожно пригубливает напиток. Усилием воли удерживает готовые сложиться в недовольную гримасу губы. Как это можно пить?! Лучше говорить.

— Итак, мистер Кассими? Чем обязана?

— О, ну зачем так официально. Можно просто — Халид. Я очень надеюсь на плодотворное сотрудничество с вами, мадмуазель Хант. Или можно Николь?

«Мадмуазель Хант» ей уже совсем осточертело, и она кивает в знак согласия.

— Николь, — начинает Халид. А у нее скулы сводит от елейности его голоса, — я восхищен вашим талантом и красотой... — тут Ник не выдерживает и фыркает, — и в этой связи я хочу сделать вам предложение.

Ну, наконец-то, мы дошли до сути.

— Излагайте.

Слегка сбившись об отсутствие восторга и пиетета, сиятельный как султан (он вроде сын шейха?) Халид продолжает:

— Я хочу предложить вам, Николь, место штурмана в первом экипаже моей, — выделяет слово интонацией, — команды. На следующий сезон.

А вот это — неожиданно! Стараниями Кайла где-то уже на подсознательном, глубоком уровне, в эмоциях, ощущениях поселилась уверенность в собственной никчемности и бесполезности. А тут вдруг кто-то, да не просто «кто-то» — владелец одной из сильнейших раллийных команд, проявляет к ней интерес. Ник не нашлась что ответить, отхлебнула еще виски, даже не поморщившись. Неверно истолковав ее молчание, Халид продолжает:

— С сэром Максом я договорюсь, не переживайте. Он мне вас уступит.

Вот тут ее зацепило. Что значит — «уступит»? Она что — вещь, чтобы ее передавать из рук в руки? Как бы не так!

— Меня в принципе не устраивает подобная постановка вопроса, мистер Кассими.

— Николь, подождите, не горячитесь! Мне совершенно точно известно о том, как относится к вам Падрон. И какая, вследствие этого, сложная обстановка в команде «Мак-Коски».

— Да ну? — какие все информированные, просто ужас!

— Николь, — в темных глазах Халида вдруг прорезается совершенно человеческое понимание и сочувствие, — я понимаю, как вам трудно. Вас не ценят так, как вы этого достойны. Уверяю вас, у меня в команде вы будете одним из самых главных людей. Вас будут уважать, с вашим мнением будут считаться. Мэтью с большим энтузиазмом воспринял известие о том, что будет работать с вами.

Ник не сразу понимает, о ком идет речь — у нее просто голова идет кругом от слов Кассими. Потом все-таки да нее доходит — речь идет о Мэтью Уолберге, первом пилоте «Фиесты», который славился фанатичной преданностью делу, безошибочным пилотированием и спокойным характером.

— Вы так говорите... эээ... Халид... как будто это уже вопрос решенный?

— Ну что, вы, Николь! — совершенно картинно всплескивает руками ее собеседник. — Решение за вами. Но подумайте сами, — он подается чуть вперед и продолжает вкрадчиво: — Я вам предлагаю работу в элитной команде, с людьми, которые будут вас ценить и уважать, как вы того достойны. Да, и кстати... — Аль Кассими откидывается, отпивает шампанского, — ваш контракт увеличивается вдвое.

— Что?!

— Сколько бы вам не платил Мак-Коски, я предложу в два раза больше. Вы этого стоите, Николь, — невозмутимо ответил Халид.

Николь молчит. Просто-напросто — переваривает услышанное, запивая это виски. В голове не укладывается. Она же Шарки, пустое место! Таким не предлагают выгодные контракты и места в элитных командах.

В губы толкаются кубики льда. Ох, да она весь виски вылакала. Официант уже подносит ей новый бокал, на тарелке образовались какие-то закуски.

— Николь, как вы относитесь к холодному фазану?

Никак! Зато виски становится неожиданно вкусным. Николь размышляет, Халид неторопливо потягивает шампанское, фазан одиноко томится на тарелках.

Ник пытается представить, каково это. Работать в другой элитной команде. Ехать в одной машине с пилотом, который тебя ценит, с которым у вас общие цели, устремления. Заслуженно пользоваться уважением коллег, а не добиваться его вопреки всему. Быть профессионалом экстра-класса, за которого бьются несколько раллийных команд. Обладать многомиллионным контрактом.

Каково это? Наверное, великолепно. Но — не для нее. Она не сможет. Уже просто не сможет жить, существовать в этом прекрасном мире ралли, зная, что где-то там, совсем близко, есть он. Который ненавидит ее. И возненавидит еще больше, если она будет ездить в

штурманском кресле с кем-то другим. И это будет еще невыносимее. Нет. Она мотнула головой. Нет. Нет!

— Николь, Николь... — Халид удивлен. — Не отказывайтесь сразу. Подумайте. Давайте пока воздадим должное стараниям повара.

— Халид, я очень польщена вашим предложением, но...

— В три раза, — произносит он негромко.

— Что? — она чуть виски не подавилась, и все же полагала, что не так его поняла.

— Ваш контракт увеличится втрое против нынешнего, — невозмутимо отвечает Халид.

Черт бы его подрал!

— Халид, не в деньгах дело!

— Тогда в чем? Николь, — проникновенно убеждает ее Аль Кассими, — подумайте. Я понимаю, это важное решение, его нельзя принять в пять минут. Я подожду.

Ох, ну как ему объяснить?

— Халид, я не планирую работать здесь более одного года... вообще. Ни в «Мак-Коски», ни в другой команде. Поэтому...

— Вы шутите, Николь?! — превосходно воспитанный Халид аль Кассими изумлен настолько, что перебивает свою собеседницу. — Это неслыханно! Такие штурманы, как вы, рождаются раз в десятилетие! Вы не можете так поступить со своим талантом!

Ей тошно, до невозможности тошно от того, что он прав, наверное. Но отравлено... для нее все отравлено в мире ралли. И как это объяснить сиятельному арабу, который сделал ей нереально щедрое предложение?

— Халид, я... — вздыхает, — если я решу остаться... обязательно вспомню о вашем предложении.

— Николь... — Кассими неверяще качает головой, — я надеюсь, это вы так шутите... про нежелание работать дальше. Это было бы преступлением. Давайте выпьем за то, чтобы вы изменили свое мнение!

— Давайте! — все что угодно, лишь бы не обсуждать больше эту тему! К тому же виски действительно вкусный. Кайл не дурак, далеко не дурак. Очень умный сукин сын...

— Николь, ваш профиль наводит на мысли... — Халид весьма радикально меняет тему разговора.

Ник вдруг понимает, что проголодалась. И разговор ушел в безопасную сторону, можно и про ее профиль...

— На какие, Халид? Кстати, фазан очень вкусный.

— Простите мне мое любопытство, Николь, но... Ваши предки не из французской аристократии? Ваша мать ведь француженка, верно?

— Верно. Но мои аристократические предки все потеряли, хвала Робеспьеру. А я похожа на отца.

— Вот как? — Халид откидывается назад. — А кто ваш отец?

— Американец. Спасибо, — это уже официанту, сменившему очередной бокал. — Боксер. Супертяжеловес. Чернокожий.

Добилась-таки того, что Кассими поперхнулся шампанским.

— Неужели правда? — отдышавшись, спрашивает Халид, напрочь забыв о деликатности.

— Ага! Поверили? — хохочет Николь. У нее стремительно улучшается настроение, непонятно с чего. — На самом деле — одно из трех. Боксер. Но выступал в среднем весе. И, — она подмигивает Халиду, — он белый.

— Николь, вы меня поймали, — сдержанно улыбается Халид.

Факт встречи Ник с владельцем «Фиесты Абу-Даби» практически сразу же стал известен Мак-Коски. И о результатах этой встречи, о возможных последствиях сэр Макс думал полночи, терзаемый жарой и нехорошими предчувствиями. Пока сама Ник спала безмятежным и беспробудным сном в первый раз в жизни хорошенько выпившего человека.

Из других источников, но точно так же оперативно был проинформирован и Кайл. И он демонстративно расхохотался этой новости, в лицо озадаченному Кампосу.

— Переманят? ЕЕ? Зеки, не смей меня! Аль Кассими пригласит Шарки себе в команду? Абсурдно!

— А зачем он с ней тогда встречался?!

— Откуда я знаю, — пожимает плечами Кайл. — Может, ему поржать захотелось...

Он сам себя очень усердно убеждал в собственной правоте. И все же вспомнил, нехотая вспомнил о ее встрече с владельцем «Фиесты», когда невольно подслушал разговор Шарки с Уилсоном и Туритто.

Эти трое спорили. Технический директор, спортивный директор и его, бля, штурман! И Шарки этих двоих весьма успешно переспоривала, убедительно аргументируя и азартно парируя. Он не видел их, стоя за углом, только слышал голоса. Сухой деловитый голос Керта, звучный баритон Антонио и... третий голос.

Мелодичный, с мягкими переливами интонаций и взрывами звящего смеха. И это третий голос успешно рассуждал о нюансах тактики с двумя директорами команды и в итоге убедил их. Кайл чуть было на начал аплодировать этой красивой победе в словесной дуэли. Да вовремя вспомнил, кому принадлежит этот голос. И не вовремя вспомнил, что обладательница этого голоса недавно встречалась с владельцем конкурирующей команды. Да не могли они обсуждать там ничего важного! Не могли! Или могли?..

— Ты сегодня выглядишь особенно отвратительно, Шарки!

— Спасибо!

— При чем тут спасибо? — Кайл раздраженно хлопает ладонью по шлему, лежащему на коленях. — Ты бледная как покойник!

— На термометр посмотри! В машине почти пятьдесят градусов! — Ник действительно бледная. А еще — злая и раздраженная.

— И что? Здесь, в Греции, всегда так! Я же не выгляжу так, как будто сейчас в обморок грохнусь!

Ник устало отворачивается к окну. Веселье на яхте у Халида обернулось чудовищным похмельем наутро, а головная боль, с непривычки к возлияниям, терзала ее даже спустя почти двое суток. И если бы только это! Ее фирменное везение: на три дня раньше положенного — месячные. Выпила две таблетки обезболивающего. Не помогло. Еще две таблетки. Головная боль слегка утихла. Но вот низ живота противно, до тошноты ноет с завидным упорством. Но Падрону же об этом не скажешь...

— Поехали, — вздыхает она. — Все нормально.

— Как бы не так! — огрызается встревоженный Кайл. — А если ты по дороге ласты склеишь?

— Поехали, — сквозь зубы шипит она. Когда уже подействуют эти чертовы таблетки?!

Падрон нахлобучивает шлем, бросив мрачно:

— Смотри, Шарки... Сдохнешь на скоростном спецучастке — убью!

Третье место по итогам первого дня. Весьма неплохо, но ему нужно только первое. А еще — нужно знать, какого черта происходит с Шарки!

— Джул, что с Шарки?

Главный врач команды, Джулиан Портер, сосредоточенно перебирает какие-то бумаги.

— О чем ты, Кайл?

— Я сегодня весь день, вместо того, чтобы нормально пилотировать, все гадал — доживет она до конца заезда или нет!?

— Даже так? — Джулиан бросает на Падрона удивленный взгляд. — Мне Ник ничего не говорила.

— Мне она тоже ничего не говорит! Но я же не слепой! Бледная как смерть, пот градом. Пальцы тряслись! Как она «картинку» не потеряла, я удивляюсь!

— Кайл... — изумление Портера все возрастает, — а ты не преувеличиваешь?

— Слушай, когда это я преувеличивал? Забыл, как я заставил Себастьяна с гриппом в Швеции выступать?

— Ну да, — задумчиво соглашается Джулиан, — странно, что это с Ник...

— Так выясни, раз странно! — рычит Кайл. — Чемпионский титул на кону!

И, спустя три часа...

— Ну?

— Кайл... — укоризненно качает головой Портер. — Тебе слова «врачебная тайна» о чем-то говорят?

— Нет! — рявкает Падрон. — Какие к черту тайны! Мне надо знать, что с моим штурманом!

— Все в порядке, поверь мне.

— Черта лысого в порядке! И ты ее не видел сегодня!

— Кайл... — Джул говорит мягким, профессионально-успокаивающим тоном. — Поверь мне — завтра с Ник будет все в порядке.

— Я не хочу верить! Я хочу знать!

Джулиан отрицательно качает головой. Кайл отвечает ему мрачным упрямым взглядом.

— Кайл, — устало вздыхает Портер, — ну уж ты-то должен понимать, что такое бывает. У тебя столько женщин было. Ну, не тупи...

Пара секунд. Потом до него доходит. И кабинет врача оглашает цветистое итальянское ругательство.

— Знаешь, Шарки, чего тебе не хватает?

— Ну? — бурчит она. Ничего хорошего от вопроса не ждет. Но не болит ничего, и то ладно. А злобный Кайл — это не привыкать...

— Члена, Шарки, члена...

— Что?!? — он таки умудрился ее удивить.

— Был бы у тебя член — не загибалась бы вчера, — назидательно произносит Падрон.

Ник задыхается от возмущения и стыда.

— Да ты...

— Желаете возразить? — сардонически интересуется Кайл.

Ей возразить нечего. Кроме как:

— Да пошел ты!!!

Ее злость и безупречная стенограмма. Его ненависть и виртуозное пилотирование. А все вместе — триумфальная и для многих неожиданная победа на ралли Акрополис.

Команда безудержно ликует. Спортивные таблоиды и новостные ленты выходят с заголовками: «Падрон в этом сезоне ничего не намерен отдавать своим соперникам».

Раллийный сезон достигает своего апогея. И приходит время для небольшого трехнедельного перерыва.

Глава 11. Монако. Благотворительный бал, посвященный 150-летию автоспорта

«И не видно полотна,
Лимузины, лимузины...
Среди них, как два пятна,
Две красивые машины,
Будто связанные тросом,
(А где тонко — там и рвется).
Акселераторам, подсосам
Больше дела не найдется»

В.С. Высоцкий. «Песня о двух красивых автомобилях»

— Нет!

— Не знаю такого слова, — качает головой сэр Макс.

— Я не пойду!

— И таких слов я не знаю.

— Да не пойду я! — упрямо повторяет Ник.

— У тебя нет выбора, Николь, — вздыхает Мак-Коски. — Участие в благотворительных мероприятиях прописано в контракте.

— А мне плевать! Увольняйте!

Сэр Макс вдруг отчетливо понимает, что говорит, в сущности, с еще достаточно молодой девушкой, и племянницей своего лучшего друга, к тому же.

— Николь, — пытается он урезонить ее, — я тебя не трогал несколько месяцев. Ни благотворительных мероприятий, ни пресс-конференций, я знаю — ты это не любишь. Но здесь — совсем особенный случай. Будут все. Вся элита автоспорта, все титульные спонсоры. Ты не можешь не пойти. Должна.

— Не пойду! — Ник упрямо мотает лохматой головой. — Хоть выгоняйте из команды! Нет!

У сэра Макса нет своих детей. Но годы общения с капризными звездами автоспорта его многому научили. Выходит из-за стола, садится на стул рядом с Ник. Она смотрит на него — упрямым и виноватым одновременно взглядом.

— Николь, ты же профессионал. Я понимаю — не хочешь, уверен — есть веские причины. Даже догадываюсь — какие. Но — надо. Всего один раз в сезон. Ники, девочка моя, очень нужно. Я прошу тебя. Пожалуйста.

Ник жалобно вздыхает. Так нечестно! Он не имеет права ее просить!

— У меня одежды нету подходящей... Только джинсы, футболки и всякое такое... — приводит она последний аргумент.

— Вот это как раз не проблема, — отвечает с энтузиазмом сэр Макс. — Это как раз очень просто решается!

— Это как это? — подозрительно спрашивает Николь, пока Мак-Коски деловито пикирует кнопками мобильного.

— Как, как... — сэр Макс подносит телефон к уху. — Ты забыла, кто один из наших титульных спонсоров, а? То-то же... Один из крупнейших европейских брендов одежды, между прочим... — и, без паузы: — Корделия, душа моя, как ты поживаешь? Да, и я тоже по тебе страшно соскучился. Но никак, пока никак, времени нет совсем. Ты знаешь, у меня к тебе важное дело.

Ник слушает разговор шефа команды и неведомой ей Корделии с острым чувством обреченности. Она каким-то непонятным образом дала втянуть себя в совершеннейшую, неведомую ей авантюру. Все внутри вопило — она стоит на пороге больших неприятностей для своей персоны.

Бутики «Золотой площади» похожи на аквариумы с дорогими экзотическими рыбками. Огромные витрины, расчетливо выставленный свет, яркие ткани. Вот в один из таких аквариумов Ник и открыла дверь. Пинком ноги, что характерно.

— Мне нужна Корделия Деламико, — бросила холеной мымре за стойкой.

Та смерила Ник холодным взглядом — от макушки встрепнутых соломенных волос до кончиков весьма нестерильных на вид кедров.

— У вас к мисс Деламико дело? — лениво и протяжно.

— Дело! — рявкнула Ники. Она злилась и нервничала, а это паршивое сочетание для собеседника. — Государственной важности. От имени по поручению Господа нашего! И посланца его на земле — сэра Макса Мак-Коски.

Упоминание фамилии Мак-Коски заставило барышню с цепким взглядом мгновенно подобраться.

— Одну минуточку, — девушка грациозно выплыла из-за стойки, — сейчас я приглашу мисс Деламико.

Оставшись одна, Ник засунула руки поглубже в карманы и понурила плечи. Какого черта она дала себя втравить в этот маскарад?!

— А вот и вы, Николь! — пропел за спиной мелодичный голос.

— А вот и я, — обреченно ответила Ник, оборачиваясь.

Холеная изящная брюнетка без возраста. Улыбается Ник, как родной дочери.

— Так вот, значит, кого Макс ко мне прислал... Ну что же, Николь, пойдёмте.

— Куда? — тоном профессионального параноика интересуется Ник.

— В примерочную. Мне нужно посмотреть на вас без одежды.

— Зачем? — взвыла в ужасе Ник.

— Размер, Николь, размер, — терпеливо ответила мисс Деламико, увлекая Ник в сторону кабинок. — Первым делом — надо точно определиться с размером.

И, спустя несколько минут...

— Боже мой, Николь...

— Что? — нервно переспрашивает Ник, с трудом подавляя желание прикрыться руками под внимательным взглядом владелицы бутика.

— Вы никогда не хотели поработать моделью, Ник? У вас идеальное сложение для модели.

От удивления у Николь даже желание прикрыться пропало.

— Чего?

— Все как надо, — продолжает Корделия, медленно обходя Николь вокруг, — рост... ноги... пропорции... осанка... грудь вот только... чуть великовата.

— Что?! — изумление Ник неподдельно. — Грудь? Великовата? Вы мне льстите...

— Не льщу. Нет, для девушки ваших пропорций — то, что надо, не больше и не меньше. Но для модели... Хотя, учитывая прочие достоинства... а кожа какая... а глаза... а профиль... при таком раскладе на размер груди можно закрыть глаза.

У Николь глаза в пол-лица.

— Эмн... мисс Деламико...

— Корделия.

— Хорошо. Корделия, у вас со зрением все в порядке? Может, вы очки забыли надеть?

Брюнетка звонко хохочет.

— Ох, поверьте мне, Николь. На таких, как вы, у меня глаз наметан. На многих модельных кастингах бывала. Вы просто созданы для подиума. Неужели никогда не задумывались о карьере модели?

Николь пытается осмыслить сказанное. Безрезультатно. Потом пожимает плечами, перестав обращать внимание на свою почти наготу.

— Я предпочитаю зарабатывать на жизнь головой, знаете ли...

— Похвально... — задумчиво протягивает Корделия. Смотрит на Ник, обхватив подбородок изящными пальцами. — Есть у меня один чудный костюмчик... просто на вас... идеально. Красное кружево на сером чехле... макияж поярче... губы алые...

Словосочетание «красное кружево» ввергает Ник в панику.

— Нет! Никакого кружева! Тем более — красного...

— Вы же даже не видели, Николь...

— И видеть не хочу!

— Хорошо, — покорно вздыхает Корделия, — давайте определимся с тем, что вы совершенно точно не приемлите.

— Нуууу... — Ник в задумчивости трет лоб, — никаких декольте и вырезов до задницы. И ничего прозрачного. И... Хотя... Все, наверное. А, нет! Никакого мини!

— Николь, — владелица магазина едва сдерживает улыбку, — мы не продаем скафандры.

— Ну что сразу — скафандры, — надувает губы Ник. — Что я такого сказала...

— Так! — Корделия решительно хлопает в ладони. — Думаю, надо начинать. Уверена, в процессе мы достигнет разумного компромисса.

— Но оно же прозрачное!

— Только сверху и по бокам, Николь.

— А юбка? Я в этом кринолине и пары шагов не сделаю!

— Зато не мини, как вы и хотели.

— Где тут лямки! Оно же свалится!

— Ник, с вашей груди — не свалится!

— Не верю!

— Это что за ужас?! Я что, женщина — кошка?

— И в самом деле, Моник, унесите. Это совершенно не то.

— Какого черта оно белое! Я похожа на невесту.

— Напрасно вы так, Ник. Белый цвет вам очень к лицу...

— Нееет, только не белый!

— Я же просила, мини — не надо!

— Ник, всего на ладонь выше колена. Ноги у вас безупречные. И цвет идеален...

— У меня на коленке ссадина!

— Правда ваша, — со вздохом.

И так три часа. Но компромисс все же был достигнут. А еще предстояла битва за туфли, белье, макияж и прическу. Но у Ник уже силы кончились. Она была одна, а их — целая стая наглых девиц во главе с неумолимой Корделией.

Стоя перед зеркалом, Кайл уже в третий раз перевязывал бабочку. Повертев порядком измочаленный кусок шелковой ткани, отбросил его в сторону и достал из коробки новый. Не то, чтобы он навык потерял, но некую минимальную сосредоточенность процесс завязывания бабочки все же предполагает. А Кайл был погружен в невеселые мысли. И направление у этих мыслей было уж совсем неожиданное.

Может, ему и вправду показаться врачу? Шринку, как ему в сердцах сказал Эзекиль. Так больше продолжаться не может.

Этот голос. Спокойный, уверенный, твердый. При этом — приятный слуху, мелодичный. Он верил этому голосу больше чем себе. Он был уверен, что голос всегда точно все знает. Что он не подведет. Этот голос... в машине он был для него всем, его маяком, его путеводной звездой, нитью Ариадны, что вела вперед. Он, черт побери, почти любил этот голос!

И как же он ненавидел Шарки! За все. За эту несуразность и нескладность. За собачью преданность в начале, сменившуюся волчьим оскалом потом. За то, что ее стали уважать. За то место, которое она занимает в его команде... и в его жизни. Он не хотел давать ей ничего, ни кусочка себя, а она захватила, потихоньку прокралась и стала повсюду. Вот если бы она была парнем — цены бы не было такому штурману! А это бесполое недоразумение... как бы он хотел, чтобы она куда-нибудь исчезла...

Если бы не одно «но». Кайл, дружище, так любимый тобою Голос и несуразная Шарки — это один и тот же человек! Пальцы его дернулись, узел сорвался. Кайл вполголоса выругался. Он, бля, шизофреник! Или как там это называется... когда раздвоение личности?

Невозможно жить дальше вот так. Делать вид, что все нормально. Он умом, конечно, понимал, что его любимый Голос, которому он был готов доверить все, включая свою жизнь, принадлежит Шарки. Той самой Шарки, при виде которой его прямо-таки трясло от ненависти. Или нет — не ненависти. Презрения! Отвращения! Омерзения! Да провались ты пропадом! Только ведь она исчезнет вместе с его любимым дорогим Голосом, который должен принести ему победу, он был уверен в этом.

Он выдохнул сквозь сжатые зубы. Надо как-то преодолевать эту пропасть, он понимал, что это ненормально. От Голоса он отказаться не мог. Значит — надо как-то мириться с Шарки. Как-то пытаться меньше ее... презирать, что ли? Найти в ней что-то симпатичное... Хоть что-то... Должно же быть что-то?! Может, попытаться проводить с ней больше времени? При мысли об этом его прошиб озноб отвращения. Быть с ней? Невыносимо!

Он устало потер глаза, а потом встретился взглядом со своим отражением. Не нравится мне твой взгляд, Падрон. В зеркале отражался привлекательный мужчина в смокинге. Только вот взгляд, мрачный и настороженный, разительно контрастировал с общей непринужденностью и элегантностью. Взгляд человека, у которого

явно не все в порядке с головой. Может, так вот и начинается шизофрения?

Ну, что, Кайл, к доктору пойдём или сам справишься? Усмехается своему отражению, улыбка выходит чуть кривоватой. Зато бабочка наконец-то получилась идеальной. Мужчина вздыхает. Ладно, сначала этот чертов бал, а потом он крепко подумает над тем, что делать, пока он не сошел с ума окончательно, разрываясь между Голосом, которому он без малейших раздумий доверял жизнь, и унылой и жалкой Шарки, которую он терпел рядом, преодолевая себя. Как убедить себя, что это аверс и реверс одной монеты?! Как ему собрать себя обратно в одно целое?!

С наслаждением хлопает дверью гостиничного номера. Ему хоть ненамного, но легче. Надо успокоиться, грядущий бал, учитывая планируемое присутствие Шарки — настоящее испытание для его нервов.

В огромном зале он без труда нашел сэра Макса. Во-первых, тот ростом за шесть футов, возвышается над толпой. А во-вторых... рядом с ним стояла такая куколка, что у Кайла при взгляде на нее по спине мгновенно прокатилась сладкая волна. Хороша!

Когда подошел ближе, понял — он не ошибся. Его любимый цвет и размер! Жаль, что она пришла с сэром Максом. Хотя, может, она его просто сопровождает? Мало ли как ещё обернется сегодняшний вечер... Он вполне может иметь очень приятное завершение.

Кайл окинул спутницу Мак-Коски внимательным и, без сомнения, раздевающим взглядом. Надо сразу дать понять красотке, что за ставки в игре. Но какова...

Статная, с гордо развернутыми плечами, грудь не велика, но форма... идеальная для мужской ладони — как он и любит. Все великолепие фигуры почеркнуто обманчиво простым по покрою платьем, оголявшим точеные плечи, в разрезе виднелась безупречно стройная ножка. А цвет... цвет платья — светло-голубой, с легким оттенком бирюзы, идеально гармонировал с цветом глаз.

Лицо было тоже великолепно. Убранные назад светлые волосы позволяли во всей красе оценить все: тонкий породистый носик, пухлые и при этом четко очерченные губы. И глаза — огромные, в обрамлении длинных ресниц.

Однако, чем больше он всматривался в ее лицо, тем отчетливее формировалась в голове мысль: «Я видел ее раньше!». Определенно! Вот только память никак не хотела выдавать дополнительной

информации — ни имени, ни подробностей их встречи, ни, хотя бы, того, какова она в постели. Ни-че-го. Кайл подмигнул незнакомке, рассчитывая на ее помощь в восполнении прорех в воспоминаниях. А в ответ: взмах ресниц — и его окатили ледяным презрительным душем взгляда ярких светло-голубых глаз.

Презрение? С чего бы это? Видимо, их прошлая встреча была не совсем безупречна. Ну почему же он не может вспомнить, откуда ее знает? Такую красотку невозможно забыть! Но ощущение узнавания было столь же назойливым, сколь и неуловимым. Он подмигнул ей еще раз, она же в ответ демонстративно отвернулась в сторону.

Кайл помимо воли улыбнулся, пожимая параллельно руку сэру Макс. Даже так? Такие ему нравились больше всего — холодные, гордые, неприступные. И как же приятно было, сломив ледяной панцирь неприступности, обнаружить под ним горячую, плавящуюся в его руках, задышающуюся, возбужденную и невероятно земную женщину.

Сопровитляйся, девочка моя. Так намного интереснее, уверяю тебя.

— Счастлив знакомству, — негромко сказал ей, глядя прямо в глаза. И медленно руку ее в плен, и губами коснулся. Чуть дольше и интимнее, чем полагается по этикету. Прохладные нежные пальчики в его ладони ощутимо дрогнули. Так, именно так, девочка моя. Никуда ты не денешься. Руку ее отпустил, и еще раз в глаза, контрольно. Для четкой расстановки сил. В ответ получил взгляд, в котором в равных долях плескались изумление и презрение.

Кайл обернулся к Мак-Коски. Увы и ах, но прекрасную богиню сейчас увести никак нельзя, есть еще всякие обязанности и ритуалы, которые надо исполнить. Хотя бы перед спонсорами.

— Макс, а где наше чудовище? Рискнуло показать себя публике? Или трусливо отсиживается в темном углу?

— Кайл! Ты что?

— Что? Да я про Шарки. Ты уломал ее покинуть свою келью? Хотя бы в парандже, чтобы не позориться.

— Падрон!!! — сэр Макс рывкнул так, что на них обернулось не менее двух десятков человек. — Ты в своем уме?!

Мак-Коски никогда не кричал на своего первого пилота, и Кайл опешил. Да что он такого сказал? А потом он, вслед за разъяренным шефом команды перевел взгляд... на прекрасную блондинку рядом.

Он ее все равно не узнал. Если бы не этот взгляд. Полный бешеной ненависти и презрения взгляд, который он так часто в последнее

время ловил на себе. Да неужели? Быть не может! Но взгляд, взгляд ее... Потрясенно, на выдохе:

— Шарки?!..

Первой в их ошарашенном трио опомнилась она.

— Простите, — пробормотала сбивчиво, — мне надо уйти...

Припудрить... что-то.

И, скользнув между ними и слегка задев Кайла плечом, она торопливо направилась к выходу из зала.

Сэр Макс и Кайл одновременно повернули головы вслед уходящей, почти убегающей Ник. И оба видели, как она торопливо шагает, спотыкаясь на непривычных ей шпильках, путаясь в подоле длинного вечернего платья. И ее прижатые к губам пальцы.

— Я убью тебя, — тихо и бесцветно произносит Мак-Коски.

— Откуда я мог знать... — так же тихо, вполголоса отвечает потрясенный Кайл.

— Падрон, ты, мать твою, слепой?! Или идиот?! Или и то, и другое вместе?! — срывается на крик Мак-Коски.

— Макс, я...

— Ты знаешь, чего мне стоило заставить ее прийти?! Уговором и шантажом! Чуть ли не силой! Ты прекрасно понимаешь, как это важно! И вот теперь — все усилия... псу под хвост!

— Ты бы хоть предупредил... что она будет... такая...

— А я откуда знал?! Я сам обалдел, когда увидел.

— Ну вот, а чего ты хочешь от меня...

— Так!!! — снова срывается Мак-коски. — Ты с больной головы на здоровую не перекладывай! Значит так, Кайл. Иди за ней. И не позднее чем через полчаса приведи мне ее сюда! Спокойную, не зареванную, способную улыбаться и фотографироваться со спонсорами! Ты понял меня?!

— Понял.

— А если нет... Я тебя уволю к чертовой матери!!!

Не то чтобы он поверил... Но прозвучало это угрожающе. Да Кайл и сам понимал — он совершил серьезнейшую ошибку.

Он выходил из зала с ощущением, что навлек на свою голову крупные проблемы. Которые ему кровь из носу надо как-то разрешить. Но для начала — найти... ее.

Глава 12. По прежнему — Монако. Все еще — благотворительный бал, посвященный 150-летию автоспорта

«Это скопище машин
На тебя таит обиду.
Светло-серый лимузин!
Не теряй ее из виду!
Впереди — гляди — разъезд!
Больше риска, больше веры!
Опоздаешь! Так и есть!..
Ты промедлил, светло-серый!»

В.С. Высоцкий. «Песня о двух красивых автомобилях»

Яркие южные звезды двоились и расплывались в глазах. Ник стояла, запрокинув голову, и смотрела в ночное небо.

Мысль сделать именно так возникла в голове неожиданно — не иначе, какие-то обрывочные воспоминания из пансионской юности. Если очень хочется плакать — нужно поднять голову вверх, чтобы не испортить макияж. На душе было так погано, что подпорченный макияж должен был бы волновать ее менее всего. Но Ник привыкла уважать чужой труд. А, увидев себя сегодня в зеркале после тех титанических усилий, которые приложили Корделия и ее девочки, Ник не могла относиться к себе как... к себе. Она попросту не узнала свое отражение. И теперь относилась к себе, такой нереально, невозможно, неузнаваемо красивой, как к произведению искусства. Которое ей отчего-то хотелось сохранить, несмотря ни на что. Несмотря на то, что тот, кому в самой-самой глубине души ей очень хотелось понравиться в таком виде, разбил вдребезги ее хрупкую мечту. Сначала вознес на небо этим полным восхищения взглядом и нежным поцелуем руки, от которого она вздрогнула всем телом. А потом, с размаху, наотмашь... Он ее просто не узнал! Он улыбался и целовал руку другой! А когда понял, кто перед ним... Поздравляю

тебя, Николь! Ты наконец-то увидела на лице великого и бесстрашного Падрона выражение настоящего ужаса.

Ник еще сильнее, до боли в шее запрокинула голову, как будто это могло удержать готовые пролиться слезы. Жалко ведь портить такую красоту, вон девушки сколько времени старались. А она сейчас постоит, продышится и пойдет потихоньку домой. И больше никогда не увидит Кайла Падрона. Все, к черту неустойки и что там еще предусмотрено по контракту! Нет таких денег, ради которых стоит терпеть такое!

Доигрался. Допрыгался. Довыпендривался.

Этими и другими, еще более резкими словами потчевал себя Кайл, шагая по коридорам шикарной резиденции правящей семьи Гримальди. Растерянность и подступающая паника — вот те чувства, которые полностью владели им. Как он мог, черт побери, не узнать... ее?! И где ее искать? И, самое главное, что делать, когда найдет?

Его глаза выхватили на фоне стены фигуру весьма внушительную, но пытающуюся казаться как можно неприметней. Сотрудник охраны. То, что надо!

— Простите?

Фигура изобразила всем своим видом сдержанное внимание.

— Вы не видели тут девушку? Эээ... голубое платье, светлые волосы. Красивая и... возможно... немного расстроенная.

— Насколько расстроенная? — деловито поинтересовался охранник.

Кайл поморщился.

— Очень.

— Я не видел, — качнул головой здоровяк, — сейчас уточню.

Отошел на пару шагов, вполголоса переговариваясь по рации со своими коллегами, разбросанными по всему зданию. Затем вернулся к Кайлу.

— По коридору прямо, потом налево. И еще раз налево. Там ее видели недавно.

Кайл кивнул и двинулся в указанном направлении.

Паника нарастала. Что, Кайл, хотел собрать себя в единое целое? Преодолеть пропасть между Голосом и Шарки? Поздравляю! Теперь их трое! Прекрасная незнакомка... а у него, несмотря ни на что, сердце предательски дрогнуло, когда вспомнил, как отреагировал на нее... бесившая его Шарки... и его любимый Голос... и все это —

один и тот же человек! Его проблемы множились просто с ужасающей скоростью.

Он едва не проскочил. Как заметил, непонятно. Натренированным за годы езды на предельных скоростях боковым зрением, не иначе. Небольшой балкончик, а на нем — одинокий силуэт в светлом платье на фоне темного неба.

Кайл подошел к балконной двери. Со стороны балкона такие двери обычно не запираются. Значит, надо просто потянуть на себя ручку и выйти... туда, к ней. И...

Он глубоко вздыхает, пытаясь собрать скачущие мысли. Так, во-первых, успокоиться. Во-вторых, настроиться на то, что сейчас он будет разговаривать не с Шарки, не с Голосом из штурманского кресла, и не со сногшибательной красавицей, увиденной им в зале. Он будет говорить с человеком, в котором есть это все! С Николь Хант. Впрочем, проще всего ему было найти общий язык именно с красавицей-блондинкой. Уж с такими-то он умел разговаривать! Хотя нет, одернул он себя, как раз с ними он обычно не совсем... разговаривал. Ладно, обойдется как-нибудь, сколько еще можно тут торчать перед дверью, как идиот.

Не давая себя времени на то, чтобы опомниться и струсить, он поворачивает ручку и шагает внутрь. Она вздрогнула. Но не обернулась, продолжая стоять, запрокинув голову, обнимая себя руками. Что ж, звезды сегодня действительно красивы...

— Николь...

Она вздрогнула еще раз, ошутимее. И, хрипло, через силу:

— Шарки!

Кайл чуть не застонал. Как же он усложнил себе задачу!

— Ник, послушай...

— Шарки! — шипит она. — Меня зовут Шарки!

— Я больше никогда не назову тебя так...

— А я больше никогда не собираюсь разговаривать с тобой!

Вообще! Ты понял?

Что сказать? Довыпендривался...

— Ник, послушай... — повторяет он.

— Я — Шарки! — упрямо в ответ. И почти кричит уже.

— Да послушай же! — не выдерживает он и тоже почти кричит в ответ. Выдыхает шумно. Надо успокоиться. — Ник, я прошу, выслушай меня...

Молчит. И на том спасибо. Он стоит у нее за спиной и, наперекор всему, любуется красивой тонкой шеей. Слепой он был, что ли?..

Кайл усилием воли заставляет себя сосредоточиться. Главное сейчас — вернуть ее в зал, иначе все мероприятие срывается, и чем это грозит лично ему... черт, лучше об этом не задумываться.

— Послушай, — он выдыхает, собираясь, — я знаю, что вел себя как последний идиот. И нет мне оправданий. Я расскажу тебе о том, почему я это делал. Потом. Когда сам в этом разберусь. А сейчас... Николь, прости меня, пожалуйста. Прости меня... за все.

Плечи вздрагивают в судорожном вздохе.

— Ник...

— Уходи.

Черта с два! Куда ему идти, когда он должен быть здесь, с ней! Нет, он не уйдет.

— Николь, что мне сделать, чтобы ты простила меня?

— Уйди. Сейчас. Немедленно!

Это мы обсуждали, не вариант. Он лихорадочно соображает. Он никогда раньше не просил, не вымаливал прощения. Тем более — у женщины. Что сделать? Все, все, что угодно, но нужно, чтобы она его простила!

— Хочешь, я встану на колени?

— Вставай.

И на колени он ни разу в жизни не становился. Только в детстве, когда его заставляли молиться. А вот сейчас, подумав и поколебавшись, он все-таки опускается на колени. Так нужно. Ему это категорически не нравится, но он терпит. Молчание, и ничего не происходит.

— Ник?..

Чуть заметное движение плечом он воспринимает как ответ, как знак, что она его слушает.

— Я на коленях стою.

— Мне все равно, — бесцветно.

— Совсем?

— Абсолютно.

— Тогда, я поднимусь, если ты не против, — он, откровенно говоря, разочарован. Самонадеянно полагал, что падение на колени может растопить любое сердце. Оказалось — не любое. — А то штаны помну, а мне еще возвращаться... со спонсорами фотографироваться...

Неожиданный хриплый смешок.

— Тебя сэр Макс заставил прийти, да? Пригрозил тебе? Я же ему нужна... для спонсоров... для всяких там представлений, знакомств... Какое усердие, Кайл... На колени готов встать, чтобы исполнить поручение шефа?

— Да пошел Макс! — Кайл легко поднимается с колен, отряхивает брюки. — Плевал я на него. На колени я готов встать только ради тебя...

Фраза звучит фальшиво, Кайл понимает это в ту самую секунду, когда замолкает. Ник не дура, она тоже это чувствует и качает головой:

— Отдает дешевой мелодрамой, Падрон. Так я тебе и поверила...

Кайл готов выть от бессилия. Ну вот как, как вымаливать прощение у женщины, которая тебе ни на йоту не доверяет?!

Зато ты ей доверяешь больше чем себе, тихонько произносит внутренний голос. Ты веришь каждому ее слову, целиком и безоговорочно. А вот что ты сделал, чтобы она поверила тебе?

Внезапно, вдруг, мгновенно в голове все собирается. Из мелких разрозненных фрагментов мозаики формируется одно цельное полотно. Одна оглушающе простая мысль: «Падрон, ты законченная мерзкая тварь. Окончательный и бесповоротный подонок».

Злость на себя включила мозги. И он вдруг понял...

— Ник, я знаю, что делать! Я извинился перед тобой и несколько об этом не жалею. Очень надеюсь, что ты меня все же простишь... Я... как натуральный моральный урод, унижал тебя публично, при всех. И извиняться буду тоже публично. На первом же совещании... где будут все... вся команда... я извинюсь при всех. Обязательно. Честно. Веришь мне?

Он наконец-то шагает вперед и встает рядом с ней. И видит: и вцепившиеся в перила тонкие пальцы, и блестящую дорожку от слез на щеке, и закушенную нижнюю губу. Ругается вполголоса, запас приличных слов у него уже иссяк.

— Ник, ну правда... — он просто не знает, что еще сказать. И, неожиданно для себя, накрывает ее ладонь своей. Правильно, если слова бессильны, надо переходить к... невербальным методам коммуникации. Холодные пальцы дрогнули под его ладонью, но он лишь сильнее сжал их, не давая отнять руку. И, вопреки обстоятельствам, наслаждался прикосновениям к ее руке. Интересно, а те ссадины с Аргентины уже зажили? Пришлось срочно давить в

себе желание поднести руку к губам и проверить... Он чертов извращенец!

Столько времени травил, сживал со свету человека, который и виноват-то был только в одном — что родился женщиной. Прекрасной женщиной, к слову сказать. В голове начинается кружение и мельтешение, но все затмевает острое чувство стыда и почти непреодолимое желание сбежать. Куда угодно, лишь бы избавиться от этого топящего его чувства собственной вины и угрызений вдруг внезапно проснувшейся совести. Только вот от себя не убежишь, не так ли?

Ее пальцы под его ладонью дрожат. Потом вздрагивают плечи. Потом она начинает вздрагивать вся, всхлипывая. А потом...

Медленно притянул ее к себе, к плечу. И гладил по содрогающейся спине, обнаженной, получая от этого извращенное, кто б сомневался, удовольствие! И чувство облегчения от ее тихих слез тоже было извращенным. Но он был уверен: раз плачет, значит — простила. И плевать, чего там хотел от него Макс. Обойдется. Он должен ее привести в зал, и Макс с него шкуру спустит, если он этого не сделает, но... В данный момент он совершенно точно понял — прощение Ники во сто крат важнее каких-то там спонсоров.

— Слушай, — шепчет ей тихонько в волосы, — давай я тебя домой отвезу? Сейчас немножко подождем, пока ты... — замялся, пытается сказать по-другому: — Черт с ним, с этим балом, совру что-нибудь... Что тебе плохо стало, голова заболела или еще что-нибудь.

Перетопчутся. А? Что скажешь, Ник? Поедем домой?

— Никуда я не поеду! — упрямо, шмыгнув носом напоследок.

— Ник, ты не обязана...

— Я профессионал!

— Видела бы ты себя сейчас, профессионал...

— А кто виноват?!

Кайл улыбается. Она огрызается, значит — пришла в себя.

— Пойдем, найдем дамскую комнату.

— Зачем? — удивляется Ник. — И что значит — пойдем? Ты в дамскую комнату со мной собрался? Маньяков туда не пускают.

— Кто это не пустит, интересно? Пошли, надо тебя в порядок привести.

Она выпрямляется, высвобождаясь из его объятий. Вздернутый подбородок, упрямо сжатые губы — она поразительно быстро приходит в себя.

— Возвращайся в зал. Я скоро приду.

— Николь, я подожду тебя.

— Я сказала — возвращайся! — в ее голосе звенит металл. В сочетании с заплаканными глазами это создает потрясающий эффект. — Я обещала Мак-Коски, что буду присутствовать на этом проклятом вечере, и я это сделаю. Тебе не о чем волноваться, — она горько усмехается уголками губ и отворачивается.

Это не победа. Но и не поражение.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Да. Я видела в зале Корделию Деламико. Знаешь, кто это? Отлично, ты меня очень обяжешь, если попросишь ее прийти сюда.

— Сделаю все, что смогу.

— Ну, и где она? — шипит сквозь зубы Мак-Коски, не переставая широко улыбаться.

— Сейчас придет, — Кайл тоже улыбается репортерам до боли в скулах. — Я все уладил.

— Очень на это надеюсь...

Николь появилась через полчаса. Безмятежная улыбка, прямая спина, по-прежнему безупречный макияж.

— Ники, дорогая, твоя мама гордилась бы тобой, — произносит сэр Макс. Будучи при этом совершенно искренним. — Можно пригласить тебя на танец?

— Предупреждаю, что из меня не самая хорошая партнерша для танцев!

— Зато, безусловно, самая красивая.

— О, какая неприкрытая лесть! — Николь сдержанно улыбается. На Кайла она даже не посмотрела.

— Я приглашу ее на следующий танец, — заявляет подошедший Хирвоннен. — Кто бы мог подумать, что малышка Ник окажется такой умопомрачительной красоткой!

Кайл с неприязнью покосился на второго пилота.

— Черта с два! Иди, танцуй со своим штурманом! Следующий танец она обещала мне.

Микко жизнерадостно ржет.

— Я бы рад, но Крис не в моем вкусе.

— Николь, я бы хотел потанцевать с тобой, — одобрительный кивок Макса. — Ты ведь мне не откажешь?

Ники очень хочет отказать, но рядом стоит Мак-Коски и не сводит с нее внимательных глаз. Приходится соглашаться.

— Буду счастлива, — цедит она сквозь зубы и кладет пальцы в протянутую ладонь.

Кайл это чувствует сразу. Какая она деревянная в его объятиях. Какие у нее ледяные пальцы, какая у нее неестественно напряженная спина под его рукой.

Она упорно смотрит куда-то поверх его плеча.

— Ник!

Молчание.

— Ники!.. Ну, посмотри на меня. Пожалуйста.

Николь переводит взгляд на него, и Кайла обдает холодом. Ух ты, как, оказывается, малышка Шар... Ники может смотреть!

— Что?

— Ник, ну я же... извинился. И извинюсь еще раз, публично, я же обещал...

Николь недоумевает: неужели он и в самом деле считает, что этого... достаточно? Что можно просто извиниться, и этого хватит, чтобы она забыла, как он к ней относился все эти месяцы? А что поменялось? Она надела красивое платье и туфли? И все? Увидел, что у нее есть грудь и ноги, и это поменяло все? Если бы она знала, то вырядилась бы в платье в самую первую их встречу! Ник представляет, как она бы залезала в раллийную машину — в шлеме, короткой юбочке и на шпильках, — и фыркает, не сдержавшись.

— Что смешного? — бормочет Падрон.

— Что смешного? — переспрашивает Ник. — Да все!

— И я?

— Ты — больше всего.

— Макс, что случилось с Николь?

— А что с Николь? — Мак-Коски уверенно ведет Корделию в танце. — С ней все в порядке.

— Сейчас — да! Но еще час назад... Ты б ее видел!

Сэр Макс хмурится. Значит, Кайл ее все-таки довел.

— Насколько все было плохо?

— Поверь, мне пришлось приложить значительные усилия, чтобы привести ее в порядок.

— Так это тебя я должен благодарить? — Мак-Коски подносит руку Корделии к губам.

— Благодарить — меня, — улыбается Карделия, — а вот кого убивать за то, что ее до этого довели...

— Убивать — понятно кого, — мрачно цедит сэр Макс. — Если бы я только мог придушить своего первого пилота...

— Да неужели!? — ахает Корделия. — Кайл!? Не может быть! Такой хороший мальчик. Такая красивая девочка... Что там может быть не так?!

— Известно что, — грустно усмехается Мак-Коски, — один — упрямый идиот, другая — умная гордячка. А в результате я слягу с сердечным приступом еще до конца сезона.

— Николь, Кайл, потрясающе смотрите вместе! Позвольте фото?

— Конечно, — широко улыбается Кайл.

— Да сколько можно... — вполголоса бормочет Ник.

— Работай, профессионал, — шепчет он ей на ухо, обнимая за плечи. — Это наша работа. Улыбаемся и машем.

Он не отходил от нее ни на минуту. Улыбался, болтал без умолку, отвечал на вопросы журналистов, спонсоров и просто знакомых. Отшучивался от ироничных замечаний, несколько раз танцевал с ней, уверенно ведя и не давая сбиться. Ник в принципе умела танцевать — занятия по бальным танцам входили в обязательную программу пансиона, но она ими старательно манкировала, поэтому блестящей партнершей себя не считала. Но послушно танцевала с ним.

И улыбалась, постоянно улыбалась, хотя безумно устала. Устала делать лицо, устала прямить спину и плечи, устала держать удар. Устала от его тревожащего и непонятного присутствия рядом. Она — профессионал. Она выдержит это испытание.

А о том, что было на балконе, она себе запретила думать. Она подумает об этом потом, завтра. Главное — пережить этот вечер, а там видно будет. Думать о произошедшем, стыдиться своих слез и рефлексировать по поводу проявленной слабости, а также гадать о том, насколько искренен был Кайл, она сейчас точно не будет.

Глава 13. Финляндия. Ювяскюля. Ралли тысячи озер

«И поэтому, когда видишь протоколы только с фамилиями пилотов, становится всегда немного обидно и грустно за „серых кардиналов“ с правого сиденья, незаметных людей с комплексом неполноценности,

имеющими, как минимум, одинаковое право делить с Первым пилотом радость побед и поражений»

Статья «Штурман» с сайта eulex.ru.

Из разговора автора с персонажами

— Боишься?

— Я? Боюсь? Никогда и ничего!

— Значит, будешь извиняться публично? При всей команде?

— Хм...

— Не хмыкай! Отвечай — извинишься?

— Ну... я же обещал.

— А если бы не обещал?

— Но я же обещал!

— А если бы не обещал? Так бы и продолжал делать вид, что все нормально и ты прав?

— Чего пристала? Я же сказал, что извинюсь!

— Значит, боишься? Чего молчишь?

— Боюсь. Но все равно — извинюсь. А скажи...

— Чего?

— После этого все будут считать меня дураком?

— Ты и так дурак.

— Вот за что мне такой противный автор?!

— Терпи. Другого все равно не будет.

— Неужели простишь?

— И не подумаю.

— А если он унизит себя извинением при всех?

— Этого не случится.

— Ну а если все-таки?..

— Он мог извиниться, чтобы меня вернуть обратно. Но после бала... когда дело сделано...

— Значит, не веришь?

— Не верю.

— Но хочешь верить?

— Мало ли чего я хочу... Ты ж меня никогда не слушаешь.

— Это вы меня должны меня слушаться! Я — автор.

— Вляпались мы с таким автором.

— Терпи. Другого все равно не будет.

— Так, давайте обсудим основные моменты того, что нам предстоит сделать, — начинает Мак-Коски рабочее совещание верхушки команды перед ралли Финляндии.

— Гм... Макс... позволь, сначала я, — перебивает шефа команды Падрон. — Я хочу сказать что-то важное.

— Нууууу... давай, — настороженно соглашается сэр Макс. — Если действительно важное.

— Действительно, — кивает Кайл.

— Ооооо... статуя командора заговорила, — подает голос Хирвоннен.

— Суоми молчат! — огрызается Падрон. Бросив на Паттерсона предупреждающий взгляд, добавляет: — Кельты тоже молчат!

Микко и Крис ехидно переглядываются.

Кайл тем временем поднимается со своего места. Прокашливается.

— Друзья мои. Коллеги. Я страшно в вас разочарован, — слышится удивленный шепот, Кайл поднимает руку, требуя внимания, и продолжает: — Дело вот в чем. Я, как последний идиот, почти полгода валял дурака, измываясь над Николь. И никто из вас не сказал ни слова в ее защиту. Никто не поставил меня на место, никто не заставил меня прекратить этот кошмар. Мне за вас очень стыдно. А вам не стыдно?

Ответом ему служит потрясенное молчание. А потом первым решается заговорить Кертис Уилсон:

— А тебе? Тебе, Кайл, не... стыдно?

— Очень, — серьезно отвечает Кайл, кивнув техническому директору. А потом переводит взгляд на Ник. И, глядя только на нее, произносит четко и веско: — Николь, я прошу у тебя прощения за все то, что я делал некрасивого и непозволительного по отношению к тебе. За свое безобразное и отвратительное поведение за все время нашей совместной работы. Николь, прости меня, пожалуйста. Я очень тебя прошу. Нам ведь еще надо чемпионами становиться вместе.

Присутствующие снова молчат в потрясении. Такого от Кайла не ожидал никто. Чтобы самоуверенный и гордый как патриций Падрон признался в собственной неправоте... извинился?... Не выдерживает теперь уже Микко.

— Падрон, ты даже извиниться по-человечески не можешь!

— Хирвоннен, заткнись! — Кайл не отрывает взгляда от Николь.

Следом за Кайлом на Ник начинают смотреть все. А она уже какое-то время сидит, низко наклонив голову, разглядывая поверхность стола. Светопреставление продолжается. Привычный мир рушится. Он все-таки сделал это, чертов идиот! И что теперь делать ей?

Молчать становится уже невозможно. Все от нее ждут чего-то. А чего, собственно? *Vade in pace*[5]? Она не священник, чтобы грехи отпускать.

— А давайте... хм... — негромко, не поднимая головы, произносит она, — давайте продолжим совещание. Давайте работать...

— Давайте! — преувеличенно радостно, с облегчением произносит Мак-Коски.

— Ну, давайте, — со вздохом соглашается Кайл. Он разочарован реакцией Николь, но о сказанном не сожалеет.

Садится на место. Микко незаметно показывает ему средний палец. Кайл в ответ показывает ему «козу». Дескать — изыди, нечистый. А потом, ехидно усмехнувшись, вскидывает пальцы латинской «V». Я — победитель, а ты — второй. Хирвоннен скалит зубы в ответной гримасе. Он совсем не рад, что Кайл наконец-то одумался. Не ко времени у чертова итальянца мозги включились.

— Ник, подожди!

Он неугомонный, ей-Богу!

— Что? — останавливается, не оборачиваясь.

— А ты не хочешь обсудить со мной стратегию на гонку?

— Когда она у меня будет, эта стратегия, я тебя с ней ознакомлю.

— Это не правильно! — возмущается Кайл.

— Раньше работало, — пожимает плечами Ник.

— Не простила, значит, — со вздохом констатирует Кайл.

— При чем тут это! — мгновенно ощеривается она.

— Николь, — Кайл само терпение, — мы должны работать сообща, разве нет?

Он прав, он чертовски прав, как это ни противно признавать. Она так этого ждала, так долго этого ждала. Теперь получила. И какая, к дьяволу, разница, что явилось причиной смены его настроения! Главное, что она, эта смена, произошла, раз он в этом признался перед всей командой.

И она же, черт побери, профессионал. Кайл валял дурака, позволяя каким-то своим личным проблемам мешать работе. А она так делать не будет, несмотря на то, что до дрожи боится любых перемен в их отношениях. Несмотря на то, что забыть о всех его словах, полных

злости и желания ее унижить, будет очень непросто. Она так долго привыкала к его ненависти, что менять что-то невообразимо страшно. Но она же профессионал! Она покажет Падрону, как нужно работать в команде.

— Ладно, — кивает ему, — пошли.

— Пошли, — соглашается Кайл. И добавляет уже на ходу, попутно удивляясь тому, какой у нее широкий размашистый шаг: — А ты знаешь, что мы тут в прошлом году сделали? Кстати, можно попробовать.

Они идут рядом — Ник чуть впереди, Кайл чуть сзади. Слегка наклонившись, он вполголоса рассказывает ей в деталях о том, как проходила гонка в прошлом году. Заданный Ник темп ходьбы постепенно снижается, переходя в совсем уж неторопливое переставление конечностей. А потом она и вовсе останавливается, да так внезапно, что Кайл натывается грудью на ее плечо, запнувшись на полуслове.

— Что такое?

Она поворачивается к нему лицом.

— Падрон, вот какого черта!?

— Что не так?

— Вот какого черта ты, — одна рука уперта в бок, пальцы другой нацелены ему в грудную клетку, — какого, я спрашиваю, ты валял дурака столько времени?! Если бы у меня была такая информация раньше!!

— Ну, — Кайл смущен. Удивительно, но факт, — я же... хм... изменил свое мнение... в конце концов.

— Ты все равно идиот!

— Я знаю.

— Болван.

— Точно.

— Кретин и дурак.

— Правильно.

— Сколько времени потеряли... — почти стонет Ник. — Придурок!

— Угу... А у тебя словарный запас богатый, как я погляжу.

— Не переживай, на тебя хватит! — фыркает Ник. — Пошли!

— Куда? Бить будешь?

Хватает его за рукав ветровки:

— Хуже, Кайл! Работать!

— А теперь что?

— А теперь — сиди и молчи.

Это его не устраивает. Встает у нее за спиной, наблюдая, как она работает. Пальцы одной ее руки терзают и без того торчащие в разные стороны волосы. Пальцы другой щелкают кнопками «мышки», заставляя быстро меняться картинка на экране ноутбука.

Наклоняется вперед, вдыхая запах ее волос. Не парфюма, не косметики... А именно — ее. И вместе с тем — пахнет еще чем-то, неуловимо знакомым. Кайл на секунду хмурится, а потом вдруг неожиданно прыскает. Конечно, знакомым! Родное «Mobil 1». Не сдерживается, фыркает еще громче. Видимо, Ник успела с утра в боксы наведаться, и поэтому от нее слегка пахнет моторным маслом. А ему это даже нравится. Нет, он точно извращенец! Надо отвлечься.

— А это что? — тычет пальцем в экран.

— Рррруки! — рычит Ник. — Нечего пальцами монитор лпать!

— Что это, я спрашиваю! — повышает голос Кайл. Он не привык к тому, что с ним так разговаривают.

— Слушай, не мешай, а? — Ник не отрывается от ноутбука. — Мне надо обдумать все, что ты мне рассказал...

— Угу... Я, значит, старался, информацией делился... А теперь — вон поди, работать не мешай?!

— Кайл, ну слушай... — Ник в задумчивости начинает грызть ноготь, — ты же обычно находишь, чем заняться?

— Эээээ... Ну да...

— Ну вот! Пойди и трахни эту «Ээээ» или «Ну да». А я тут пока подумаю...

— Ну, знаешь, что?!

— Знаю. Не мешай мне. Надо будет — я у тебя спрошу.

— Да иди ты!

Уходит, хлопая дверью.

Ник морщится. Нервный какой. Ничего, ему теперь деваться некуда. Она сейчас все обдумает, Кайл остынет, и они еще раз все финально обсудят. Игра продолжается. Но по другим правилам.

Это оказалось просто. Проще, чем он ожидал. Как будто... так и должно было быть всегда. Обсуждать совместные дела, препираться по пустякам. Подкалывать по малейшему поводу. И тихо восхищаться ее талантом и трудолюбием. И еще тише ужасаться собственной слепоте и дурости. И радоваться тому, что как-то все разрешилось.

— Ну, что, штурман, покажем суоми, как надо ездить в Финляндии?

— Попробуем...

— Откуда такая неуверенность? — Кайл усмехается, а у Ник все внутри замирает от его улыбки. Почему же все, что он делает, вызывает такую реакцию? Или она просто не привыкла к его искренним улыбкам?

— Трудно побить финнов у них же дома... — бормочет Ник, намереваясь надеть шлем.

— Погоди!

— Что?

— Руку дай.

— Зачем?

— Слишком много вопросов, Ник, — снова усмехается Кайл. Сам перехватывает ее руку, крепко сжимает ладонь. — На удачу, штурман!

— Сложности какие... — бормочет Ник, но на пожатие руки рефлекторно отвечает. — Теперь можно ехать?

— Поехали!

Он был максимально собран. «Ралли тысячи озер» ошибок не прощает. Быстрые прямые, на которых скорости просто запредельные. И гравий, который он только-только научился укрощать. Благодаря Ник, между прочим. Близко подступающий к трассе лес, который придает любой ошибке, повлекшей за собой сход с трассы, оттенок фатальности. Ну и, конечно же, фирменный знак Финляндии — трамплины. В полете машина проводит едва ли не больше времени, чем на земле. Главное, чтобы эти динамические удары выдержала подвеска. А напряжение, которое требуется для того, чтобы, не теряя скорости и управляемости, проходить все эти трамплины! Главное, чтобы это безумное напряжение выдержал гонщик.

Они выступили идеально. Безупречная тактическая подготовка — ее. Филигранная техника вождения — его. А самое главное и новое для них — полнейшее взаимопонимание, на уровне интонаций, полуслов. Идеальная собранность идеальной команды.

Впервые за многие годы победителем «Ралли тысячи озер» стал НЕ скандинав. Точнее — лишь наполовину скандинав.

И этот самый наполовину скандинав по окончании этапа выволок недоумевающую Ник из машины, и их двоих тискал, тормошила и качала на руках вся команда. Потом их полку прибыло — экипаж Хирвоннен-Паттерсон занял второе место, проиграв Падрону и Хант менее трех секунд. Их чествовали четверых. «Мак-Коски» совершил победный дубль.

А потом, впервые за весь сезон, Ник оказалась на подиуме. И не могла сдержать радостной улыбки. Пять раз Кайл уже выигрывал этапы в этом сезоне. И ни разу Ник даже в кошмарном сне не могло прийти в голову выйти с ним на награждение. А теперь вот Кайл, не спрашивая и не дав сказать ни слова, потащил ее, оглохшую от радостных криков, ошалевшую от свалившихся на нее поздравлений, на подиум. И она стоит в окружении пяти радостных мужчин, и, хотя и смущена, улыбается — немного робко, но искренне.

А когда Кайл втискивает ей в руки кубок за победу на этапе, у нее появляется серьезная проблема: на глаза набегают непрошенные слезы. Черт, стыдно-то как! Но мужчины, стоящие рядом с ней на подиуме, помогают ей справиться с этой проблемой. Первым ее окатывает из бутылки Кайл. Ледяное шампанское льется ей прямо за шиворот. Затем к Кайлу присоединяются Микко с Крисом, а также экипаж «Фиесты Абу-Даби», занявший третье место. Парни дружно поливали хохочущую и не пытающуюся убежать Ник. В отличие от остальных, для нее это было первое призовое шампанское, первый чемпионский душ на подиуме. Они лишь прикрывала лицо, счастливо отфыркиваясь от попадающего в рот и нос шампанского.

Фотографии Николь, радостно улыбающейся, с мокрой челкой, падающей на глаза, с лицом, покрытом капельками шампанского, обошли все спортивные издания.

А Кайл смотрел на ее счастливое лицо и гадал — какого вкуса будет это средненькое, в общем-то, шампанское, если его слизать с ее губ...

Глава 14. Мозель. Трир. Ралли Германии

«Но стрелки я топлю — на этих скоростях
Песчинка обретает силу пули, —
И я сжимаю руль до судорог в кистях —
Успеть, пока болты не затянули!»

Были и свои минусы в том, что их отношения с Кайлом стали походить на человеческие. Сэр Макс, мучимый угрызениями совести, совсем освободил Ник от участия во всяческих мероприятиях команды, не связанных непосредственно с гонками. А вот Кайл придерживался прямо противоположной точки зрения.

И Николь оказалась практически против воли вовлечена в стихийное бедствие под названием «Кайл Падрон выполняет свои обязанности по контракту».

Сначала он ее, в перерыве между Финляндией и Германией, утащил на Берлинский автосалон, где они украшали собой экспозицию «Subaru». Бесконечные фотосессии, интервью, два дня — как две недели. Она падала вечером в постель, мертвая от усталости и обилия новых впечатлений. Так она не уставала даже во время ралли. Но Кайл был неумолим.

— Сегодня у нас еще одна встреча с ребятами из «AutoNews» и все. Возвращаемся.

— Не верю своему счастью, — облегченно вздыхает Ник. — Я уже ног под собой не чую...

— Потому что не ешь нифига! Лопай, давай!

— Падрон! — Ник округляет глаза. — Ты не бредишь? Тебе зачем лишние килограммы в машине?

— У тебя анемия наверняка! Вон — прозрачная вся! Через тебя солнце просвечивает. Давай, жри омлет!

Ники демонстративно закатывает глаза.

— Слушай, достал уже! В свою тарелку смотри!

Он столь же демонстративно складывает руки на груди. Выглядит, черт его дери, внушительно.

— Я, в отличие от тебя, уже позавтракал! Нормально позавтракал!

— Знаешь, что? — Ник начинает остервенело ковырять омлет. — Я начинаю скучать по тем временам, когда ты меня ненавидел!

— А кто сказал, что перестал? — он сардонически изгибает бровь. — Просто я теперь это делаю в более изощренной форме.

Она бледнеет и едва не давится омлетом.

— Эй, Ник, ты чего? — протягивает руку, сжимает ее пальцы. — Я пошутил. Честно.

Она резко бросает вилку, аппетита совсем нет. После небольшой паузы высвобождает свои пальцы из плена его теплой ладони.

— Дурак ты, Падрон. И шутки у тебя дурацкие.

При мысли о том, что он действительно может еще ненавидеть, ее даже подташнивает. Как непозволительно быстро она привыкла к мысли, что он относится к ней нормально, по-человечески!

Без стука ввалился к ней в номер с бутылкой вина. Спросил, кивая на открытый ноутбук:

— Как дела? Я тебе тут не помощник, в прошлом году в Германии этап не проводился.

— Асфальт, Кайл, асфальт, — Ник задумчиво постукивает карандашом по верхней губе. — Как у тебя с асфальтом?

— Могла оценить! — Кайл плюхается на стул рядом. — Я тебя, как раб, два дня на себе возил!

Ник вздрагивает, вспоминая. Сочетание «Кайл + Maseratti Spyder GT + немецкие автобаны» оказалось просто убойным. И ей было реально страшно. Он искоса глянул на нее, а потом довольно хохотнул:

— Ты ж на спецучастках со мной не боишься ехать? А тут чего в обморок падала?

— На трассе я занята! И на мне шлем.

— Хорошо, — хмыкает Кайл. — В следующий раз дам тебе шлем и карту дорог, — подумал и добавил: — и чупа-чупс!

— Зачем чупа-чупс?

— Потому что я добрый! — назидательно.

Ник едва удерживается от того, чтобы показать ему язык. Вместо этого...

— Что это у тебя?

— Мозельское светлое полусухое с местных виноградников урожая прошлого года... — отхлебывает. Протягивает ей бутылку. — Рекомендую.

— Увольте! — морщится Ник. Кивает в сторону другой его руки. — Я про это.

— А, это... — кладет ей на колени, — это подарок тебе.

Ник разворачивает «подарок». Футболка с принтом улыбающегося Кайла.

— Нравится? — вкрадчиво интересуется Падрон. — Это последнее детище моего фан-клуба.

Ник критически разглядывает «детище».

— Слушай, а я такую на ком-то недавно видела... — Ник хмурит лоб. — Точно, вспомнила! На Меган!

Меган была поваром команды, кормила и поила их в «военно-полевых» условиях ралли.

— Я ей подарил, — довольно улыбается Кайл.

— Только вот... — Ник растягивает в руках футболку, — на ее четвертом размере ты выглядишь несколько... иначе. У тебя там такие... удивленные глаза! И нос слегка набок!

— Ты просто завидуешь!

— Чему?

— Четвертому размеру!

— Больно надо!

— Собственно, да. У тебя и так все прекрасно...

Повисает неловкое молчание.

— Кхм... — Кайл прокашливается, — в общем, я уверен, что на тебе эта футболка будет смотреться лучше, чем на Меган.

— А кто тебе сказал, что я ее буду носить?

— Дело твое, — пожимает плечами Кайл, — можешь лобовое стекло протирать!

— Вот это дело! — соглашается Ник. — Хорошая ткань, мягкая. Подойдет.

С ней никогда не было просто.

— Что скажешь про трассу? — переключает он внимание на ноутбук.

— Участки, которые через виноградники проходят... там узко. Очень узко, — задумчиво отвечает Николь.

— Я люблю, когда узко, — быстро отвечает Кайл. И, через секунду, сообразив: — Ой, я не то имел в виду... то есть... я про трассу... Тьфу, черт!

— Нда... — издевательски тянет Ник, — трудно быть сексуально озабоченным извращенцем.

— Знаешь, — не остается в долгу Кайл, — я начинаю скучать по тем временам, когда ты меня боялась!

— А кто тебе сказал, что боялась? — с вызовом.

— Никто. Я не слепой.

Возразить нечего, он прав. Боялась. И до сих пор боится — что то время может вернуться.

Они лидировали два дня. И почти весь третий. Удача отвернулась от них на последнем спецучастке.

На выходе из поворота машину заносит, тянет боком, Кайл судорожными движениями пытается поймать автомобиль. С

огромным трудом ему это удастся. Глядя на то, с каким усилием ему даются повороты руля, Ник понимает — отказал гидроусилитель рулевого управления. И это на последнем спецучастке!

Но машина не останавливается, тихо ползет вперед, пока Кайл по рации переругивается с Кампосом о причинах отказа ГУРа и дальнейших действиях. И потом, приняв решение и красочно послав Эзекиля к черту, нажимает на газ.

— Кайл! С ума сошел?! Куда ты без усилителя? Ты не сможешь нормально машиной управлять! Все равно последние приедем. Лучше сразу сойти с трассы.

— Еще посмотрим! Последний участок остался, — отвечает сквозь зубы. Стягивает перчатки. — И асфальт тут ничего вроде... Надо показать хоть какой-то результат. Давай картинку!

Ник диктует стенограмму. Обычно она старается не отвлекаться ни на что. Но сейчас она не может удержаться и периодически бросает взгляд в его сторону.

Длинные сильные пальцы, сжимающие руль. Добела напряженные костяшки. Вдувающиеся от тяжелейших усилий вены на тыльной стороне руки. Вся поза, выдающая колоссальное мышечное напряжение. Кайл буквально каждым мускулом своего тела пытается удержать на трассе почти полутоннажный автомобиль, не теряя при этом скорости.

Ник может себе представить, чего это ему стоит. При отказавшем гидроусилителе руль становится не просто тяжелым — дубовым, поворачивается с огромным трудом. Но каких усилий стоит поворачивать его в сумасшедшем темпе, чтобы на этих скоростях проходить узкие повороты трассы близ тренировочной базы военных Baumholder, где гигантские валуны, известные как hinkelsteins, очень часто преграждают гонщикам путь, Ник может представить только умозрительно. Но она точно знает, что человек, способный на это, совершенно определенно достоин чемпионского титула.

Наконец-то, финиш! Машина останавливается. Вокруг оседают клубы пыли. Кайл сидит, не двигаясь.

— Кайл?

Голос его звучит глухо.

— Шлем... сними.

У Ник перехватывает дыхание. Осторожно протягивает руки, расстегивает защелку и снимает с его головы шлем, стягивает

подшлемник. Волосы под ним — абсолютно мокрые, прилипшие влажным кольцами к голове.

— Кайл!?! Ты в порядке? Посмотри на меня!

Поворачивает голову. И, тихо:

— Пальцы... с руля сними...

— Что?!

— Пальцев не чувствую... помоги.

— Ты идиот, Падрон, — так же тихо, шепотом, внезапно севшим голосом.

Перчатки прочь, пальцы дрожат, когда прикасается к его, замершим на рулевом колесе. И начинает бережно, один за другим, разгибать скованные невероятным нервным напряжением пальцы своего пилота. Один, второй, третий...

Дверь с его стороны распахивается. В машину заглядывает кто-то из техников. Ошарашенно смотрит на них, но ситуацию оценивает быстро. И, повернувшись, орет:

— Портера сюда! Быстро!

— Ну и кому был нужен этот дурацкий героизм? — Джул выбрасывает в мусорное ведро ампулу. Кивает массажисту. — Приступай.

— Вот и узнай — кому! — парирует Кайл. — Позвони, узнай, какое мы место заняли. Ох, черт!

Гарри Колмен, штатный массажист команды, замирает.

— Не слушай его, массируй, — командует Портер. — Геройствовал — теперь пусть терпит. В пальцы начнет чувствительность возвращаться — еще большее будет.

Потом врач, под пристальным взглядом Падрона, набирает номер, вполголоса спрашивает у кого-то про результат гонки. Нажав отбой, молча смотрит на Кайла.

— Ну?! — не выдерживает Кайл.

Джулиан качает головой.

— Это, конечно, непедагогично, но ты был прав...

— Какое?!

— Восьмое.

— Ну вот! — удовлетворенно кивает Кайл. — Четыре призовых очка!

— Они того стоили? — Джул кивает на его начинающие подрагивать пальцы, которые осторожно разминает Гарри.

Кайл морщится — видимо, пальцы начинают болеть, как и обещал Портер, но отвечает уверенно:

— Определенно. Ты же знаешь, каждое заработанное очко может оказаться решающим.

Дверь распахивается. Николь.

— Как он? — вопрос адресован Джулиану.

— Жить будет, — в тон ей отвечает Портер.

— Команда в панике...

— Нет повода. К Австралии оклемается.

Подтверждая слова Ник о панике, позади нее появляются еще люди, слышатся голоса: «Что с Кайлом? Как он?».

Ник наконец-то смотрит на Кайла. И понимает вдруг, что совершенно точно знает, о чем говорит его напряженный, вызывающий и одновременно измученный взгляд. Он не любит собственной слабости и беспомощности. И не хочет, чтобы его кто-то еще видел таким — слабым, разбитым, с бесчувственными руками. И — он просит ее...

Ник разворачивается.

— Так, нечего вам тут делать! С Кайлом все в порядке!

— Дай хоть посмотреть!

— Нечего там смотреть. Кайл стесняется. Он голый.

— Чего это он голый? — раздаются недоуменные вопросы.

— Ему лечебный минет делают, — отрезает Ник, закрывая дверь.

— Хант, я тебя убью!!! — вслед ей несется рев Кайла.

— А я добавлю!!! — это уже Джулиан. Ибо возникает резонный вопрос — кто делает минет Кайлу?

Под хохот ребят из команды дверь захлопывается.

Джул качает головой.

— Вот же коза... Да уж, ничего не скажешь, повезло тебе со штурманом...

— Повезло, — абсолютно серьезно отвечает Кайл. Чуть подумав, переспрашивает: — А пальцы когда слушаться начнут?

— Думаю, полностью — через час где-то. А ты куда-то торопишься?

Кайл морщится.

— В туалет.

— В смысле? А, ну да... Придется потерпеть. Или... помочь тебе? Подержать?

— Спасибо, — фыркает Кайл, — с тебя минета достаточно.

К их дружному хохоту присоединяется даже Гарри. А потом Кайл снова морщится. Прогноз Джулиана подтверждается. Пальцы болят все сильнее.

Глава 15. Новый Южный Уэльс. Кингсклифф. Ралли Австралии

«Нет, развилка как беда,
Стрелки врозь — и вот не здесь ты.
Неужели никогда
Не сближают нас разъезды?
Этот сходится, один,
И, врубив седьмую скорость,
Светло-серый лимузин
Позабыл нажать на тормоз»

В.С. Высоцкий. «Песня о двух красивых автомобилях»

Перелет из Европы в Австралию тяжел. Это самая масштабная миграция раллийного сообщества за весь чемпионат — более полутора десятка тысяч километров. От самого центра Европы до юго-восточной оконечности Австралии.

Хотя само ралли Австралии славится своей безупречной организацией и интересным сочетанием асфальтовых участков с лесными дорогами, проложенными среди тропических джунглей.

Кайл, как и обещал Джулиан, к ралли Австралии совершенно пришел в себя, руки его слушались прекрасно, с головой он дружил как никогда, и лишь одно омрачало его существование. Николь.

Причем в совершенно противоположном смысле, чем еще совсем недавно.

Если вся верхушка команды во главе с Мак-Коски довольно улыбалась и потирала руки, глядя на то, как Кайл одумался, и они

теперь работают с Ник дружно, практически — душа в душу, то Кайла такой расклад совершенно не радовал...

Сбой в часовых поясах не дал ему спокойно спать. Проворочавшись без малого час и достигнув лишь того, что белье на кровати сбилось в одну кучу, он решил пойти искупаться. Идея странная — идти в два часа ночи купаться. Но, во-первых, бассейн при гостинице работает круглосуточно. А во-вторых... Ну, все равно ему не спится! Овец считать — это, конечно, любопытно, но как-то не помогает. Не смотря на близость Новой Зеландии.

Если бы он знал, чем закончится его ночной поход, он бы остался в номере под одеялом. И считал бы овец, хоть до рассвета. Зато не увидел бы ее...

Когда он вошел в зал бассейна, сразу увидел — кто-то там уже есть. Не один он такой умный — плаванием с бессонницей бороться.

А потом, необъяснимо, еще не видя толком фигуры, он понял... почувствовал... что это она. Стоял у дверей, невидимый, потому что приглушенный свет падал лишь на поверхность бассейна, и наблюдал. Плавала Ник не очень хорошо — сам Кайл плавал не в пример лучше. Она делала частые остановки, и вообще — больше плескалась в свое удовольствие.

Он хотел выйти из тени, окликнуть Николь и вдоволь поприкалываться над ее ленивой манерой плавать. Но отчего-то медлил... А потом Ник вылезла из бассейна, и обнаруживать свое присутствие ему совершенно расхотелось.

Стоял молча и смотрел. На эти бесконечные совершенные ноги. Изящные плечи и руки. Изгиб тоненькой талии. Как она наклоняет голову, отжимая отросшие волосы. Как потом закидывает руки за голову, прогибаясь глубоко назад, и как при этом под тканью купальника четко обрисовывается грудь.

С каждой секундой его дыхание становилось все тяжелее, казалось, что его слышно на весь зал бассейна. И, с трудом оторвав взгляд от тонкой женской фигуры, он незаметно вышел, прикрыв за собой дверь.

Овец он так и не смог представить. Провалился почти до пяти утра, представляя себе совсем другое.

Они сидят перед ноутбуком Ник, плечом к плечу, и просматривают записи прохождения двадцать второго «допа». Запись заканчивается.

— Давай еще раз, — командует Кайл. — Не могу я понять, как этот поворот проходить.

— Ну, не в полный газ, это точно, — Ник послушно отматывает запись на начало.

— Почему не в полный? Здесь достаточно широко.

— Кайл... — Ник качает головой, — не так уж и широко.

— Ну, вот же, смотри!

— Кайл, это запись!

— Да понимаю, не дурак! — Кайл начинает злиться.

— Когда смотришь запись, надо вносить определенные коррективы и понимать, что это картинка с камеры. Ты же не проезжал здесь, это новый участок. Поверь мне, здесь не так широко, как кажется.

— Да он у меня уже в памяти отложился! Уверен, этот вираж я смогу проехать с полным газом.

— Кайл, лучше бы ты верил мне... как раньше.

— Да я верю! — Кайл вскакивает. — Но что, я теперь не могу собственное мнение высказать? Права только ты?!

— Нет. Но... и у меня есть собственное мнение. Я сомневаюсь, Кайл... насчет прохождения этого поворота полным газом.

— Я настаиваю, — резко говорит Кайл. Что за бес в него вселился? Но ему вдруг остро хочется показать ей, что он не только ехать может быстро, но и в тактике кое-что понимает. Потом все же смягчается: — Верь мне, Ник. У нас получится.

После краткого размышления Николь кивает:

— Хорошо. В конце концов — едешь ты. Тебе виднее.

Сомнения у нее оставались. Раньше они такие повороты проходили всегда не в полный газ. Но, в конце концов, у Кайла опыта в разы больше чем у нее. Он должен лучше знать.

Гоночные инженеры потом восстановили всю картину с точностью до секунды, по телеметрии и записям камер.

15.49.19. Машина Падрона входит в поворот.

15.49.20. Машина вылетает с трассы.

15.49.21. Переворачивается.

15.49.22. Влетает в деревья. Отметки на деревьях от удара, как потом замерил персонал, обслуживающий трассу, были на высоте четырех метров.

15.49.24. Покореженный автомобиль останавливается, завалившись на бок.

15.49.29. К машине подбегают сотрудники из числа гоночного персонала.

На все ушло десять секунд.

Он приходит в себя от невозможности дышать и острой боли в груди и разбитом лице. Превозмогая себя, пытается сделать вдох. С трудом, но получается. Глаза заливают кровь. Наверное, кровь, не пот же? У него были аварии, но таких жестких... Слабо шевелит руками, ногами. Больно, но терпимо. Хорошая машина, крепкая, выдержала удар. И он тоже выдержал, кажется. Надо попробовать выбраться самому. Дверь оказывается заклиненной, значит, надо попытаться через пассажирскую...

Нахлынувшая волна ужаса опять лишает его возможности дышать. Ник!!! Он не может толком повернуть голову в шлеме, чтобы посмотреть. Кое-как справившись с застежками ремня безопасности, освобождает руки, стаскивает шлем и поворачивает голову, внутренне содрогаясь.

Она неподвижна. Поза не говорит ни о чем — ремни ее фиксируют плотно, лишь голова бессильно склонена на грудь.

— Ник... — хрипло, через боль шепчет он. Тишина в ответ.

— Ник! — чуть громче, и плевать на боль в груди. И опять эта пугающая тишина в ответ.

Набирает полную грудь воздуха, до темных пятен перед глазами и звона в ушах, и кричит:

— Никооооль!!!

Ответом ему служит скрежет дверной ручки. Подросли ребята, обслуживающие этот участок трассы. Дверца дергается сильнее, осыпается чудом удержавшееся при ударе стекло. И он выкрикивает в открывшийся проем, едва не теряя сознание от боли в груди:

— Ее!!! Доставайте ее! Срочно!

Ему кивают. Машина начинает качаться и вскоре опрокидывается обратно, на четыре колеса. Ник, как бесчувственная кукла, болтается в кресле, пристегнутая ремнями. Кайл снова отключается.

Вой сирены. Шум голосов. Но все перекрывает стрекот «вертушки». Кайл с трудом открывает глаза. Хорошо, хоть кровь больше не льется. Над ним — лицо Макса.

— Кайл! Очнулся, хорошо. Не волнуйся, все будет в порядке. Уже летим в больницу.

У него голова кружится. Или... это его везут куда-то.

— Где Николь?!

— Она там, — дергает головой Мак-Коски.

— Как... она? — липкий тошнотворный ужас никуда не делся, не отпускал его, и тут же вернулся, мешая говорить, парализуя сознание, и он может только смотреть на Макса полными страха глазами.

— Она жива, — поспешил успокоить его шеф.

Жива... жива... жива... Это билось в голове, заставляя ужас отступать и давая возможность дышать, думать. Но все-таки — этого было недостаточно.

— Она... сильно пострадала?

Макс на секунду отводит глаза. Потом отвечает:

— Я не знаю, Кайл.

— Макс!?

— Я действительно не знаю точно. Вот прилетим в больницу...

— Макс... — хрипит Кайл.

— Все будет хорошо... — успокаивающе бормочет Мак-Коски.

Кайл хочет возразить, но его уже грузят в вертолет, Макс куда-то исчезает. А он сам снова теряет сознание.

— Кайл, тебе надо лежать! У тебя ребро сломано.

— Ерунда.

— Не ерунда! Если ты хочешь через две недели выйти на трассу ралли Франции, ты должен соблюдать рекомендации врачей.

— К черту врачей! — он садится на кровати. — Я нормально себя чувствую.

— Тебе просто всадили убойную дозу обезболивающего!

— Тем лучше. Что с Ник, Макс?

— Она в реанимации.

У Кайла вырывается стон ужаса.

— Реанимация?! Что с ней?

— Сломана ключица. Многочисленные гематомы. Но внутренних кровотечений нет — анализы и УЗИ подтверждают...

Мак-Коски замолкает.

— Макс... — предупреждающе произносит Кайл, — главное говори!!!

Сэр Макс вздыхает.

— Она без сознания, Кайл. До сих пор. Уже почти шесть часов прошло, но она так и не пришла в себя...

Падрон обессилено падает обратно на подушки и, закрыв лицо руками, стонет в ладони.

— Кайл, послушай, — Макс присаживается рядом, — рано паниковать. Врачи говорят — такое бывает при сотрясении мозга

даже средней степени. Особенно, если оно предварялось сильным стрессом или нервным переутомлением...

Кайл отнимает от лица руки.

— Стрессом? Переутомлением? О, да! — с его губ срывается горький нервный смешок. — Это все я ей обеспечивал... и не один месяц... и в полном объеме!

— Кайл! Ну, какого черта! Не вини себя! Ты не виноват.

— Да?! А кто виноват? Это не я ее третировал все эти месяцы? Или, может быть, не я сегодня был за рулем?! Не я разбил машину, из-за чего Ник теперь в реанимации?! Не я ошибся в этом чертовом повороте?!

— Кайл... ошибиться может каждый... У любого есть право на ошибку!

— Я! НЕ! ИМЕЛ! ПРАВА! ОШИБАТЬСЯ! — он орет так, что Мак-Коски вздрагивает. Впрочем, на Кайла это действует отрезвляюще.

Он снова садится на постели, вынуждая Макса подняться.

— Помоги мне.

— Куда ты собрался?

— Помоги мне, — упрямо повторяет Кайл, спуская ноги с кровати. — Помоги мне встать.

— Ты уверен, что можешь идти?

— Не смогу идти — поползу!

— И куда? — Макс придерживает за локоть вставшего Кайла.

— Я должен ее увидеть, — отвечает он. — И... можешь меня уже не держать. На ногах стою. Справлюсь. Пойдем.

— Куда?

— В реанимацию.

— Тебя не пустят, — делает последнюю попытку отговорить Кайла Макс.

— Пусть попробуют, — отвечает Падрон. Мак-Коски знает этот тон, спорить с Кайлом сейчас бесполезно.

А вот дежурящий в реанимации врач Кайла не знал и попытался его остановить.

— Туда нельзя!

— Мне нужно.

— Молодой человек, — доктор терпелив, но неумолим, — это вам не обычная палата, а реанимация! И сейчас уже поздний вечер. Вашей девушке нужен покой. Приходите завтра, там видно будет.

— Мне нужно...

— Это невозможно!

— ... сейчас ...

— Нет!

— ... ее видеть!

— Я вам сказал — нет!

— Я прошу вас, — тихо вмешивается в разговор сэр Макс. — Вы знаете, кто он?

— Какая разница!? Послушайте, с вашей девушкой все будет в порядке, а вам лучше сейчас уйти, — дежурный врач уже начинает злиться.

— Она не моя девушка! Она мой штурман, черт побери!!! А я ее пилот! И это из-за меня она сейчас там! Неужели вы не понимаете?! Мне нужно ее увидеть!!!

Врач молчит. И потом, нехотя:

— Пять минут у вас.

Кайл кивает.

— Спасибо.

А внутри палаты у него чуть не подгибаются колени — Макс подхватывает его.

Все ее лицо в кровоподтеках — следствия удара изнутри о шлем. В широком вырезе больничной рубашки видны бинты наложенной на плечи повязки. Из тонкой руки торчит игла, змеится шнур капельницы. Но хуже всего — видная даже под ссадинами и кровоподтеками бледность. И закрытые глаза. И неподвижность.

Он не должен плакать, по крайней мере — не сейчас. Но... как же он... что же он наделал?! Черт! Черт! Черт!!!

— Тихо-тихо, — успокаивающе бормочет сэр Макс. — Кайл, ну что ты, в самом деле? Еще рано впадать в панику.

— И в самом деле, — произносит за их спиной негромкий голос.

Оборачиваются. Здоровенный рыжий бородач в белом халате.

— Джаред Хитчер, — озвучивает он то, что Кайл в это же время читает на бейдже. — Лечащий врач мисс Хант. И ваш, мистер Падрон, тоже. Только вот вы, в отличие от мисс Хант, совершенно не выполняете мои рекомендации.

— Не имел чести с ними ознакомиться!

— Так давайте это исправим, — мгновенно реагирует доктор Хитчер. — Пройдемте в вашу палату и...

— К черту мою палату! Простите, доктор, — спохватывается Кайл. — Я просто... Что с Ник?

Хитчер какое-то время оценивающе смотрит на Падрона и затем, приняв решение, все-таки отвечает. Сухо, констатируя лишь факты:

— Закрытый перелом ключицы со смещением, справа. Произведена репозиция, наложена фиксирующая повязка. Произведено ультразвуковое исследование органов брюшной полости. Признаков кровотечения не выявлено. Гематомы обработаны. Собственно, все это я уже изложил мистеру Мак-Коски.

— Понял, спасибо, — быстро отвечает Кайл. — А что с... когда она придет в себя?

— Мистер Падрон, вы задали вопрос, на который у меня нет ответа.

— То есть как?! Вы вообще ничего не знаете? — Кайл потрясен.

Доктор вздыхает.

— Пока мы диагностируем у мисс Хант сотрясение мозга средней степени тяжести. Состояние ее стабильное. Завтра утром сделаем томограмму и еще ряд обследований. Будем смотреть...

— А если она так и не придет в себя?

— Значит, это тяжелая степень. Не исключен ушиб мозга. Утром будет видно. Надо дать организму мисс Хант шанс восстановиться самому.

— А если нет?

— Состояние мисс Хант будет расцениваться как травматическая кома, и мы будем предпринимать соответствующие меры.

Макс успевает подхватить покачнувшегося Кайла. Кома?!

— Так, мистер Падрон! Вы тоже отнюдь не в лучшей форме. Давайте, мы с мистером Мак-Коски проводим вас в вашу палату. Вам нужно отдохнуть.

Кайл принимает решение. Мгновенно и безоговорочно. Сомнений нет.

— Я останусь здесь.

— Как? — изумление доктора неподдельно. Он повидал многое, но этот красавец-гонщик с разбитым лицом умудрился его удивить.

— Я останусь здесь, — упрямо повторяет Кайл.

— Нет. Невозможно.

Кайл собирается засунуть руки глубже в карманы штанов — привычка, которую он подцепил от Николь — та тоже всегда засовывала руки в карманы, когда нервничала. И в этот момент сознает — на нем больничная пижама, и карманов в штанах попросту нет.

— Я останусь здесь и точка.

— Мистер Падрон... Кайл, — доктор Хитчер включает все свои увещательные интонации на полную катушку. — Никому не станет от этого лучше. Вам нужно отдохнуть, у вас весьма серьезные травмы. Мисс Хант не будет ни горячо, ни холодно от вашего присутствия. За ней круглосуточный присмотр, врач будет дежурить всю ночь, если вы из-за этого переживаете. Так что... — протягивает руку, — пойдемте.

Кайл отрицательно качает головой.

— Или я останусь здесь. Или вы будет вытаскивать меня отсюда силой. Я вряд ли смогу оказать достойное сопротивление... Но буду цепляться за мебель. Лягаться и кусаться, — Кайл смотрит в широко распахнутые от удивления глаза доктора Хитчера. — Давайте не будем до этого доводить. Мне НУЖНО здесь быть. Я просто... просто посижу здесь. Тихо. Правда.

Мак-Коски легко прикасается к руке Хитчера.

— Позвольте ему, доктор. Пожалуйста...

— Вы сумасшедшие! Оба! — не выдерживает Хитчер. — Черт с вами, оставайтесь, если вам плевать на собственное здоровье. Но учтите — за вами будут наблюдать, — он кивает в сторону стены палаты, которая от потолка до половины представляет собой прозрачное стекло.

— Пусть смотрят, — грустно усмехается Кайл. — Голым танцевать не буду.

— Надеюсь. Но ампулу с успокоительным на всякий случай дежурному оставляю, — врач кивает Мак-Коски: — Пойдемте.

После того, как закрывается дверь, и Кайл остается с Ник наедине, у него хватает сил только на то, чтобы сделать пару шагов. И упасть на колени рядом с кроватью.

Он едва касается макушкой матраса высокой реанимационной кровати. Поднимает руку и тихонько гладит ее холодные пальцы, лежащие на простыне. И слезы наконец-то прорываются, горячо, обильно, неудержимо. Настоящие мужчины не плачут. Только вот кто бы сказал, как поступают настоящие мужчины перед перспективой потерять нечто очень-очень дорогое? Если этот самый настоящий мужчина сам, собственными руками сотворил такое, из-за чего рискует потерять близкого человека, без которого, как выясняется, дальнейшая жизнь представляется унылой, бессмысленной и нелепой?

В груди нещадно саднит, и не в сломанном ребре дело. Он чуть сжимает ее пальцы. Никакого движения в ответ. Прости меня, Ник, ох, прости, пожалуйста... Что же я наделал?!

В эту ночь в одной из палат реанимации окружной больницы Брисбена были слышны слова на разных языках. На английском шептали просьбы о прощении и имя — Николь, Ник, Ники. На итальянском тихо произносились слова католической молитвы. На шведском, но так же тихо — слова протестантской молитвы, которую тайком ото всех его заставила выучить мать.

Он вспомнил все молитвы, что вбивали в него в детстве. И когда они заканчивались, он просто шептал: «Пожалуйста, Господи. Пожалуйста. Ничего больше не попрошу».

Часам к двум ночи он все-таки заснул, а точнее — впал в забытие, все так же стоя на коленях возле ее кровати, не отпуская ее руки. И ее тонкие бледные пальцы самыми кончиками касались темных волос.

Ближе к середине ночи у дежурного врача лопнуло терпение. Находящейся в реанимации девушке вреда от такого не совсем адекватного «гостя» никакого. Но вот сам «гость», пострадавший в этой же самой аварии, в результате таких ночных «бдений» вполне может усугубить свое и без того неблагоприятное состояние.

Врач разбудил Кайла, практически за шиворот поднял с пола и усадил в подготовленное заранее кресло-каталку. Так определенно лучше, чем на полу. Еще бы лучше отвезти его в палату. Но задача была из разряда невыполнимых, решил дежурный, глядя как мужчина, уже сидя в кресле, снова схватился за руку лежащей на кровати девушки, мрачно глядя на доктора.

— Доброй ночи, — пробормотал врач, закрывая за собой дверь. Филиал сумасшедшего дома, а не реанимационное отделение, честное слово.

Разбудил Кайла звонок мобильного и голос Макса.

— Эт, пока без изменений, да. Состояние стабильное. Да не дергайся ты! Как только будут какие-то новости, я сразу... Да, обязательно, конечно. Держись там, Этьен. Да погоди ты с аэропортом!..

Кайл с трудом разлепил глаза. Голова раскалывалась так, как никогда до этого раньше. Боль с похмелья по сравнению с тем, как рвалось сейчас внутри черепной коробки — просто пустяк. А еще очень даже ощутимо ныло сломанное ребро.

— Ты все-таки идиот, Падрон, — вместо приветствия говорит ему Макс. — Идиот, каких свет не видывал! Спать в кресле со сломанными ребрами — это ты сам себя переплюнул в идиотском геройстве...

— Лавинь? — игнорируя его упреки и указывая глазами на телефон в руке шефа, спрашивает Кайл.

— Да, — морщится Мак-Коски. — Раз пятидесятый уже. А мне ему сказать нечего... Сейчас вот Ник привезут, может, новости будут.

Привезут? Кайл охает, оборачивается. Кровать пуста.

— ГДЕ ОНА?!?

— Да не ори так! Ник увезли на обследование.

— Она?..

— Нет, — качает головой сэр Макс, — Ники не пришла в себя.

Кайл начинает потихоньку растирать ноющие ребра, бормочет под нос:

— Так, надо как-то встать...

— Давай помогу, — предлагает Мак-Коски, и в этот момент дверь распаивается. Хитчер придерживает открытую дверь, в которую заезжает каталка. На ней Ник. Полусидит. Глаза открыты, в них удивление при виде находящихся в палате Кайла и Мак-Коски.

Она пришла в себя!!!

— Кайл? Сэр Макс? — произносит Ник вопросительно. Голос ее хриплый и тихий. — Что вы здесь делаете?

— В гости пришли, — бормочет Кайл, пытаюсь проглотить ком в горле от затопившего его почти обморочного чувства радости. Она пришла в себя! Ник очнулась! Кажется, на глаза опять набегают слезы. Черт, да сколько-можно-то?! — Макс, помоги мне встать!

Мак-Коски подает руку, с его помощью Кайл встает, одновременно пытаюсь незаметно, как ему самому кажется, вытереть слезы. На ногах он стоит исключительно на морально-волевых — слабость страшная, ребра болят, голова раскалывается, в спине что-то горит и жжет от долгого сидения в одной позе... В общем, надо крепко подумать, чтобы сказать — что у него НЕ болит.

— Давно здесь? — Ник задает слишком много вопросов для человека, которые совсем недавно пришел в себя.

— Только что зашли, — Кайл бросает предостерегающий взгляд на Хитчера, убеждая того молчать о событиях вчерашнего вечера. — Я не знал, что ты уже... проснулась. Я очень... рад.

— Поцелуй томографа разбудит любую принцессу, — усмехается Ник.

— Что, прямо там?

— Мисс Хант пришла в себя в камере томографа, — вмешивается в разговор доктор Хитчер. — Перепугала персонал до полусмерти.

— Я сама перепугалась, — ворчит Ник.

— Снимок сделать успели, что характерно, — говорит Хитчер, закатывая кровать на место.

— И что там, на снимке? — у Кайла некстати просыпается паранойя.

— Вообще-то, это касается состояния здоровья мисс Хант, а не вашего, — парирует док.

— Снимок показал, что мозг у меня есть, — усмехается Ник.

— Прекрасно, — бормочет Кайл, — а то я сомневался.

Джаред Хитчер может лишь удивленно покачать головой. Неужели этот же самый человек вчера, вот в этой самой палате, умирал от страха за жизнь девушки, над которой сейчас подшучивает? Да еще и теперь старательно скрывает тот факт, что провел ночь у ее кровати, как сторожевой пес. Странные они, ей-Богу! И, в подтверждение его мыслей:

— Кайл?

— Что?

— У меня такая же страшная и помятая физиономия, как у тебя? Или я выгляжу лучше?

— Хм... Не знаю, Ник. Я, если честно, в зеркало еще не смотрелся.

— Вы оба... красавцы! — подает голос сэр Макс. У него тоже повлажневшие глаза. — Друг друга стойте! Ник, я... я так рад, что ты пришла в себя. Мы пока оставим тебя. Пойдем, Кайл. Тебе уже пора, наконец-то, в свою палату.

— Да-да! — поспешно поддерживает Мак-Коски доктор Хитчер. — Я сейчас осмотрю мисс Хант и приду к вам, мистер Падрон. Как бы ваше состояние не ухудшилось в силу... хм... некоторых обстоятельств.

Кайл бросает на Ник прощальный взгляд. Она смотрит ему в глаза и даже слегка улыбается — что может быть прекрасней?

— Пока, штурман. Увидимся.

— Пока.

И когда он уже в дверях, Ник добавляет:

— Отличная пижама, Кайл. Сиреневый тебе определенно идет.

Глава 16. Страсбург. Эльзас. Ралли Франции

«Не знаю, удивлю я вас или нет, но хороший штурман значительно успешнее заменяет пилота, тогда как самые выдающиеся пилоты, садясь на правое сиденье, зачастую выходят оттуда в холодном поту, с полными ужаса глазами, держа стенограмму вверх ногами, открытую не на том СУ...»

Статья «Штурман» с сайта eulex.ru.

Paris, Rue Lord Byron.

— А вот тут вторая спальня, она больше, и ванная при ней просторнее.

— Спасибо...

— Этаж последний, но ты же видела — лифт есть. Зато вид из спальни — на парижские крыши. А из гостиной отлично видно базилику Святого Сердца.

— Сэр Макс... — Ник невольно улыбается, — вам бы квартиры продавать. Все отлично, правда. Мне очень у вас нравится.

— Ну, — Мак-Коски смущен, — я хочу, чтобы тебе было удобно. В общем, располагайся. Мадам Прево будет приходить каждый день — готовить, убирать. И не спорь — тебе нельзя двигать руками!

— Ну, не сидеть же мне целый день как статуе!

— Гуляй, — пожимает плечами Мак-Коски. — Центр Парижа, есть что посмотреть.

— Я бы предпочла центр Страсбурга, знаете ли...

— Знаю, — сэр Макс понимающе улыбается, — но пока твоя задача, Николь — четко выполнять все рекомендации врачей. У тебя чуть больше трех недель на то, чтобы полностью поправиться. Я очень рассчитываю, что в Испании ты будешь с нами.

— Обязательно! — энергично кивает Ник.

— Тогда — отдыхай.

Легко сказать — отдыхай... За три дня Ник обошла все прилегающие кварталы, изучила ассортимент кофе и выпечки во всех близлежащих кофейнях. Тоска... Исходное положение — руки на

талии, всех дел — пить таблетки и сходить с ума от безделья. Да еще отбиваться от мадам Прево и ее попыток накормить Николь.

Безделье провоцирует на размышления. Ей хотелось ломать голову над стенограммой, а вместо этого лезли совершенно другие мысли и воспоминания. О том, как круто изменилась ее жизнь в этом году. Сначала — безудержная радость от сделанного ей предложения работать в «Мак-Коски». Потом — то, о чем стоило бы забыть, да только никак не получалось. Несколько месяцев кошмара, унижений, борьбы за выживание, когда ей хотелось временами просто закрыть лицо руками и не видеть ничего вокруг, ибо ничего хорошего там не было. И как все резко изменилось, практически мгновенно. И как она не верила, долго не верила в его искренность, пока он действительно не извинился на том совещании, наплевав на свою гордость. И все то, что началось потом — их с Кайлом совместная работа, и как его стало сразу много в ее жизни, буквально везде, никуда без него. И его внимательность ко всем ее словами, и их победа в Финляндии, совершенно особая — не его, а именно их. И эта авария, и то, как он переживал, и его попытки извиниться... Она нужна Кайлу, и он это очень наглядно демонстрирует. Ник должна радоваться, должна. Но ей парадоксально грустно от того, что он ее так ценит. Потому что это значит — он видит в ней прежде всего штурмана. Только штурмана. Черт, ей надо занять голову чем-то другим! Ну почему же нельзя заняться тем, что ей нравится?!

Контрольный рентген ей сделали еще в Австралии, прежде чем выписать из больницы. Смещения нет, кости встали нормально, начали срастаться. Теперь надо только время и терпение. А вот терпение никогда не было ее главной добродетелью. Ну как усидеть на месте, когда все ее мысли были там, в Эльзасе, с ними, ее коллегами и товарищами по команде?! И с ним, ее пилотом. Как он там?..

Кайл думал. Не то, чтобы это было ему непривычно, но сейчас приходилось думать много и о разном.

Мысли привычно крутились вокруг предстоящей гонки. Финальные асфальтовые этапы, его любимые. У него был колоссальный опыт гоночного вождения, и это быстрое покрытие ему было только на руку. Во Франции и Испании он всегда успешно выступал. Вот только теперь...

Мысли перескочили к Себастьяну Мишо, его штурману на этот этап. Он очень надеялся, что только на этот этап. И что к Испании в

кресле справа он увидит Николь. Потому что Себастьян — это совсем не то, что ему нужно. Ему нужна Николь. Как она там?..

Кайл тряхнул головой, отгоняя мысли. Она должна отдыхать и поправляться. А он справится как-нибудь один раз без нее. Он устало потер глаза. А потом — потер еще раз, потому что ему показалось...

Спиной к бьющему в лицо солнцу, в паре метров от себя он увидел силуэт, которого тут просто не должно было быть!

— Ну и как это понимать? — Кайл стоял перед Ник, все еще не веря своим глазам.

— И тебе здравствуй, милый, — насмешливо отвечает Ник. — Скучал?

— Да! — ляпнул, не подумав. Спыхватился и продолжил грозно: — Какого черта ты здесь делаешь?

— Приехала.

— Сама?! — от его вопля с деревца неподалеку вспорхнула парочка птиц.

— Ой, как громко... — поморщилась Ник. — Нет, конечно. Меня привезли.

— Кто!? Убью заразу!

— На его счастье, он уже уехал, — Николь улыбается. — Просто такси.

— Какое, к черту, такси?!

— Очень комфортное и удобное.

Кайл демонстративно очень громко вздыхает.

— Ты по-другому не можешь, да?

— Что в этом такого? Не все ли равно, где сидеть на пятой точке — здесь или в Париже?

— Что-то я не наблюдаю с твоей стороны намерения сидеть...

— Кайл, я просто побуду здесь, посмотрю. Может быть, помогу Себу...

Падрон фыркает.

— Вот с этого и надо было начинать! Вряд ли Себастьяна будет счастлив, если ты станешь лезть к нему.

— А почему нет? Одна голова хорошо, а две лучше.

Кайл неверяще качает головой.

— Я тебе удивляюсь! Вот ты бы позволила кому-то пытаться вмешиваться в процесс составления стенограммы?

— Гхм... — Ник хмурится. — Наверное, нет.

— Вот видишь! Прошу тебя, не лезь к Себастьяну.

— Это что такое: «двести левый четыре полная ж*па уьемся на хрен триста»?!

— Дословно записано за Кайлом!

— Себ, да мало ли что он сказал? Ты его больше слушай! Надо по-другому...

— Так, стоп! Я не понял, что значит — «Мало ли что он сказал»? — у Мишо уже глаза перестали распахиваться от удивления и застыли в одном, максимально открытом положении. — Едет-то Кайл...

— Кайл поедет так, как ты ему скажешь... Так, а вот тут ты зачем написал «срезка»?

— Ну, здесь можно поворот срезать.

— Срезка — это упрощение поворота. Если будет возможно, Кайл срежет сам, — безапелляционно заявляет Ник. — А вот организаторы вполне могут в ночь перед стартом туда старых покрышек накидать. Или даже бетонных блоков.

— Да быть не может!

— Может, — неохотно поддерживает Николь Кайл. — Было такое в прошлом году в Аргентине.

— Черт... — морщится Себастьян. Ему не очень нравится, что его поймали на просчете, но безопасность прежде всего. — Ладно, исправлю.

— Так... — Ник листает тетрадь, — а почему спецучастки не по порядку?

— Мне так удобнее, — огрызается Мишо.

— Лучше от первого до последнего!

— Не обязательно!

— Ники, — вмешивается Кайл в начинающую ощутимо накаляться дискуссию, — тебе нужно отдохнуть.

— Мы еще не закончили!

— А я говорю, что тебе нужно отдохнуть!

— А я говорю, что...

— А я сейчас позову дядю Джулиана! И он тебе укол в попу поставит! И еще к кровати привяжет!

— Хорошо бы... — вполголоса бормочет Себастьян.

Ник корчит недовольную гримасу, но все-таки собирается на выход.

— Я зайду к тебе позже, — бросает ей Кайл на прощание.

— Дьявол, как ты ее терпишь?! — вырывается у Мишо, едва за Ник закрывается дверь.

Кайл пожимает плечами.

— Не знаю. Наверное, дело в том, что я — святой.

— Что-то я не помню, чтобы святым полагались хвост и рога, — ухмыляется Себ.

— А что сразу — хвост и рога? Ты злопамятен, Себастьян. Все никак не можешь мне простить прошлогоднюю Швецию?

— У меня была температура! — возмущается Мишо.

— А у меня была гонка, — парирует Кайл. — Не умер же?

Пока Себастьян, недовольно продолжая ворчать под нос, чиркает что-то в стенограмме, Кайл размышляет. Вот Ник бы вышла на старт с температурой без малейших возражений. Более того, огрызалась бы на всякого, кто попытался не допустить ее до гонки. Потому что это — Николь. Упертый профессионал, болеющий за свое дело. Такая же, как он сам.

— Ник, тебя Джулиан осмотрел?

— Осмотрел. И даже потрогал. Ты ж ему наябедничал.

— Не наябедничал, а просто...

— Что — «просто»?

— Кто-то же должен присматривать за тобой и твоим здоровьем.

— «Кто-то» — это ты, что ли? Ты очень своеобразно это делаешь, — Ник сказала это раньше, чем поняла, что ИМЕННО сказала. Но сказанного не воротишь...

Кайл вздрогнул, побледнел.

— Николь, прости меня. Я бесконечно виноват перед тобой. Чуть было не...

— Нет, это ты меня извини! — Ник поспешно схватила его за руку. — Я не то имела в виду! Я просто... Я не виню тебя, Кайл.

— Но я виноват! Я подверг твою жизнь опасности. Черт, все могло закончиться очень плохо. Прости меня!

— Кайл! — Ник внимательно смотрит на своего пилота. Вина и раскаяние — совершенно неожиданное сочетание для этого красивого и надменного лица. Неожиданное и непривычное. — Ты что, специально машину разбил?

— Нет. Но я не должен был ошибаться. Не имел права.

— Все могут ошибиться.

— Я не имею права ошибаться! На кону жизнь...

— Кайл, перестань! — Ник не нравится виноватый Кайл. Поначалу ей было приятно его беспокойство и раскаяние, но сколько можно пилить и изводить себя?! — Это автогонки, а не Диснейленд! Риск — часть нашей работы.

— И все же...

— Кайл, я тебя прошу! Все живы и почти здоровы! — она крепко сжимает его руку. — Давай закроем эту тему, а?

— Хорошо, — вздыхает Кайл, — я попробую. Но все-таки...

— Слушай, перестань, пожалуйста! Уверяю тебе, мне не судьба погибнуть в автомобильной аварии!

— Откуда такая уверенность?

— Уже вторая попытка провалилась, — грустно усмехается Ник. — Если даже у такого профессионала, как ты, не получилось...

— Что ты имеешь в виду? — у Кайла откровенно ошарашенный вид.

— Да ничего особенного, — Ник уже сожалеет о сказанном. — Мои родители умерли, когда мне был год. В автомобильной аварии... Мы все втроем были в одной машине. Они погибли, а мне хоть бы что, как видишь...

— Бог мой, Ник... Я не знал, — потрясенно шепчет он. Крепко сжимает в ответ ее руку, повторяет в который раз: — Прости меня.

— Да ничего страшного. Это было давно, и уже не имеет никакого значения.

Кайл так не считает, но благоразумно молчит. Рук размыкать не хочется.

Первый день экипаж Падрон-Мишо закончил на четвертом месте. Кайл был относительно доволен. Первое место, безусловно, лучше, но он подсознательно не ждал чудес от Себастьяна. Четвертое с ним — уже достижение. Тем более — машина бежала весьма неплохо, двигатель работал идеально. Результативный этап — что может быть лучше в такой ситуации, когда он выступает с временным штурманом.

Однако им не светило и четвертое место. Второй день и прокол колеса. Откатились на две позиции назад. По итогам второго дня — шестое место.

На третий день они просто встали. Потому что, как значилось потом в официальном пресс-релизе команды: «На машине Падрона обнаружились проблемы с системой охлаждения, что привело к перегреву и остановке двигателя».

А в итоге после ралли Франции Падрон и Уолберг практически сравнялись по набранным очкам. В то время как Кайл на двух последних этапах не набрал ни одного призового очка, Мэтью выступал крайне удачно — первый в Австралии, второй во Франции.

Кайл был мрачен как осенняя туча. Ник металась по капитанскому мостику, сама не своя от волнения. Известие о том, что двигатель на машине Кайла заклинило из-за перегрева, Ник встретила такими словами, что некстати снявший наушники Эзекиль поторопился их снова надеть.

Неудача. Самая крупная за весь сезон, не считая аварии.

Фортуна отворачивается от них, когда они не вместе.

За два этапа до завершения раллийного сезона борьба за чемпионский титул началась с чистого листа. Всего лишь два этапа на то, чтобы выяснить, кто сильнее.

Кайл верил в себя. Верил как никогда. Ни страха, ни волнения. Он сможет, у него получится. Никогда он не был так близко к вождьленному титулу. Главное, чтобы Ник была с ним. С ней у него получится все.

Глава 17. Таррагона. Салу. Ралли Испании

«Штурман — это „компьютер“, мозг экипажа, тактик и стратег гонки. От его квалификации, быстроты принимаемых решений, умения управлять информацией зависит куда больше, чем от мелких ошибок в пилотировании. Он не должен ошибаться — не имеет права»

Статья «Штурман» с сайта eulex.ru.

— Ник, ты себя нормально чувствуешь?

— Тебе не надоело спрашивать?!

— Так трудно ответить?

— Во-первых, меня допустила до гонки медицинская комиссия, — Ник демонстративно загибает пальцы. — Во-вторых, если ты не доверяешь комиссии, меня осмотрел Джул и остался удовлетворен моим состоянием. И, наконец, в-третьих! Я тебе уже двадцать раз сказала, что со мной все в порядке!

— Так уж и двадцать... — огрызается Кайл.

— Если не тридцать!

Команда встретила Ник аплодисментами. Хотя вины Себастьяна и не было в том, что они неудачно выступили во Франции, но именно Ники все воспринимали как символ победы. Если Ник с Кайлом, значит, все будет в порядке. Такое внимание было чертовски приятным, что уж там скрывать. Если бы еще Кайл не приставал с вопросами о самочувствии.

— Ну что, готов вдавить педаль в пол?

— А чего не быть готовым? — усмехается Кайл. — Асфальт быстрый, трасса широкая. Лучше меня в Испании не выступает никто. Два последних года я тут побеждал, если ты не в курсе...

Ник усмехается в ответ.

— Откуда ж мне знать... Ну, раз ты утверждаешь... Показывай, на что ты годен.

— Держись крепче!

Традиционное рукопожатие пилота и штурмана — на удачу. На руки перчатки, на голову — подшлемники и шлемы, застегнуть ремни. И — педаль в пол под рев двигателя и визг шин.

— Что это было?

— Что?

— Вот это?.. — Ник резко сдергивает шлем с головы. — Как это называется?!

— Я не понимаю, о чем ты... — Кайл раздраженно щелкает застежками ремня.

— Какого черта мы так ехали?! — Ник повышает голос.

— Нормально мы ехали.

— Падрон!!! Мне только не заливай! Ты перетормаживал почти в каждом повороте! На прямых мы не ехали выше пятой передачи! По пальцам можно пересчитать, сколько раз задний мост сносило! Это, по-твоему, нормальное пилотирование!?

— Ну, извини! Как мог — так и ехал! — Кайл выскакивает из машины, с грохотом хлопая дверью. Как в старые добрые времена.

— Кайл!

— Извини, Ник, — он не дает ей возможности пройти в номер. — Я устал.

— Нам надо поговорить!

— Я тебе все сказал! Не вижу тем для диспута. Все идет как обычно. А сейчас извини — я устал!

Перед носом донельзя изумленной Ник захлопывается дверь. Кто ей объяснит, какого черта происходит?!

По другую сторону Кайл устало привалился к двери. Он был невежлив и груб? Безусловно! Но не мог по-другому. Не мог он сейчас обсуждать с Ник то, что и сам толком не понимал. Хотя... кого он обманывает? Все предельно ясно и понятно. Просто он оказался не готов.

Не готов к тому страху, который навалился на него буквально на первом же спецучастке. Он с трудом удерживался от желания повернуть голову вправо и посмотреть. Чтобы убедиться — там, в кресле, живая и невредимая Ник, а не та, которую он увидел после аварии — бесчувственная кукла с опущенной на грудь головой. А отвлекаться от дороги нельзя — ни на одну десятую секунды! И он мучился — боялся, терзался своим страхом, и это несмотря на то, что постоянно слышал ее голос.

Все равно, в голову непрошено лезли картинки — вот она болтается в кресле, когда машину переворачивают... вот она бледная, вся в синяках и кровоподтеках, без сознания, в палате реанимации в Брисбене... и он сам, погибающий от ужаса из-за того, ЧТО он натворил... Нет, он не переживет повторения такого, той ночи, когда он думал, что может потерять ее.

И сейчас этот страх сковывал его, не давал ехать так, как надо было. Ник права, он ехал позорно, и их девятое место, и проигрыш в без малого шесть минут — тому очевидное подтверждение. А Уолберг, между прочим, лидирует!

Кайл вздохнул и поплелся к кровати. Без сил рухнул на нее и невидяще уставился в потолок. А ведь завтра он поедет так же — не сможет по-другому. Четко понимая при этом, что сам, собственными руками отдает свой чемпионский титул сопернику. А что делать? Выбора у него нет. Он не может рисковать Ник. А чемпионский титул... Не было у него его — проживет и дальше как-нибудь...

Видимо, судьба такая у Пиренейского полуострова — быть свидетелем «шпионских» разговоров между штурманом и гоночным инженером великого Падрона. Полгода назад, в баре на окраине Виламуры они обсуждали нюансы езды Кайла по гравию. Сейчас, в баре недалеко от центра Салу они снова встретились, чтобы обсудить то, как прошел первый день ралли Испании. Встретились по настоянию Ник. И если тогда, полгода назад, у нее были хоть какие-то идеи, то сейчас в голове царил полнейший сумбур.

— Зеки, что с Кайлом? — Ник не стала усложнять разговор предисловиями. Все слишком серьезно!

— А что с Кайлом?

— Зеки! Прекрати! — Николь и так уже вся на взводе, и игра с Кампосом в «молчанку» в ее планы определенно не входит. — Ты же не станешь утверждать, что Кайл сегодня ехал НОРМАЛЬНО?

— Ну... — вздыхает Эзекиль, — он сегодня показал не самый свой лучший результат.

— Спасибо, Капитан Очевидность! — фыркает Ник. — Он тащился, как улитка! Такое впечатление, что Кайл на завтрак выпил стакан тормозной жидкости!

Кампос в ответ смущено сопит.

— Зеки, если кто и знает, в чем дело, то только ты! Ты ж его гоночный инженер! Вы вместе уже лет пять, если не больше!

Эзекиль отводит глаза.

— Зеки!!!

— Не ори... — морщится Кампос. Достает портсигар, закуривает темно-коричневую сигариллу. — Ты же должна понимать...

— Я ни черта не понимаю! Если бы понимала, то не стала тебя спрашивать! Говори быстро, в чем дело?!

Эзекиль нервно прокашливается, но продолжает молчать. Курит и молчит.

— Зеки... — Ник говорит обманчиво ласковым голосом, — если ты сейчас... сию же минуту... не выложишь мне все, что знаешь... я засуну эту тлеющую штукину тебе в нос! Или воткну в лоб!

— Гхм... тут такое дело, Ник... — Кампос смущенно трет лоб, как будто опасаясь, что она действительно выполнит свою угрозу. — Кайл меня убьет, если узнает...

— Или тебя убью я! Выбирай.

— Офигенный выбор... — дальше следует что-то неразборчивое на испанском. — Ник, пообещай мне, что не скажешь ему, что ты знаешь!

— Знаю что?! — у Ник лопаются терпение. — Зеки, прекрати эти загадки! Говори толком, что с Кайлом? Отчего он такой?

Кампос резко выдыхает дым.

— Кайл боится.

— Чего? — Ник ошарашена. — Зеки, о чем ты? Он никогда и ничего не боится! Это же Падрон!

— Он боится за тебя.

Николь демонстративно закатывает глаза.

— Он и тебя своей паранойей заразил? Послушай, Зеки, право слово, это смешно...

— Это не смешно! — Эзекиль резко перегибается через стол, приближая свое лицо к лицу Ник. — Это совсем не смешно!

— О чем ты? Со мной все в порядке! Кайла в аварии я не виню. Это ралли и бывает всякое...

— Проблема в том, Ник, что, похоже, Кайл винит себя сам, — грустно усмехается Кампос, снова откинувшись на стуле.

— Это абсурдно! Ерунда какая-то! Зеки, не может быть, чтобы из-за этого!

— Ты не видела его тогда... в ту ночь, когда ты... когда мы не знали... — Эзекиль махнул рукой, демонстрируя нежелание вспоминать об этом.

— А вот с этого места — поподробнее!

Гоночный инженер и штурман мрачно и напряженно смотрят друг другу в глаза. Потом Кампос сдается.

— Он всю ночь в реанимации провел, рядом с тобой. Сидел на полу, рядом с кроватью, за руку держал.

Ник молчит в потрясении, прижав пальцы к губам. Потом отрицательно качает головой.

— Не верю.

— Я видел сам, — тихо отвечает Кампос. — Я тоже за вами вслед в Брисбен приехал, утром заходил в больницу тебя и Кайла провести, узнать, как дела. В палату меня не пустили, конечно, но там стена стеклянная, если помнишь. Кайл спал в кресле рядом, держал тебя за руку. Дежурный врач мне сказал, что он полночи на коленях простоял перед твоей кроватью. И его только под утро в кресло перетащили. Вот скажи мне, какой смысл был врачу это сочинять?

Действительно, незачем неизвестному врачу это сочинять. Но и во всей этой истории никакой логики тоже нет. Кайл разбивался раньше, с чего он так реагирует?

— Зеки, — жалобно произносит Ник. — Ну, зачем он так?

Кампос отвечает ей вздохом и грустным взглядом.

— А делать-то теперь что? — Ник в полнейшей растерянности. — Продуем ведь, как пить дать продуем!

— Ну и вопросыки у тебя, Ник, — невесело усмехается Эзекиль. — Я не знаю, что делать! Кайлу надо как-то вправить мозги. И я думаю, что если кто и сможет это сделать, то только ты. Поэтому и рассказал тебе, собственно. Несмотря на то, что Кайл меня пришибет за это.

Стук в дверь застал его на выходе из душа. Какого черта! Он устал, и ему нечего сказать в свое оправдание! Поэтому его ни для кого нет!

Однако стоящий за дверью определенно в это не верил. Барабанная дробь настойчиво повторялась. Вот значит как? Не хотим по-хорошему — будет по-плохому. Кайл потуже затянул полотенце на талии и отправился открывать дверь с твердым намерением хорошенько наорать на кого-то.

В пару секунд он успел вполголоса ругнуться, подхватить полотенце на всякий случай и охнуть оттого, что ему наступили на ногу.

— Гхм... вообще-то я тебя не приглашал войти, — заявил он, проходя следом за ней в номер.

— Shit happens без приглашения!

Кайл весьма натурально ойкнул — не привык, чтобы девушки так выражались.

— Ты грубиянка, Ник!

— А ты осел!

— Тааак! Попрошу на выход!

— И не подумаю! — Ник демонстративно засунула руки в карманы джинсов. — И пойдя уже оденься, разговор есть!

— И не подумаю! — он столь же демонстративно скрестил руки на груди. — Это мой номер, как хочу, так и хожу. Хоть голый. Тебя это беспокоит?

— Нет! Ты не в моем вкусе!

— О, да ты злопамятная! — ехидно протянул Кайл.

— Ты, как я погляжу, тоже об этом эпизоде помнишь!

Повисает неловкое молчание. Кайл кончиками пальцев сбивает капли воды с плеч и груди, Ник безуспешно пытается отвести взгляд от этого зрелища. Наконец ей это удается.

— Надо поговорить.

— Не о чем.

— Есть о чем! — она зла на себя, на свою реакцию на его полуобнаженное тело, и поэтому сознательно «накручивает» себя. — Если тебе плевать на собственное чемпионство, то мне — нет!

— Мне не плевать!

— В таком случае, какого черта ты ехал сегодня так, как будто у тебя в машине груз богемского хрусталя?!

— Я еду как умею! Я же не критикую твою манеру читать стенограмму!

— Да? А чем ты занимался несколько месяцев?

— Diablo, Ник, я же извинился!

— Ладно, ты прав! Не о том речь, проехали, — Ник начинает нервно ходить по номеру. — Речь о тебе. И о том, что ты какого-то черта боишься ехать в полный газ, так, как надо. Я думаю, ты боишься за меня. Но это неправильно. Так нельзя.

Кайлу стонать хочется. Он так стремился избежать этой дискуссии, у него нет ни сил, ни аргументов, чтобы ее продолжать. Единственный выход — разозлить Ник, переключить ее внимание на что-то другое.

— Знаешь, что? — он приваливается к стене, приняв максимально расслабленную и независимую позу, что непросто, когда на тебе из одежды — одно полотенце. — Ты супер-штурман, это так. Но ты ни черта не понимаешь в пилотировании! И если я говорю, что лучше ехать было невозможно...

— Это ты не понимаешь!!! — рывкнула Ник. В пару шагов она оказалась рядом, близко, уперла в стену ладони по бокам от его головы. В классической мизансцене они должны были бы поменяться местами — прижимающаяся к стене девушка и нависающий над ней мужчина. Но Ник по фигу, как они выглядят со стороны. Практически упершись в его лицо нос к носу, и не давая ему отвести взгляд, она яростно выпалила:

— Официально уведомляю тебя, Кайл! Если завтра ты будешь ехать так же, как и сегодня, и мы по-прежнему будем в итоговом протоколе в районе десятого места, я... — тут она шумно выдохнула, попутно наслаждаясь всеми оттенками изумления, плескавшимися в его взгляде. И совсем уж сердито закончила, окончательно войдя в роль: — Я уйду из команды! Завтра же! И никто, никто, даже сэр Макс не заставит меня остаться и выйти на старт на следующий день. Вот так вот! Я не езжу с лузерами, Падрон!

Ник отодвинулась назад на полшага. Он едва заметно качнулся за ней вслед. Николь пальчиком аккуратно подвинула отвисший подбородок Кайла вверх.

— Челюсть подбери! И, — один взгляд вниз, — полотенце тоже.

Она покинула поле битвы с гордо поднятой головой. Один-ноль. Вчистую.

Впрочем, как только закрылась дверь, ее тут же стали одолевать сомнения — не перегнула ли она палку? Но другого выхода, кроме

как уязвить его гордость и самолюбие, она не видела. Жалости Кайл не приемлет. Ни в каком виде.

Его только что унизили, усомнились в его способностях водить машину и наорали. И кто? Его собственный штурман! По совместительству — красивая девушка с отвратительным характером. Это не лезет ни в какие ворота. Пора показать этой женщине, кто в их экипаже главный! Совсем распустилась, надо ее на место поставить и показать, кто тут чемпион!

Кайл поправил полотенце, которое вовсе не упало, вопреки утверждению Ник. А почему не упало? Очевидно, почему. Во всю логику его сердитых размышлений не укладывалось одно: какого черта у него такой стояк?

— Ты помнишь, о чем мы говорили вчера?

— На память не жалуюсь, — отвечает он ей сухо. — И вот что я тебе скажу. Когда я выиграю чемпионский кубок... а я его выиграю, обязательно... так вот, я не дам тебе за него даже подержаться! Не заслужила! Ты себя совершенно отвратительно ведешь!

— Ты его сначала выиграй, а потом, возможно, я даже соглашусь с твоим утверждением, — отвечает Ник. Она сделала ставку на его гордость, и будет гнуть свою линию до конца.

— Тебе придется это сделать!

— Разговоры, разговоры... поехали!

Чудес не случается. Если над ними не работать. А если усердно трудиться — то вот вам и чудо, пожалуйста. Их героический прорыв с девятого места на второе в итоговом протоколе был, безусловно, спортивным чудом. Если бы не первое место Уолберга.

Спортивная пресса бурлила — давно такого не было, чтобы интрига борьбы за чемпионский титул сохранялась до самого последнего этапа. Букмекерские конторы зашивались, принимая ставки на победу в раллийном чемпионате. Каждому из них — что Кайлу, что Мэтью, нужна была только победа. Кто выигрывал финальное ралли Уэльса, тот и становится чемпионом. Все просто.

Она опять оказалась права. Она опять вытащила их из безнадёжной ситуации. Что бы он делал без нее?

— Спасибо, Ник. И...

— Простить тебя?

Вздыхает.

— Ну да...

— За чемпионский кубок дашь подержаться?

— Что? А, ты про это... Конечно.

А у него совершенно идиотские и неприличные ассоциации на фразу «поддержаться за чемпионский кубок». И чтобы избавиться от этих ассоциаций, он добавляет:

— Если мы выиграем, то кубок будет твой настолько же, насколько и мой.

И опять ему самому фраза кажется двусмысленной.

Глава 18. Великобритания. Кардифф. Ралли Уэльса

«И плавится асфальт, протекторы кипят,
Под ложечкой сосёт от близости развязки.
Я голой грудью рву натянутый канат.
Я жив! Снимите черные повязки!»

В.С. Высоцкий. «Горизонт»

Только тот, кто сражался за нечто очень важное. Только тот, кто знает, какова она — цена победы. Тот, кому доподлинно известно, каков он — горький вкус поражения. Кто умеет собирать себя накануне финального боя до хрустальной прозрачности сознания, бритвенной остроты реакций, ледяной ярости эмоций. Кто умеет чувствовать в себе звенящую упругость стрелы под умелыми пальцами, нетерпеливую энергию пули в пока еще холодном стволе оружия. Только тот может понять, что чувствовал Кайл Падрон накануне старта ралли Уэльса.

— Кайл, ты сможешь.

— Смогу. Вопрос в том — сделаю ли...

— Кайл...

— Макс, не лечи меня. Я все знаю.

— Ну, тогда не буду тебе ничего говорить. Отдохни как следует.

— Конечно.

— Кайл?

— Что?

— Не пей. Не надо.

Падрон усмехается. Репутация у него, однако... Впрочем, сам заработал.

— Чай можно?

— Не злись. Я же переживаю...

— Не дергайся. Я все понимаю. Все, ушел. До завтра.

Не пей... Даже и мыслей таких не возникало. Ни алкоголя, ни девок, уже пару месяцев, если не больше. Как отрезало. Сам себя не узнавал.

— Ну что, готов?

— Нет. Но старт из-за этого не отменят.

Поймал себя на парадоксальной мысли: ей он может признаться во всем — и в том, что боится, и в том, что волнуется. Она поймет, ей можно сказать все. Ну, или почти все.

Ник протягивает руку, сжимает его ладонь. Его обычно горячие пальцы сегодня холодны.

— Не дрейфь, чемпион, прорвемся. Давай, пожми мне руку на удачу.

— На удачу? — переспрашивает он. Качает головой. — Сегодня этого мало для удачи.

— Ничего другого нет.

— Есть, — решение импульсивное, он и не думает его анализировать. Стремительно перегибается к ней через рычаг ручного тормоза и целует в губы, коротким и крепким поцелуем. Успевает поймать ее теплый потрясенный выдох. Отстраняется, не пряча взгляда, смотрит в ее широко распахнутые. — Вот это называется — на большую удачу. А она нам сегодня понадобится.

Дальше все происходит в молчании. Перчатки, подшлемники, шлемы, ремни.

Ник резко выдыхает. Выбросить все из головы. Потом, это все потом. Сейчас главное — гонка. Гладит большими пальцами листы бумаги на коленях. Только слова. Только рев мотора. Только летящая в лицо лента дороги.

Не думать больше ни о чем. Предельная концентрация — только так можно победить. Никогда она не желала победы так, как сейчас. И не только для себя. Еще сильнее — для того, кто был этого более чем достоин.

Быстрые и гладкие спецучастки южного Уэльса были созданы для таких стремительных гонщиков, как Кайл. Если бы не одно «но». Близость моря, вечная влажность, туманный, мать его, Альбион! Как следствие — безумно скользко. А вокруг — лес! И страх, выползший из омута воспоминаний о совсем недавней страшной аварии, мешал ему. Весь первый день он боролся с ним и со скользкой, как будто намыленной, дорогой. Выжал из себя все. Но по итогам первого дня они лишь вторые. Неплохо, но первый — Уолберг!

— Кайл!

— Ник, не надо!

— Не надо что?

— Не надо меня утешать! — он огрызается, но устал безумно и расстроен.

Ник пожимает плечами.

— И не собиралась.

Он вздыхает. И что он, в самом деле? Это же Николь. Перед ней можно не притворяться.

— У меня не получится. Я сегодня выдал все, что мог. Лучше я не смогу, Ник.

— Ты сделал достаточно.

— Мы вторые!

— Зато день первый!

— И что изменится завтра?

Ник улыбается, хотя ей его нестерпимо жаль. Но не дай Бог дать ему это почувствовать. Его гордость этого не переживет.

— Кайл, ну ты чего? Давай, не раскисай! Мозги включи! Лесные участки кончились. Завтра будем гонять по вересковым полям.

— И что?

— В-первых, там не так фатально скользко. А во-вторых...

— Что — во-вторых?

— Во вторых, на завтра по прогнозу ожидается сильный туман.

— Вот повезло — так повезло! — невесело вздыхает Кайл.

Ник усмехается.

— Не представляешь себе — насколько. В тумане, друг мой, у кого «легенда» более правильно составлена — тот и будет на первом месте. А уж по стенограмме я штурмана Уолберга сделаю, — она звонко щелкает пальцами. — В легкую! На раз! Я же суперштурман, не так ли?

Кайл улыбается. Слабо и неуверенно, но все-таки. А Ник продолжает:

— Выше нос, *il mio generale!* (ит. Мой генерал, прим. автора.)

Теперь он даже смеется.

— У тебя ужасное произношение!

— Не переживай, завтра я буду говорить по-английски!

Она все-таки заразила его своей уверенностью.

— Я тебя вчера поцеловал перед стартом.

— Я помню, — торопливо и, одновременно, неуверенно.

— Не помогло.

— Угу. Не совсем.

— Значит, сегодня ты меня целуешь. Может, так сработает?

— Кайл, не дури! — она начинает нервничать. Будто мало того, что вот-вот гонка начнется!

— Давай, штурман! Есть такое слово — «надо».

— Ты...

— Надо!

Черт его подери! Наверное, не стоит с ним спорить. Нет более суеверных существ, чем гонщики. Если он это вбил в голову...

Не давая себе возможности передумать и струсить, повторяет его вчерашний маневр. Перегнулась, быстро и невесомо коснулась его губ. Испуганно отпрянула, оглушенная собственным мгновенно ударившим гулким набатом сердцем. На него рискнула посмотреть только искоса.

Кайл на нее тоже не смотрит. Кивает, глядя прямо перед собой.

— Ладно, для первого раза достаточно. Поехали. И да пошлет нам Господь туман!

Но сначала были «участки для Микки-Мауса» — простейшие, не представлявшие никакой сложности асфальтовые спецучастки. Нелюбимые гонщиками, они были весьма популярны среди зрителей, а самое главное — влияли на результат. Временами гонка на них больше походила на лотерею.

Покончив с «асфальтовым адом», который в этот раз не внес существенных перемен в расположение гонщиков в промежуточной турнирной таблице, экипажи наконец-то полноценно ринулись в бой.

Погода начала портиться, и с каждой минутой смеркалось все больше и больше. Ехать приходилось в полном сумраке, подкрепленном плотным туманом.

После первого спецучастка:

— Черт! Реально сложно! В паре секций я ни хрена не видел!

— Все нормально. Я контролирую ситуацию. Поедем по приборам. Верь мне.

— Хорошо, прибор. Как скажешь. Верю.

В густом, хоть ложкой ешь, тумане они все-таки смогли прорваться на первое место. С микроскопическим выигрышем в семь десятых секунды.

— Я же тебе говорила! Мы первые!

— Условно. Меньше секунды — это не отрыв.

— Значит, будем отрываться.

Кайл хмурит брови. А потом, резко и уверенно:

— Будем!

На следующий день утреннюю секцию они тоже выиграли. Хотя у Ник скребли на душе кошки — организаторы «порадовали» гонщиков весьма жестким трамплином. Трамплин оказался коварным, и многие экипажи там повредили свои автомобили. Они же — погнули радиатор, но машина пока держалась.

Сходы следовали за сходами, у кого-то случались проблемы с двигателем. Ник не знала, что им делать — поберечь машину или валить «на все деньги». По итогам дневной секции их с Уолбегом разделило одна и восемь десятых секунды.

— Рискнем?

— Конечно.

— А если машина не выдержит?

— Не думай об этом, Кайл. Не время для этого. Ставим все на победу.

Говорят, риск — благородное дело. Говорят, везет сильнейшим. Много что говорят те, кто не знает, каково это — когда развязка близка, когда время растягивается и каждая секунда становится золотой.

Оба экипажа, претендовавшие на лидерство, показывали весь день почти одинаковый темп. Интрига, да не просто интрига — судьба чемпионского титула! — держалась до последнего.

И он все-таки не выдержал этого напряжения. В одном из поворотов последнего «допа» Уолберг совершил досадную ошибку, разрушив тем самым свой шанс на чемпионский титул. Кайлу осталось лишь спокойно доехать до финиша, ибо для остальных он был недостижим.

Оказывается, когда выигрываешь, первое чувство, которое испытываешь — опустошение. Вот и все. Ты это сделал.

Команда кипела, бурлила, клекотала. Море радостных лиц, крики, кто-то терзает трубу, кто-то лупит в барабан. Нестройным хором распевают на месте сочиненный гимн победы, прославляющий «Субару», Кайла и Ник. Ни рифмы, ни ритма, но зато много энтузиазма. Ник смотрит на это все со смесью восторга, веселья и страха. Страх — потому что лицезрит картину всекомандного ликования с высоты более двух метров. После отпустившего ее нервного напряжения она из машины буквально выпала — и прямо на руки Оливье Кеснелю, старшему механику команды. Здоровенный, с фигурой штангиста и прозвищем «Профессор», он мигом подхватил ее, и Ник, не успев даже пискнуть, оказалась на его плечах, а земля вдруг — невозможно далеко. Оттуда же смотрела на хохочущего Кайла, который переходил из руки в руки. Всем хотелось обнять чемпиона. ИХ чемпиона!

Кайл оборачивается, ищет взглядом Ник. Изумленно распахивает глаза, обнаружив ее на плечах у Оливье. Посылает ей воздушный поцелуй и кричит, пытаясь пересилить творящийся вокруг гвалт:

— Эй, Профессор! Смотри, не урони моего штурмана! Это самое ценное, что у меня есть!

Вечеринка по случаю победы затянулась до утра. Сэр Макс арендовал особняк, и празднующая команда едва не разнесла его вдребезги. Там было все: и море выпивки на любой вкус, и ломившиеся от закусок столы. Были музыканты какой-то модной британской группы. Им сэр Макс в свое время немного помог в продвижении к вершинам музыкального Олимпа, и сейчас они с удовольствием выступили на празднике. Впрочем, Кайл и их вовлек в командную попойку, о музыке они вскоре забыли, а инструменты были растащены любителями помузицировать из числа сотрудников «Мак-Коски», особенно жадных до искусства. Жалобные звуки терзаемых инструментов периодически вплетались в общую «симфонию веселья» до тех пор, пока музыканты не отобрали их у «похитителей», сообразив, чего им потом будет стоить заново настроить свои сокровища после такого «домашнего музицирования»

Ближе к двум часам ночи Ник поняла, что еще чуть-чуть — и она упадет с ног и заснет где-нибудь в ближайшем углу. Сил совсем не осталось — сказывалось нервное напряжение. А восполнять запас сил с помощью горячительных напитков совсем не хотелось.

Дежурный бокал шампанского, с которым она проходила весь вечер, был, скорее, атрибутом праздника, не более.

А вот Кайл, в отличие от нее, выпивал со всеми желающими. По наблюдениям Ник, эта доза спиртного уже должна была свалить и слона, но Кайл пока держался на ногах, хотя и не совсем уверенно. Периодически отлавливал Ник в толпе, обнимал ее за плечи и громогласно объявлял всем и каждому, что это — его штурман, самый лучший на свете штурман.

Терпение Ник лопнуло, когда солист приглашенной группы, тоже изрядно навеселе, окончательно запутавшись, сказал Кайлу, что у него очень красивая девушка, имея в виду Николь. В ответ Кайл расхохотался, в очередной раз притиснув ее к себе за плечи.

— Нейл, она не моя девушка! Она мой штурман!

— Теперь это так называют?

— Чудак ты, — качает головой Кайл. — Это гораздо круче! Девушек у меня много, а штурман — один!

А затем они вдруг решили, что должны спеть для Ник. Нейл откуда-то все ж добыл гитару, Кайл ему подпевал. У него оказался очень приятный голос, который не портило даже то, что Кайл безбожно фальшивил и забывал через одно слова.

Все это было бы очень мило, если бы не одно «но». Она устала, слишком устала, чтобы по достоинству оценить такое внимание к себе. И больше всего в этом вечере ее раздражало одно: когда произносили тост — «За лучшего штурмана в истории ралли!». И когда Кайл вопил: «Люди, знайте: у меня супер-штурман!». Признание собственного профессионализма вдруг стало давить тяжелым камнем, висящим на шее.

А в голове крутился вопрос: «Что лучше: быть единственным супер-штурманом Кайла Падрона или одной из его девушек?».

Ник морщится. Быть «одной из» — это определенно не для нее. Но быть только супер-штурманом... Оказывается, это не так уж здорово, как она считала раньше.

Она незаметно покидает развеселый особняк. В гостиницу, спать. А потом, после того, как выпится и отдохнет, она упакует свои немногочисленные вещи и улетит в Буэнос-Айрес, к дяде Эту. Он уже звонил, поздравил ее с победой. Скучает, ждет. Единственный, кто по ней скучает. Кто ее ждет.

Глава 19. Барроу-ин-Фарнесс. Буэнос-Айрес. Андроссан. Монако.
В общем — галопом по Европам. И не только по ним

«Штурман — фигура малозаметная, его имя почти нигде не появляется, он, как правило, меньше „тусуется“ среди гонщиков, меньше „высовывается“, но поверьте мне, что классный штурман намного дефицитнее классного водителя»

Статья «Штурман» с сайта eulex.ru.

Барроу-ин-Фарнесс.

— Падрон, я уже забывать начал, как ты выглядишь!

— Привет, Макс, — Кайл широко улыбается, пожимая Мак-Коски руку. — Неужели скучал?

— Не то чтобы... Но переживал за твою печень.

— Ох, и не говори, — Кайл устало плюхается в кресло, безуспешно пытается замаскировать богатырский зев. — Надо было со всеми отметить! Ты же понимаешь...

— Кофе? — издевательски-вежливо интересуется сэр Макс.

— Можно, — кивает Кайл. — Я к тебе прямо с самолета. А если в этой дыре, которую ты именуешь своим офисом, еще помимо кофе найдется пара свежих круассанов... или пончиков... я буду определенно счастлив.

— Пончики ему... — хмыкает Мак-Коски, снимая трубку и отдавая распоряжения. — Я смотрю, ты пошел в разнос. Как же диета? А если наберешь лишние килограммы? Джул с тебя шкуру спустит.

— Как наберу, так и сброшу. Дел-то, — Кайл пожимает плечами.

— Ну смотри... Если ты в отца, то тебе расслабляться нельзя. Последний раз, когда я видел сеньора Падрони, он был похож на шар. Здоровенный такой шар.

— Я телосложением в мать, — парирует Кайл. Дверь открывается. — О! Пончики!

Мак-Коски улыбается, глядя на то, с какой нежностью Кайл смотрит на поднос с кофе и выпечкой.

— Макс, а где наш кубок, кстати? Хоть разглядеть его, а то не видел толком...

— У тебя за спиной.

Кайл оборачивается. В стенной нише, подсвеченный голубым светом, красуется чемпионский кубок. ЕГО кубок. Улыбается довольно. Кофе, пончики и чемпионский кубок... Жизнь удалась!

— Места на стене много, — комментирует он увиденное, возвращаясь к кофе. — На несколько кубков хватит.

— Вон как ты заговорил...

— А ты об этом не думаешь? — Кайл совершенно по-детски облизывает пальцы и берет в руки чашку. — Сезон кончился, да здравствует новый сезон! Я думаю, в следующем году мы с Ник просто не дадим никому ни единого шанса. Уверен в этом!

Глядя на то, как Кайл уничтожает пончики и кофе, сэр Макс размышляет. Как ему сказать?

Некоторое время назад.

— Ник, твое решение мне абсолютно непонятно.

— Простите, сэр Макс. Я не могу вам ничего добавить к сказанному. Но решения не изменю.

— Николь! Ты единственная женщина, ставшая раллийным чемпионом. Ты самая успешная леди за всю историю автоспорта! И заметь, это не мои слова, так тебя короновала пресса. Это просто...

— Сэр Макс, прошу вас, не нужно...

— Нет уж, позволь, я закончу! Ники, девочка моя, — голос Мак-Коски смягчается, — нельзя так. У тебя же талант. Таких штурманов, как ты, история ралли знает единицы. Ты же профессионал! И потом — тебе это нравится, это твое, я же вижу! И с Кайлом у вас отношения прекрасные. В чем дело?

— Неважно. Я приняла решение и не изменю его. Мне, правда, очень жаль, сэр Макс. Но я ухожу из «Мак-Коски».

В этот момент она ему поразительно напоминает Этьена. Тот тоже иногда бывал невозможно упрямым.

— А где, Ник, кстати? — Кайл наконец-то расправился с едой, сидит, довольный как кот, слизавший хозяйскую сметану.

— В Буэнос-Айресе.

— Дядя Эт соскучился по своей племяннице?

— Не без этого, — задумчиво отвечает сэр Макс.

— Ну, еще пару недель ему дам. А потом мне Ник нужна будет. Есть планы относительно...

— Кайл! Послушай!

— Весь внимание, — Падрон сыт, а посему — доволен и благодушен.

Мак-Коски вздыхает. Как сказать, какими словами? Да как ни крути, все равно — смысл один.

— Ник не будет выступать с нами в следующем сезоне, Кайл.

— Как это?! — непонимающе и, как следствие, неверяще.

— Вот так. Я заключил контракт с Мишо.

— К черту Мишо! Что с Ник?!

— Она ушла из команды.

— Что значит — ушла?! — Кайл был бы не Кайл, если бы усидел на месте. Вскочил, с грохотом роняя стул. У Макса стойкое ощущение «дежа вю», но он старается продемонстрировать невозмутимость и отвечает сухо и сдержанно:

— У нее закончился контракт, и она не захотела подписывать новый.

Кайл шумно выдыхает, глаза суживаются.

— Таааак... Аль Кассими, верно? Пора объяснить этому арабскому сукиному сыну, что ТАК дела не делают!

— Халид здесь не при чем.

— Не при чем? Она ушла не в «Фиесту»?

— Нет.

— А куда?!

— Я тебе уже сказал — она у Лавиня, в Буэнос-Айресе.

— Да я не о том, где она сейчас! В какую команду она ушла?!

Кайл уже орет. Мак-Коски изо всех сил старается сохранять показное спокойствие.

— Ни в какую. Она вернулась в «Дакар».

Кайл молчит. В полной тишине меряет шагами кабинет Мак-Коски. А потом, неестественно спокойно и негромко:

— Ник ушла из нашей команды, чтобы работать в «Дакаре»?

— Да.

— И ты позволил ей это сделать? ЕЙ? Ты позволил лучшему штурману в истории ралли бросить то, ради чего он создан!? Что, черт побери, происходит, объясни мне!!!

— Это ее решение.

— Макс! Ты директор и владелец самой успешной раллийной команды! Черт, кому я это говорю?! Ты же опытный, тертый, хитрый и коварный! Неужели ты не смог убедить ее?

Макс хмурится. Слишком много правдивого в словах Кайла. Пожимает плечами.

— Не смог.

Кайл потрясенно качает головой.

— Я разочарован. **ОЧЕНЬ** разочарован в тебе, Макс.

— Ну, знаешь! Не зарывайся!

— **КАК** ты мог?! — из Кайла только что искры не летят. Опять начинает метаться по кабинету, затем оборачивается к Максусу: — Как ты мог ЕЕ отпустить?! Надо было увеличивать контракт вдвое!

— Я предлагал.

— Не согласилась?

— Нет, — Мак-Коски устало морщится. — И второе предлагал. — Решившись, резко заканчивает: — Я ей предложил второе больше чем... твой контракт на будущий год.

У Кайла даже рот приоткрывается от изумления.

— Не может быть...

Сэр Макс уже сожалеет о сказанном. Кайл всегда очень ревностно относился к тому, чтобы быть самым высокооплачиваемым членом команды «Мак-Коски». Дело было даже не в деньгах, а в его самоуверенности и амбициозности. Теперь, когда Николь ушла, Максусу еще не хватало только испортить отношения с первым пилотом, уязвив его гордость.

Кайл отвечает. Неожиданно.

— Надо были предлагать в четыре раза больше чем у меня! Diablo, Макс! Мы не можем ее потерять!

Теперь уже очередь Макса удивляться. Он недооценил Кайла. Но ситуацию это уже не изменит. Мак-Коски вздыхает.

— Не в деньгах дело, Кайл! Хоть в десять раз больше предлагай.

— А в чем?! — Кайл подходит близко к Максусу. Смотрит пристально в глаза. — Объясни мне, в чем дело?!

— Не знаю! — сэр Макс сам растерян и расстроен, Кайл это видит. — НЕ знаю, Кайл! Она уперлась. Практически без объяснений. Я же не могу ее заставить!

Кайл вдруг неожиданно успокаивается. Кивает задумчиво. Макс знает, что означает такой Падрон. Кайл будет драться и сражаться. До последнего. Тоже тот еще упрямец.

— А что Лавинь?

— А при чем тут Лавинь? — непонимающе переспрашивает сэр Макс.

— Он ее дядя! Он самый близкий для нее человек. Если кто и знает, что с Ник, так только он!

— Ну, в принципе, ты прав...

— Конечно, прав! Поговори с Лавинем! Он твой друг. Макс, ты же понимаешь... Это ради блага Николь! Он это должен понимать. Уверен, там какая-то ерунда! Ее место здесь, в команде!

— Я попробую. Но Ник чертовски упряма.

— Я тоже, — парирует Кайл. — Учти, я не желаю ездить ни с кем, кроме Ник!

— Менее года назад ты в этом кабинете заявлял нечто совершенно противоположное!

— Да сколько же можно меня этим попрекать!

Буэнос-Айрес.

Любимая, почти родная Аргентина. Знакомый, несмотря на все нововведения минувшего года, до последнего камушка «Дакар». Дядя Этьен, самый близкий и родной человек. Все это в совокупности должно было сделать Ник счастливой. Но происходило все с точностью до наоборот.

С каждым днем Ник все глубже погружалась в какое-то дурное сочетание отчаяния и уныния. Все началось с разговора с Мак-Коски. Тяжелейшего, в трех раундах разговора, который она еле выдержала. Но все-таки смогла, выстояла, сохранила лицо. И сэр Макс смирился с ее решением.

Совершенно очевидно, что Кайлу он ничего об этом не сказал. Правильно сделал, собственно. Зачем вносить сумятицу в экипаж накануне финального этапа? А у нее было четкое ощущение собственного предательства, усиливающееся с каждым днем. До момента выигрыша чемпионского титула она это ощущение старательно заталкивала поглубже, да и было чем занять голову. Но потом...

И ее собственный трусливый побег! Она улетела из Великобритании, даже не попрощавшись с Кайлом, по-английски. Какая горькая ирония! Нельзя было ТАК поступать с человеком, который привык к тому, что вы одна команда. Который привык рассчитывать на тебя. А она его предала, ушла без объяснений. Получается, она ему отомстила за все, хотя совершенно не хотела этого делать. Но дело было не в мести, а совсем в другом.

Ник отбросила в сторону учебник итальянского, развернулась на кровати, закинув ноги на стену. Она страдала от собственной бездеятельности. На самом деле, работы было много, но вся она или раздражала, или вызывала уныние.

Ей хотелось заниматься другим. Тем, что она делала в «Мак-Коски». Боже, как же ей это нравилось! Ощущение собственной власти, почти всемогущества. Когда получается все, за что берешься. Когда тебя окружают талантливые, увлеченные своим делом люди. Когда вы работаете вместе и добиваетесь результата. И какого результата!

Все было прекрасно, кроме одного. Кайл.

И дело совсем не в том, каким он был в первую половину сезона. А в том, каким он оказался на самом деле. Невероятно талантливый. Бесконечно обаятельный. Заботливый, внимательный. Умный сукин сын с острым чувством юмора. Человек, который не побоялся открыться ей в своей слабости. И оказался даже в слабости — сильным. Ах, да, и еще. Умопомрачительный красавец с фигурой бога.

Ее пилот. И нет его вины в том, что, несмотря на все то, что он творил в первую половину сезона... Несмотря на то, что девушки падали к его ногам без малейшего сопротивления, и он к этому привык... Несмотря на все предупредительные знаки, которые заботливо расставила ей судьба и сам Кайл... Несмотря на все это и многое другое, она все-таки умудрилась... Ник швырнула учебник в стену. Он оказался крепким, хотя был кидаем так уже не в первый раз. Тихо шелестя страницами, книга мягко шлепнулась на кровать рядом с ее бедром.

Она сбежала, чтобы спасти остатки своей гордости. А еще потому, что понимала — сил ее не хватит на то, чтобы быть с ним рядом и не сорваться. Не скатиться до его жалости (ему-то не привыкать) и своего унижения. Нет, только не так! Пусть считает ее предательницей, у которой не все в порядке с головой. Но не жалкой, безнадежно влюбленной душой! Что самое унижительное, одной из **ОЧЕНЬ** многих жалких, безнадежно влюбленных дур!

Вот только учебник итальянского тебе зачем, Ник? Неужели, вопреки всему, надеешься на что-то?

«Для расширения кругозора», — в очередной раз огрызнулась она самой себе. Перекинув ноги через голову, соскочила с кровати. Сколько можно валяться и жалеть себя? Надо пойти и сделать что-то полезное. Смотаться до Сальты, посмотреть на новые участки трассы, запланированные на следующий год.

Андроссан.

— Этьен?

— Здравствуй, Макс.

— Судя по голосу, ты мне не особенно рад.

— Рад. Просто готовлюсь к сезону...

— Эт, мне хоть не ври! — тон Мак-Коски резок. — Нам нужно поговорить.

Лавинь вздыхает.

— Наверное. Говори.

— Лично. Это касается Николь.

Сэр Макс готовится к долгой дискуссии, к уговорам. Но Этьен неожиданно соглашается.

— Хорошо, я прилечу. Где ты сейчас?

— В Шотландии.

— Послезавтра. Жди.

Они стоят перед огромным, во всю стену, окном. Суровый морской пейзаж соответствует их мрачному молчанию.

— Угости, что ли...

— Чай, кофе?

— Виски!

И под односолодовый скотч разговор наконец-то начинается.

— Что с Ник, Эт?

— Это ты мне скажи, что с Ник? Она вернулась сама не своя! Я уж, грешным делом, думал, что ты из ума выжил и из команды ее выставил!

— Ну, знаешь!

— Да знаю я все, — морщится Лавинь. — Ник мне сказала, что это ее решение. Но все равно — это ты во всем виноват! Если бы ты не позвал ее тогда к себе...

— Она стала чемпионом! Это ничего значит?

— Значит, — шеф «Дакара» отпивает виски и невпопад морщится. — Конечно, это важно. Но после этого я ее не узнаю!

Сэр Макс хмурит лоб. Похоже, старый друг тоже не понимает, что происходит.

— Эт, я правильно вижу ситуацию: нет никаких особых причин к тому, чтобы Ник вернулась к тебе, в «Дакар»?

— Да ну тебя... — машет рукой Этьен. — Какие причины могут быть? Я научился справляться без Ник. Я же понимаю, ее место там, у тебя.

— Ты это понимаешь, я это понимаю, Кайл это понимает... А Ник — нет!

— Вот только про Падрона мне не говори! — раздражено отвечает Лавинь. — Из-за него все! Я еще до него доберусь!

— Напрасно ты так, — качает головой шеф «Мак-Коски». — Он, конечно, повалял дурака поначалу. Но сейчас он с Ник только что пылинки не сдувает. Так что он тут не при чем.

— Не надо мне говорить, что он тут не при чем! — Этьен встает, делает несколько резких шагов по комнате. Поворачивается к Макс. — Если кто и при чем, то только он!

— Объясни!

— Если бы я мог, — Лавинь досадливо хмурится. — Ну вот чувствую я...

— Чувствуешь? — иронически переспрашивает сэр Макс.

— Да! Если тебе угодно, могу уточнить — печенкой чувствую. Спина. Не знаю — чем! Но это все из-за него!

— Не вижу причин, — пожимает плечами Мак-Коски.

— Я тоже. Но одно могу сказать... Стоит мне заговорить о нем — она вся зажимается, собирается, как перед прыжком в воду. И она это пытается скрыть, делает вид, что все нормально. Но я-то ее знаю. Что-то там нечисто.

— Что?

Лавинь бормочет что-то под нос. Исподлобья смотрит на Мак-Коски. Тот отвечает ему таким же мрачным взглядом.

— Ты думаешь о том же, о чем и я, Эт?

— Видимо.

— И?

— Что — и? Я совершил колоссальную ошибку, когда согласился на твое предложение!

— Кто мог знать, что так получится?

— Действительно, — раздраженно выдыхает Лавинь. — Я думал, Ник будет... рассудительнее. И не поведется на этого... Что ж теперь... Она все сделала правильно. Я надеюсь, ты ему ничего не скажешь?

— Конечно, не скажу, Эт.

Первый раз в жизни Мак-Коски соврал своему другу.

— Ну, что дал военный совет двух фельдмаршалов?

— Что-то ты подозрительно доволен? — Мак-Коски, напротив, мрачен. Он до сих пор не уверен в правильности принятого решения. Стоит ли говорить Кайлу. И если говорить, то что именно?

— Плакать, что ли? Есть проблема — должно быть и решение. Что сказал Лавинь?

Как всегда самоуверенный, намеревающийся решить все проблемы этого мира одним движением пальца Кайл. Если бы только сэр Макс был уверен... что ему не кажется. И за вниманием Кайла к Ник стоит нечто большее, чем то, что связывает пилота и штурмана. Он знает Кайла не первый год, видел неоднократно, как тот обращался со своими многочисленными девушками. И теперь он думает... ему кажется... А если все-таки только кажется? И как плохо будет, если он ошибается, плохо, прежде всего, для Николь! Если он ошибается в своих предположениях, этим он ударит, больно ударит по Ник, а ведь девочка хочет сохранить свою гордость.

Нет, он не будет рисковать. Но и молчать не будет.

— Лавинь сказал, что во всем виноват ты! Он точит мачете и намеревается спустить с тебя шкуру.

Кайл даже кофе поперхнулся от удивления. Прокашлялся, проморгался.

— Он с ума сошел?! Я-то тут при чем?

— Понятия не имею, — пожимает плечами сэр Макс. — Но он утверждает, что Ник из команды ушла из-за тебя.

— Это она так говорит? — осторожно, едва ли не затаив дыхание, спрашивает Кайл.

— Это говорит Лавинь.

— А она?

— А она молчит.

— Что дядя, что племянница — мастера маскировки и неочевидных выводов, — ворчит Кайл. — Я уже вообще ни черта не понимаю, Макс.

— Есть только одна непреложная истина, Кайл, — Мак-Коски серьезен и не улыбочив. — Причина ухода Ник из команды — в тебе, тут я согласен с Этьеном. И не спрашивай меня, какова именно эта причина, — упреждает он готовый сорваться с губ Кайла вопрос. — Единственный человек, который в состоянии это выяснить — ты. Хочешь ездить с Ник — выясни, какого черта она не хочет ездить с тобой!

Пусть они разбираются сами. Максу совсем не нравится роль старого сводника. Неприлично его статусу, а самое главное — опасно и неблагоприятно.

Монако.

Кайл совершенно бесцельно бродил по квартире. Компанию ему составлял бокал с виски. Со времени возвращения из Шотландии прошло уже два дня. Два дня, полных невероятного сумбура в голове и попыток понять, что произошло. Что происходит. С Ник. И с ним.

Наливает себе еще «Макаллан Файн Оак», презентованного Максом. Это моветон — надираться тридцатилетним виски, но ему все равно. Почти полбутылки минус. А на весах уже плюс два килограмма — следствие двухнедельного праздничного загула. Если так пойдет и дальше, то Джул с него действительно шкуру спустит. Но ему сейчас это абсолютно неважно. На фоне того, что он может лишиться своего штурмана. Считай, уже лишился.

Нет! Все внутри взбунтовалось, воспротивилось этой мысли. Не может быть, чтобы все закончилось именно так. Непонятно, невнятно, без объяснений! Нет, он вытрясет из Ник ответы на все свои вопросы. Почему? Какого черта? Что он сделал не так?!

Он остановился у панорамного окна и мрачно уставился на кипящий внизу порт. Подсознание услужливо подсовывало ему ответы на его вопросы. И эти ответы ему не нравились.

Она боится. После той аварии боится с ним ездить. И поэтому ушла. Это было бы больно, очень больно, но, в конце концов, справедливо. Кайл перестал себя обманывать и честно признал — такое возможно. Покрутив эту версию и поразмышляв, так же честно ответил себе — это маловероятно. Если бы она боялась сама — не смогла бы так виртуозно заставить его преодолеть собственный страх. Значит, дело не в страхе.

Она не простила. Так и не простила. Дотянула до конца сезона, но простить окончательно так и не смогла, и поэтому покинула команду. И его. Возможно? Еще как возможно. И адски больно и обидно, но винить, кроме себя, некого. Еще один стакан виски для храбрости, и он решается всесторонне обдумать и эту версию. И с облегчением понимает — это тоже мало похоже на правду. Не стала бы Николь наравне с ним сражаться за победу, временами вытягивая патовые ситуации только на своих хрупких плечах, если бы все еще злилась на него. Он каким-то непонятным образом чувствовал — нет в ней злости к нему. На его счастье, она действительно простила его.

Что тогда? Что, черт побери, мешает ей и дальше выступать с ним? Что в нем не так?

Или... Все-таки не в нем? Что-то позвало ЕЕ обратно, в Аргентину? Или кто-то?

Залпом допивает очередной бокал. В бутылке плещется уже на дне. Внутри жжет. Самая последняя версия. И, похоже, самая правдивая. Ее там ждет кто-то. Кто-то, кто не может жить с ней в долгой разлуке. Кто заставил ее бросить любимое дело и вернуться в Аргентину. Ради кого она бросила команду. И это не Лавинь, нет. Другой мужчина. Любимый мужчина.

Пустой бокал из-под виски летит в стену. Кайл выдыхает шумно, отворачивается к окну. Прихлебывает остатки виски уже из бутылки. Взгляд сам собой среди калейдоскопа судов находит элегантный силуэт красавицы «Stella Marina», его парусной яхты, оснащенной, впрочем, еще и мощным мотором.

Нет, он так просто не сдастся. Не уступит. И в сторону не отойдет. И вообще — с чего это он должен строить предположения? Он получит ответы на свои вопросы — хочет Ник этого или нет. Он имеет право знать — какого черта происходит. Ник упряма? Он еще упрямее. И, кажется, он знает, что нужно сделать, чтобы заставить Ник ответить на его вопросы. Для этого нужно просто время, терпение и соответствующая обстановка. Он добьется своего. Он знает — как.

— Привет, штурман.

У нее пальцы дрожали, когда она брала телефон. Она ждала и боялась этого звонка. В первое время после отъезда из Уэльса вздрагивала каждый раз, когда телефон оживал звуками. Ждала его звонка, его упреков, после того, как сэр Макс ему скажет о ее уходе из команды. Но недели шли одна за другой. Он не звонил. Сэр Макс ему не сказал? Быть такого не может! Значит, ему все равно — с ним она или нет. Не Ник, так другой штурман, видимо, Кайлу нет разницы. И к тому же, он слишком гордый, чтобы уговаривать ее. Это было неожиданно, горько и обидно. И плевать, что совершенно непоследовательно с ее стороны! И что она сама ушла, и чем меньше проблем с ее уходом, тем лучше. Все равно — как же обидно, что ему все равно!

А теперь... спустя почти месяц... он позвонил.

— Привет... Кайл.

— Я тебя жду в пятницу.

Сказано так небрежно, словно они последний раз разговаривали накануне, вчера. И вообще, о чем он говорит?

— Извини, я не поняла тебя.

— Неужели забыла? — он вполне естественно демонстрирует в голосе изумление. Даже легкую обиду. — У меня день рождения в пятницу!

Врет, как пить дать, врёт! Ноутбук под рукой, она быстро набирает в поисковике одной рукой привычное «Кайл Падрон».

Действительно... не врёт.

— Ну что, проверила?

— С чего ты взял? — Ник пытается замаскировать смущение.

— Во-первых, я тебя знаю. Ты была б не ты, если б не проверила, — голос у Кайла ехидный. — А во-вторых, даже мне по телефону слышно, как ты lupишь по клавишам.

Ник неопределенно хмыкает. Он ее поймал, что тут скажешь.

— Так что, приедешь? — продолжает тем временем Кайл.

— Где это будет?

— В Монако. На моей яхте.

— А я-то в Аргентине!

— За тобой самолет прислать? — и снова небрежно, и ни слова о том, что она ушла из команды. Не знает, или ему все равно? Черт, пропади ты пропадом, Кайл Падрон!

— А без меня никак?

— Никак. Без тебя праздник не праздник! — Кайл преувеличенно бодр. — Давай, Ник, приезжай! Будет немного народу, все свои, наши ребята из «Мак-Коски».

Для нее — уже не свои ребята, но Кайл упорно игнорирует этот факт. И как же она уже соскучилась по ребятам. И смертельно соскучилась по нему. Ладно, она позволит себе, она сможет, она выдержит. Один раз. Последний раз.

— Хорошо, я буду.

— Отлично! Сообщи, когда прилетишь. Я встречу.

Он кладет трубку и вытирает пот со лба. Уф, у него получилось. Он уговорил Ник приехать. Дальнейшее будет проще.

— Сал, привет.

— При звуке твоего голоса у меня до сих пор болит голова!

Кайл довольно хохочет.

— Вيني собственную невождержанность, а не меня!

— А кстати о невождержанности... С каких это пор ты заделался монахом? Девушки были разочарованы.

— Я спортсмен. У меня режим.

Теперь уже ржет Фейсал.

— Знаешь, спортсмен, ты, когда не трахаешься, пьешь в два раза больше. Я даже не думал, что такое возможно. Так что не заливай мне про режим.

— Ладно, не буду. Слушай, Сал, у меня к тебе просьба.

— Я весь внимание!

— Выдели мне какой-нибудь из ваших островов. На пару недель. Во временное, но безраздельное пользование.

— Ого... — удивленно тянет Фейсал. — Удивил.

— Ну чего там! — Кайл настойчив. — У вас же их до черта!

— Не так уж и до черта, — голос наследного принца все так же удивленно-задумчив. — Да мне и не жалко. Просто...

— Просто — что?

— Как ее зовут?

— Кого — ее? — Кайл прикидывается непонимающим.

— Ту, которой я обязан пополнением своей коллекции.

— Какой еще коллекции? Сал, ты там не пьян, случайно?

— Да нет, трезв, — довольно хмыкает Фейсал. — А ты что, забыл о нашем споре, друг мой? Ай-ай-ай...

— Какой еще спор? — недоумевает Падрон.

— О, да мы решили прикинуться непонимающими? — Кайл не видит, но Сал довольно улыбается. — Хорошо, напомним. Примерно год назад мы поспорили: кто первым влюбится. Я поставил свой «BaJa OutLaw», а ты...

— Свой «Spyder», я помню, — раздраженно отвечает Кайл. Идиотский спор, как же он забыл?

— Вспомнил? Молодец! Значит, я его забираю?

— С чего это ты так решил?

— Что-то мне кажется, друг мой... что все признаки в совокупности указывают на то, что ты все-таки втрескался.

— Знаешь, Сал, в таких случаях говорят: «Когда кажется — креститься надо»!

Фейсал довольно хохочет.

— Сие невозможно ввиду иного вероисповедания. Но я учту. Впрочем, если ты мне скажешь, что это просто очередное твое увлечение... Просто трах, не более... Я поверю твоему слову, Кайл. Только скажи...

Такого он сказать не может. Ник не очередное увлечение. Он и себе-то толком не может объяснить, кем для него является Ники, и уж тем более не может этого сказать Салу. Да и какая к черту разница, лишь

бы отделаться от него с этим дебильным спором и получить то, что требуется!

— Забирай «Мазератти»! — шипит Кайл.

— О да! — победный кулак Фейсала Кайлу не видно, но и ликующих интонаций более чем достаточно. — Когда я могу забрать МОЙ «Мазератти»?

— А где МОЙ остров?

— Записывай координаты.

— Сал, только я тебя умоляю — что-нибудь скромное. Без этих ваших дворцов с колоннами, огромными бассейнами и прочего. Скромное бунгало, дежурный набор удобств. Без этого вот пафоса.

— Ничего ты не понимаешь в красивой жизни!

— Не понимаю, — соглашается Кайл. — Мне по-спартански.

— Ладно, — усмехается Сал. — Найду тебе что-нибудь, спартанец. Завтра позвоню, детали обговорим.

— И чтоб никаких камер! А то знаю я тебя — понатыкаете всюду, — спохватывается Кайл.

— Без камер нельзя. Как иначе за безопасностью следить? Но ключ от комнаты с пультом управления камерами будет у тебя.

— И на том спасибо!

Глава 20. Монако. А потом — вон из Монако навстречу неизвестности и горизонту

«Будто знают — игра стоит свеч,
Только б вырваться — выплатят все по счетам.
Ну, а может, он скажет ей речь
На клаксоне, и что у них есть еще там»
В.С. Высоцкий. «Песня о двух красивых автомобилях»

Из разговора автора с персонажами

— И что мне делать?

— А я почему знаю?

— Но ты же автор!

— А ты — мужик!

Что-то неразборчивое на языке Данте и Петрарки.

— Ну, хоть какие-то идеи у тебя есть? Я в полной растерянности. Подскажи, ты же все-таки автор, это по твоей воле я так вляпался.

— Подсказать? Может, тебе еще дать ключ от квартиры, где деньги лежат?

— Извини, вот сейчас не понял.

— Было бы удивительно, если бы понял...

— Ты какая-то совсем странная, госпожа автор.

— Поговори мне еще!

— Я так понимаю, помощи от тебя не дождешься?

— Правильно понимаешь.

— Значит, буду действовать на свой страх и риск!

— Давно пора.

— Ник! Ник! Ники! Слышишь меня?

В ответ — тишина и чуть слышное посапывание.

— Спишь? Ну, дело твое. Я предупредить хотела. Значит, сюрприз будет.

— Падрон, ну и где ты?! — раздраженно в трубку.

— У тебя за спиной.

И теплое дыхание по шее, и тихий голос прямо в ухо, так что ноги подкашиваются и повернуться сложно. Она опускает руку с ненужным телефоном, все-таки собирается с силами и оборачивается.

Все так же безбожно хорош собой. И неожиданно серьезен. Смотрит изучающе, выжидательно. О чем думает, интересно?

Как же он жил целый месяц, не видя ее? Так стосковался по ее лицу, по этим огромным голубым глазам, по растрепанным волосам, которые отросли почти до плеч и в них нестерпимо хочется запустить пальцы. Смотрит жадно, не замечая, как сжимает от волнения кулаки. И забывая, что надо что-то сказать. И она молчит и тоже неотрывно смотрит на него. Но говорить что-то надо.

— Привет, штурман.

— Привет, пилот.

Он уже не ее пилот, но сейчас это не важно.

Кайл прокашливается. Небрежным движением забирает у нее сумку, умудрившись при этом на краткий миг насладиться прикосновением к ее пальцам. Как же он к этому привык, оказывается! К их рукопожатиям «на удачу». О ритуале «на большую удачу» лучше вообще не вспоминать, а то потом придется титаническими усилиями воли обуздывать свою фантазию.

— Багаж есть?

— Нет, только эта сумка.

— Отлично, тогда пошли.

— Кайл! — Ник приходится его догонять. — Я номер забронировала в «Le Meridien».

— Клоповник! — безапелляционно бросает Кайл, не оборачиваясь. Ник так ошарашена, что не сразу находит, что сказать.

— Да? Но там же четыре звезды.

— У меня дома удобнее.

— Кайл?!

— Только не спорь со мной. Отдельная спальня и ванная у тебя будет. К тому же, ты прилетела на пару дней всего, не так ли? Да и я занят подготовкой, и мешать тебе особо не буду.

Ник уже забыла, какой он бывает напористый и упрямый. Да и спорить отчего-то не хотелось.

Кайл подтвердил свои слова, поскольку исчез практически сразу после того, как они добрались до его квартиры. Со скороговоркой «Вот-твоя-спальня-ванная-балкон-кухня-холодильник-бар» он протащил Ник по квартире и испарился, сославшись на неотложные дела по подготовке к празднованию дня рождения.

Ники вещи распаковывать не стала, вместо этого отправилась бродить по квартире. Чувствовалось рука хорошего дизайнера, а вот Кайла в этой квартире было мало. Лишь в его спальне... на спинке кресла — знакомая ветровка. Ник присела на кровать. Он спит здесь. Спал сегодня ночью. Возможно, не один. Или НЕ спал — и не один, и не здесь.

Ненавидя и презирая себя за то, что делает, она, тем не менее, осторожно заваливается на бок, ложится поверх покрывала и утыкается носом в подушку. Пахнет, пахнет им, его парфюмом. Его кожей, волосами, всем. Пахнет Кайлом, она это точно знает, каким-то инстинктом влюбленной женщины. Ревниво хватает вторую подушку, вдыхает запах. Стерильный запах свежего белья. Никаких духов.

Ник вздыхает. Ненормальность собственного поведения очевидна даже ей. Ей надо как-то удержать себя в рамках. Надо собраться. Ради себя. И ради Кайла.

— Ники, красавица моя!

— Скажете тоже, Корделия...

— Скажу! И не один раз. Ты — красавица, Ник!

— Хм... — Ник смущается. Она не смущалась так, когда приходила сюда в первый раз. Но тогда она была в бутике по настоянию сэра Макса. А теперь явилась по собственной воле. — Спасибо, Корделия. Вы очень любезны. У меня к вам просьба.

— Слушаю.

— У Кайла сегодня вечеринка. По случаю дня рождения. А я... гхм... — Ник разводит руки, призывая владелицу бутика оценить свой наряд — футболка и мешковатые хлопковые штаны с многочисленными карманами, — я, как всегда, похоже на пугало.

— Очаровательное пугало. Но мы пугало немножко украсим, — широко улыбается Корделия. — Доверься мне, Ник.

Раньше она бы испугалась этой фразы. Теперь она знает — Корделии можно довериться.

Как же она соскучилась по ребятам! По Оливье, который сграбастал ее в свои медвежьи объятия и долго не отпускал. По Антонио, который восхищенно поцокал языком, оглядывая пестрый шелковый сарафан, облежавший стройную фигуру Ник и демонстрирующий во всей красе точеные плечи и изящные руки обладательницы этого сарафана. По Кертису, который, наскоро поздоровавшись с Ник, тотчас стал выпытывать у нее детали изменений в техническом регламенте «Дакара» на грядущий год. И даже по Эзекилю, который одним пристальным, исподлобья, взглядом дал ей понять, что он прекрасно понимает, каков истинный вклад Ник в их чемпионство.

ЕЕ ребята. ЕЕ парни. В носу щиплет. Нет. Уже не ее. Она их предала.

Известно ли всем им о ее уходе из команды? Наверняка. Антонио и Эзекиль знают точно. По сдержанному Кертису трудно что-то сказать. Лишь прямой и искренний Оливье единственный, кто, возможно, пока не в курсе.

Компания на яхте подобралась небольшая и преимущественно мужская, ее лишь слегка разбавляли, помимо Ник, Меган и Роуз, супруга Кертиса.

По сравнению с тем, как отмечали завоевание чемпионского кубка, празднование дня рождения Кайла происходило весьма скромно. Более того, буквально через час после начала, вечеринка стала походить на очередное рабочее совещание в чуть более, чем обычно, непринужденной обстановке. Обсуждались планы на следующий год, изменения в расписании чемпионата, новшества в моторе и ходовой части, сплетни и слухи из других команд. Речь шла о том, что

занимало умы всех, кто собрался сейчас на красавице яхте для празднования дня рождения Кайла Падрона. Всех, кроме Николь. Она уже не принадлежала этому миру.

Ники старалась изо всех сил, чтобы ее с каждой минутой все ухудшающееся настроение было не слишком заметно окружающим. Но праздник был для нее безнадежно испорчен. Впрочем, она знала, на что шла. Лишь бы не испортить настроение Кайлу.

Кайл же был весел и говорлив, как и положено гостеприимному хозяину. Всем уделял внимание, со всеми находил, о чем поболтать и посмеяться. Ник же досталась лишь пара улыбок да один воздушный поцелуй. Хотя, возможно, это и к лучшему.

— Слушай, я же тебе еще не показывал свои трофеи!

Ник вздрагивает. И от неожиданности, и от того, что при слове «трофеи» представляет себе очередную «секс-бомбу» из рабочей обоймы Кайла Падрона.

— Какие еще трофеи? — спрашивает осторожно.

— Давай, я тебе лучше покажу, чем буду рассказывать!

У нее даже шанса не появилось отказаться от просмотра неведомых «трофеев» — он попросту схватил ее за руку и потащил куда-то вниз по лестнице, под палубу, на которой и происходило, собственно, празднование.

Оказались они в итоге в кают-компании, перед одной из стен, обшитой деревом, на которой красовалось чучело здоровенной рыбы.

— Ну, я думаю, ты и сама догадалась, кто это, — с легким оттенком совершенно непонятной Ник гордости произносит Кайл.

— Не помню, чтобы нас познакомили когда-либо, — хмуро отвечает Ник. Ей еще для полного счастья не хватало только просмотра рыбных чучел.

— Ты что?! — Кайл искренне недоумевает. — Это ж королевская макрель! Двадцать пять килограмм! Я ее сам поймал, два года назад!

— Впечатляет, — Ник изо всех сил пытается изобразить интерес и восхищение.

— Это что! — Кайл между тем преисполнен энтузиазма. — Вот тут у меня белый марлин, ох, я с ним намучился! — хватает Ник за локоть. — Пойдем, покажу.

Что делать, приходится идти, восхищаться беднягой марлином, имевшим несчастье попасться Кайл Падрону на крючок.

На третьем по счету чучеле морского обитателя терпение Ники заканчивается, и она пытается перевести разговор в иное русло.

— Понятия не имела, что ты такой заядлый рыбак. В тебе бездна талантов, Кайл!

— Я вырос на острове, — пожимает плечами Кайл. — Там каждый второй рыбак. Я все детство провел с удочкой.

— Ты полон тайн и сюрпризов, дорогой именинник, — помимо воли Ник, в ее голос просачивается сарказм.

Кайл этот сарказм игнорирует.

— А кстати... дорогой именинник что-то не припоминает, чтобы слышал тост в свою честь от прекрасной блондинки рядом.

— Ты был постоянно занят, — пожимает плечами Ник, стараясь, чтобы ее голос не звучал обиженно. Кайлу же этот ее жест позволяет в открытую любоваться тем, что так любезно оставил обнаженным шелковый сарафанчик Николь.

— Сейчас мы это исправим, — он наконец-то отрывается от созерцания идеальных оголенных девичьих плечиков. — Никуда не уходи, я скоро!

Вернулся быстро, Ник едва успела найти точку в кают-компании, максимально удаленную ото всех пучеглазых чучел — никакой красоты она в них не находила. Кайл сунул Ники в руку бокал с шампанским, уставился ожидающе.

— Итак? Я весь внимание.

Ник задумчиво вертит в руках бокал. Ничего умного в голову не приходит, увы.

— За удачу, Кайл. Желаю тебе удачи.

— Отлично! — он воспринимает ее тост с большим энтузиазмом, как будто она сказала нечто действительно выдающееся. — Удача — это то, что мне сейчас очень нужно! Просто-таки жизненно необходимо!

Тоненько звякает хрусталь, Ник отпивает глоток холодного шампанского.

— До дна, до дна! — Кайл перехватывает ее руку, не давая опустить бокал. — За удачу надо пить до дна!

Приходится выпить до дна.

Кайл, как ни в чем не бывало, продолжает экскурсию. Покончив с чучелами, показывает Ник бортовой журнал, смысл и назначение которого Ники улавливает слабо — у нее отчего-то начинает кружиться голова, накатывает слабость. Делать вид, что все в порядке, становится все труднее.

— Ник, что с тобой?

— Кайл, ты меня извини, — даже собственный голос ей самой кажется слабым, — но что-то я себя неважно чувствую. Вялость какая-то... как будто в сон клонит...

— Перебрала шампанского, наверное, — быстро отвечает Кайл.

— Да нет, — говорить становится все труднее, — это был всего второй бокал.

— Ну, наверное, перелет сказался, смена часовых поясов. Знаешь что, Ник? — Кайл деловит. — Ты приляг, отдохни немного. Уверен, тебе тут же станет легче.

Да нет, какой там «приляг»? Ей надо возвращаться хотя бы к Кайлу в квартиру, и там уже лечь спать. Но пока она собирается с силами, чтобы донести до Кайла такую сложную мысль, он уже успевает привести ее в небольшую каюту. И находящаяся там узкая кровать кажется Ник безумно притягательной. И на эту кровать Ники почти падает — Кайл успевает подхватить ее, и затем бережно опускает на синее покрывало. Когда ее голова касается подушки, глаза Ник закрыты. Она спит.

Больше всего сейчас ему хочется присесть рядом и смотреть на это безмятежное спящее лицо. Но — нельзя. Дел и хлопот еще куча. Через полтора часа он должен выйти в море.

— Джул, Ник в спальне. Посмотри, пожалуйста, как она. Все ли в порядке.

— Хорошо. Быстро она заснула?

— Вроде бы да. Зеки видел?

— Кажется, он с Тони, на корме. Ладно, я пошел к Ник.

— Давай. А я к Зеки.

— Зеки, аккуратно сворачивай вечеринку. Намекни там всем, что пора и честь знать.

— Что, положил спящую красавицу в гроб хрустальный?

— Знаешь, я уже сто раз пожалел, что рассказал тебе о своих планах!

— Да ладно! — фыркает Кампос. — Во-первых, ты бы без меня и Джула не справился. А во-вторых, у тебя не должно быть секретов от своего гоночного инженера.

— Ну, раз ты в доле — иди, отработывай! Без четверти одиннадцать я должен отчалить.

— Хорошо, — кивает Эзекиль, — только имей в виду, Падрон...

— Что еще? — раздраженно вздыхает Кайл.

— Если ты не договоришься с Ник... или, не дай Бог, обидишь ее... помимо штурмана, ищи себе еще и нового гоночного инженера на следующий сезон!

— С ума вы все посходили, что ли?! — впрочем, возмущение Кайла достается удаляющейся спине Кампоса.

Огни Монакского порта остались позади. Впереди — темное полотно моря, и звездный ковер над головой. Он любил выходить в море ночью. Устал, конечно, но пару часов у штурвала он еще постоит, наслаждаясь гладким скольжением корабля по волнам, мерным урчанием итальянского мотора — сегодня не до лотереи с парусами и ветром. Может быть, завтра?..

Ох, что же будет завтра, когда Ник проснется? Нет, об этом лучше не думать сейчас. Все равно готовых ответов на ее вопросы у него нет. Завтра видно будет.

А пока он постоит немного у штурвала, а потом бросит якорь. Как истинный гонщик, он абсолютно не доверял автопилоту, хотя тот и был установлен на яхте. Лучше он поспит часов пять-шесть, а потом они снова двинутся в путь. При таком раскладе следующим вечером они должны достигнуть пункта назначения.

Ник проснулась все с тем же ощущением головокружения, что и перед тем, как она заснула. Она открывает глаза, головокружение от этого только усиливается. Ощущение качки — вверх-вниз, вверх-вниз. Хотя... отчего же ощущение? Ник резко садится, чтобы тут же со стоном упасть на кровать. Но пару очевидных выводов она успевает сделать.

Она на яхте Кайла, это совершенно точно. Она узнает эти стены, обшитые деревом. И, судя по раскачиванию этих стен, яхта куда-то плывет. И Ник... Ник тоже плывет вместе с этой чертовой яхтой! Как же она так вчера умудрилась?

Не повторяя своей давешней ошибки, медленно и осторожно садится на кровати. Взгляд ее падает на тумбочку рядом. В специальном держателе — бутылка минеральной воды. Мой Бог, как же кстати!

После полбутылки минералки самочувствие признается достаточно удовлетворительным, чтобы встать на ноги и предпринять попытку найти владельца судна. Чтобы сказать ему, что у него на борту безбилетный пассажир.

Шелковый сарафан безнадежно измят, на голове наверняка черт знает что, но Ник старается об этом не думать. Все это пустяки по сравнению с тем, что произошло. И с тем, где она сейчас находится.

Бронзовокожий смолянокудрый римский бог стоял у штурвала. Облачен бог был все в те же неизменные выгоревшие на солнце светло-серые шорты и в тон им серую бандану. И более ничего. Ну разве что еще прищур глаз, как у истинного морского волка, да небрежная уверенность в кистях рук на дереве рулевого колеса. И еще совершенно не по-божески заклеенный пластырем указательный палец на правой руке.

Ник даже на какое-то время забыла о своих проблемах, пораженная красотой и гармоничностью открывшейся картины. Что за человек Кайл Падрон, что, держась за любой руль, он выглядит как властелин мира?!

Судорожно цепляясь одной рукой за поручень, она осторожно пробиралась вдоль правого борта, пока не поравнялась с Кайлом. Окликнуть его не успела — он сам повернул голову в ее сторону. Улыбнулся — слегка, самым краешком губ.

— Привет. Проснулась? Как себя чувствуешь?

Все предыдущие мысли разом вылетают из головы. Так Кайл в курсе, что она на яхте? Он знал, и все равно отправился куда-то по своим делам? А она почему-то сразу решила, что он каким-то образом забыл про нее. Так, и что все это значит?

Предусмотрительно захваченная бутылка с водой дает ей еще пару глотков и время на размышление, пока Кайл задумчиво созерцает горизонт.

— Кайл?

— Да?

— Что происходит?!

— Мы плывем на моей яхте. Она называется «Stella Marina».

Изначально это парусное судно, водоизмещение...

— Падрон! Какого черта я тут делаю?! Я не помню, чтобы собиралась с тобой в плавание!

Кайл вздыхает. Начинается самое трудное. На его стороне одно — деваться Ник некуда. На этом, собственно, и строился весь расчет.

— Гхм... думаю, да, ты не планировала...

— И?

— Зато я... планировал.

— ПАДРОН!?!

Очень громко. Он даже не помнит, чтобы Ник ТАК орала на него. Как разговаривать с такой Николь, он не знает, а потому — молчит.

Молчит до тех пор, пока Ники, кипя от злости и напрочь забыв о беспокоившей ее качке, отрывается от поручня и встает аккуратно перед рулевым колесом, с другой стороны, напротив Кайла.

Некоторое время проходит в молчании и поединке взглядов.

— Я жду объяснений, Кайл.

— Ники... ты загораживаешь мне обзор, знаешь ли...

Она даже сразу не находит, что ответить на это возмутительное заявление.

— Я? Закрываю тебе обзор? — она оборачивается и оглядывает взглядом безбрежный горизонт. — Неубедительно, Кайл, — и, затем, уперев для равновесия руки в бедра: — Повторяю свой вопрос: куда направляется эта чертова посуда? И что на ней делаю я?

— Мы направляемся в сторону одного из многочисленных островов Адриатики. Остров принадлежит моему другу, и он мне позволил этим островом воспользоваться.

Ник переваривает полученную информацию. Хоть что-то. Но все равно — ни черта не ясно!

— А зачем туда направляюсь я?

Кайл еще раз вздыхает, горше прежнего. Сейчас он получит по полной программе.

— Николь, нам надо поговорить.

— Говори.

— Вот доберемся до места и поговорим.

— Объясни мне, Кайл, — Ник снова начинает закипать, — ради чего такие сложности?

— Судя по рассказам Макса, ты не настроена на диалог. А я вот настроен на диалог. Решительно настроен. Поэтому — мы будем разговаривать. Тебе придется разговаривать со мной.

— Ах, вот как?! — она не говорит — шипит.

— Ах, вот так.

— Ты в курсе, как это называется?! — Ники снова срывается на крик.

— Ну, просвети меня, — в противовес ей Кайл демонстративно спокоен.

— Это называется — похищение людей! Ты меня похитил и тащишь куда-то помимо моей воли! — Ник негодуяще наставляет на Кайла бутылку с водой.

— Ну да... — с показной безмятежностью соглашается Кайл. — Как голова? Сильно болит?

— При чем тут моя голова?! Не меняй тему! — но потом она вдруг вспоминает, как неожиданно отключилась вчера. И вопрос про головную боль. И предусмотрительно оставленная бутылка с водой у кровати. Втягивает в себя воздух со свистом. — Ты что, опоил меня вчера чем-то?! Да ты!.. Ты!.. У меня просто слов нет!

— Спокойно! — защищается Кайл. — Таблетки мне Джул посоветовал. И он потом проверил, что с тобой все в порядке!

— Джул?! — неверяще взывала Николь. — Да вы с ума сошли! Вы бандиты, вот вы кто такие! Это же преступный сговор! Похищение людей! Разбойники! Натуральные разбойники!

Кричащая, кипящая от негодования Ник — это нечто совсем новое для Кайла. Надо как-то выкручиваться, надо отвлечь ее.

— Знаешь, я в детстве частенько таскал яблоки из соседского сада.

— Что?

— Яблоки, говорю, воровал у соседки. А еще котенка стащил у кухарки нашего священника. Уж больно у него окраска редкая была. Я такой никогда не видел.

— Ты это все к чему рассказываешь? — Ник все еще хмурится, ну хоть не орет.

— К чему, к чему... — пожимает плечами Кайл. — К тому, что у меня с детства преступные наклонности.

— Очень смешно! — фыркает Ник. — Я звоню в полицию!

— Звони. Только сотовой связи здесь, увы, нет.

Ник отвечает ему фразой, в которой затейливо переплетены shit, fuck и Кайл. Впрочем, капитан пиратского судна даже бровью не повел. Само спокойствие.

Теперь уже очередь Ники обреченно вздыхать.

— Ну, и чего ты добиваешься?

— Поговорить.

— И ради этого ты везешь меня неизвестно куда? Против моей воли?

— Ты не оставила мне выбора, — Кайл отвечает неожиданно мрачно.

— Ах, это я виновата?! Да иди ты к черту!

Она резко поворачивается, едва не потеряв равновесие. Уйти, гордо задрав подбородок, не получается. Во-первых, эта чертова качка. А во-вторых... Ники еще раз вздыхает. Ситуация нелепая до абсурда, но

в одном Кайл прав. Она не дала ему шанса обсудить ее решение. Решение, которое, как ни крути, затрагивало их обоих.

— У меня даже вещей нет, — сердито бросает она ему, дойдя до поручня.

— Почему же нет? — хмыкает Кайл. — Там, у кровати... Разве не заметила? Там сумка с твоими вещами. Я из квартиры забрал.

Этим он ее добил окончательно.

— Ты действительно полон тайн и сюрпризов, дорогой именинник! — с этими словами Ник обессиленно сползла вниз по борту и уселась прямо на теплую палубу. Выдохнула устало: — Ты еще и ворюга, Падрон.

Он плутовато усмехается.

— А я тебе о чем толкую? Говорю же — клептоман с детства.

Ник со стоном утыкается лбом в колени. Плечи ее вздрагивают.

— Ник, Ники, — он щелкает чем-то на пульте управления, бросает штурвал, пара шагов — и он опускается рядом с ней на колени. Быть так рядом и держать руки при себе невозможно. Невесомо касается растрепанных волос. — Ники, ты плачешь?

— Не дождешься! — фыркает она, поднимая голову. — Вот еще — плакать из-за тебя! Я смеюсь! Только не обольщайся, — пресекает она попытку Кайла что-то добавить. — Это истерический смех!

— У тебя истерика? Не может быть! Только не у тебя, — у него подрагивают губы, но он старается изо всех сил быть серьезным. — Я не верю.

— Дело твое! — огрызается Ник и делает то, о чем давно мечтала — показывает Кайлу грубый, неприличный и очень уместный в данной ситуации жест. А потом, пока Кайл потрясенно созерцает выставленный ему средний палец, еще и язык ему показывает. И обиженно отворачивается.

А если бы не отвернулась, то увидела бы, что видение розового влажного язычка оказало на Кайла совсем не то действие, на которое это детский хулиганский жест был рассчитан.

Кайл прокашливается.

— Ну, раз ты настаиваешь... что у тебя... хм... истерика, то, может быть, принести тебе... выпить чего-нибудь?

Николь резко поворачивается.

— Выпить? Нет уж, спасибо! После того, как ты в последний раз предложил мне выпить, я отключилась!

Кайл морщит нос и корчит ехидную гримасу. За что и получает в лоб. Самым натуральным образом.

— Больно, — охает.

— Чему там болеть? Одна кость, мозга нет!

— Ну, знаешь! — Кайл легко поднимается с колен. — Пойду-ка я к штурвалу... пока мы никуда не врезались. — И, уже стоя у руля: — Хулиганка!

— Бандит!

Он усмехается. Кажется, самое страшное он пережил.

Глава 21. Где-то на просторах Адриатики. Точные координаты от автора скрыли, увы

«Что ж, съезжаться, пустые мечты?
Или это есть кровная месть городам?
Покатались колеса, мосты
И сердца, или что у них есть еще там»

В.С. Высоцкий. «Песня о двух красивых автомобилях»

Есть такие ситуации, когда злиться долго невозможно, даже при наличии сильного желания.

Ник спустилась обратно в каюту, в которой провела ночь. Переоделась в шорты и футболку, упаковала измятый сарафан в сумку. Твердила себе: «Меня везут куда-то без спросу. Меня напоили снотворным. Мои вещи взяли без разрешения». Масса поводов для негодования.

Но когда она снова поднялась на палубу, негодование трусливо сбежало под натиском трех великих стихий: темно-синего моря, ярко-голубого неба и ослепительного солнца. Ник сощурилась на солнце, вдохнула соленый воздух и поняла: не может она злиться, когда вокруг так хорошо. Тем более что тренированный раллийными

перегрузками при разгонах, торможениях, резких поворотах и прыжках организм уже привык к качке и не мешал наслаждаться ровным ходом судна и бесконечностью моря и неба.

Кайла она чисто из вредности игнорировала, от предложения поесть отказалась, о чем, впрочем, потом пожалела. От предложения постоять у штурвала тоже отказалась, хотя очень хотелось. Но она не собиралась так быстро дать понять Падрону, что его возмутительный поступок в данный конкретный момент вызывает у нее чуть ли не чувство благодарности.

Потому что стоять у поручня и смотреть, как нос яхты режет безупречную гладь моря, взбивая ее в блистающие брызги, было именно тем, что ей, оказывается, сейчас и нужно. Она чувствовала себя частью этого бескрайнего и светлого пространства. Частью маленькой и, возможно, незначительной, но зато напрочь лишенной беспокойства и терзаний. А вместо них в душе поселились гармония и покой, пусть даже только на время.

К цели назначения они подошли уже на закате. И закат был хорош, играя всеми красками от золота до пурпура, и остров разворачивался перед ними, как опытная стриптизерша — показывая сначала темную зелень деревьев, потом светло-желтые пески пляжей и уж в конце, как и положено — белопенное тонкое кружево прибоя. Ник смогла бы насладиться этой красотой сполна, если бы не была так голодна.

На причал спрыгнула первой, качнувшись от непривычной устойчивости деревянных досок под ногами. Отошла на пару шагов, давая место Кайлу.

— Ну что, Робинзон, давай, корми свою Пятницу.

Кайл вздохнул.

— Дай мне хотя бы полчаса, Пятница.

Пока Кайл отпирал дом — весьма уютный на вид, при этом светлый и изящный, пока перетаскивал вещи с яхты на берег, Ник отправилась знакомиться с островом в компании с выданным ей в виде акта милосердия яблоком. Не собиралась она помогать Кайлу, привез ее сюда, не спросив ее желания — пусть сам все делает. Но ворчала она лишь из упрямства, магия этого места исподволь покоряла ее, и обратно к дому она вернулась совершенно неспособной ругаться с Кайлом. Коварный план Падрона начинал работать на него.

— Эй, Пятница! — окликнул он ее откуда-то из глубины дома. — Хочешь есть — иди, помогай!

За фото Падрона с полотенцем, повязанным поверх джинсов вокруг бедер, и здоровенным тесаком в руках папарацци продали бы душу. Если бы она у них была.

Но папарацци здесь не было. Была только Ник. И...

— Как ты режешь?

— Как, как? Ножом! — огрызается Ник. Ей в самых буйных фантазиях не представлялось, что она с Кайлом на кухне будет что-то готовить. И что он ее будет пилить за то, что она что-то делает не так.

— Тоньше режь!

— Сам режь! — бросает раздраженно нож.

Кайл вздыхает, сдувая упавшую на глаза прядь волос.

— Иди хлеб порежь, что ли... Там трудно что-то испортить.

Послать бы его ко всем чертям, но есть очень хочется! И Николь идет терзать хлеб. И исподтишка наблюдает за тем, как загорелые длинные пальцы смыкаются вокруг ручки ножа. Все так же уверенно, как и на руле. И на быстрые точные движения, которыми он пытается исправить то, что натворила с овощами Ники.

— Ты не только рыбак и бандит с большой дороги...

— Тогда уж не бандит, а пират, — со смешком поправляет ее Кайл, отправляя порцию ажурно нашинкованного разноцветья в салатницу.

— Пират, — соглашается Ник, — и еще работорговец. Да ко всем этим талантам еще и повар, — и язвительно добавляет: — Ты полон сюрпризов, дорогой именинник.

— Я сегодня уже не именинник, — Кайл мигрирует к плите, переворачивает мясо. — А что касается повара... Не могу сказать, что я мега-талант в этой области. Просто у нас в семье приготовление пищи — это нечто вроде культа... или искусства. К которому я, впрочем, был всегда равнодушен, предпочитая другие забавы.

— Да? А так и не заметно, — Ник кивает в сторону плиты. — Пахнет обалденно. Что, гены проснулись?

— Не знаю, — усмехается Кайл. — Думаю, дело, скорее всего, в том, что за все мои детские проказы меня часто ссылали на кухню — помогать бабушке. А уж она была повариха от Бога. Так что, наверное, что-то она все-таки сумела в меня вбить.

— Жду не дождусь, когда смогу это оценить, — вздыхает Ник. Это у нее получается настолько жалобно, что Кайл едва подавляет в себе желание подойти и чмокнуть ее в макушку. Проголодалась, упрямая девчонка.

Ужинали они на открытом воздухе, на веранде. Тихий шепот моря, легкий теплый бриз, мерцающее пламя свечей — самая что ни на есть романтическая обстановка. Только вот атмосфера за самим столом царила отнюдь не романтическая. Ник едва не загибалась от хохота, слушая истории времен зарождения спортивной карьеры великого Падрона. Как это не вязалось одно с другим — запредельно гордый Кайл и эти забавные эпизоды, полные самоиронии и насмешек над тем самым собой, юным и болезненно амбициозным. Но это было. У Ник уже не было сил смеяться.

— Ты все сочиняешь! Этого не может быть, — простонала она, вытирая слезы.

— Честное слово. Все так и было, — Кайл довольно улыбается, отпивая вина и наблюдая за веселящейся Ник. — Я так и выскочил из машины с рулем. Механики потом долго ломали голову, но все равно не смогли понять, как я его умудрился голыми руками за секунду выдрать из гнезда крепления...

— Ой, хватииит... — Ник шмыгает носом. — Перестань! У меня уже щеки болят.

— Вот так говоришь чистую правду — а тебе не верят, — не сдается Кайл.

— Верю, верю... — отмахивается Ник. И переводит разговор в другое русло: — Ты мне лучше скажи, Падрон, почему ты Падрон?

— Не понял? — вопросительно выгибает бровь Кайл.

— Ну не итальянская же фамилия! — поясняет Ники.

— А, ты про это... Случайность, не более. В одной из гонок мою фамилию переврали. Вместо «Падрони» в итоговом протоколе написали «Падрон».

— И что? Нельзя было исправить?

— Можно, — пожимает плечами Кайл. — Только эта фамилия значилась в протоколе на первой строчке. Я выиграл ту гонку. Первую в своей спортивной карьере гонку. И поэтому я решил — раз выиграл Падрон, то...

Ники усмехается.

— Да, глупо, я знаю, — Кайл раздраженно морщится. — Но я тогда особым умом не отличался. Да и суеверен был...

Почему же был? Безусловно, поумнел, но по-прежнему суеверен. Чего стоят их ритуалы перед гонкой — на удачу. Ох, лучше об этом не вспоминать! Как же ей этого не хватает — его горячей, твердой, с камешками мозолей от руля ладони, сжимающей ее руку. И губы —

тоже горячие, твердые и необъяснимо нежные. И когда же она успела это оценить — поцелуй был кратким, почти мимолетным? Но помнила — помнила так ясно, четко, буквально и... Да что же за время она выбрала, чтобы вспоминать об этом?!

— Значит, ты на самом деле — Падрони?

— Угу. Отец меня чуть не убил за смену фамилии, — вздыхает Кайл. — Полгода со мной не разговаривал.

— Имя у тебя тоже не очень-то итальянское, насколько я могу судить...

— В честь шведского деда назвали, — хмыкает Кайл.

После вкусной еды и интересной беседы Ник заснула безмятежно и спала крепко, чего бурное начало утра никак не предвещало.

А вот следующее утро началось не менее бурно. С яркого солнца, ее яростных протестов, неумолимого Кайла... и с рыбалки, черт ее дерит!

Впрочем, от рыбалки Ник смогла почти что отпереться. Попросив Кайла показать, как яхта ходит под парусом. Это было необыкновенно красиво. И она все-таки встала за штурвал, хотя потом об этом пожалела. Потому что сзади стоял Кайл. Касался грудью ее спины. Дышал в ухо, давая ей пояснения по управлению яхтой. Накрывал ее пальцы своими, показывая, как поворачивать рулевое колесо и держать курс. В общем, довел Ник до того, что она вздрагивала даже от дуновения ветра, не говоря уж о его присутствии рядом. Из-за штурвала при первой же благоприятной возможности сбежала, вместо этого пыталась исполнять команды Кайла по управлению парусами. Получалось это у нее скверно, зато от Кайла она была хоть на каком-то расстоянии.

Они один раз обошли вокруг острова, а потом Кайлу приспичило рыбачить. Ник отпиралась от этого сомнительного, с ее точки зрения, удовольствия всеми возможными словами и жестами с отчаянием обреченного. Кайл посмеялся, но отстал, и они разошлись по разным бортам — Кайл рыбачить, Ник загорать. Однако, перед тем, как разбрестись, Кайл строго велел Ник намазаться кремом, дабы не обгореть. И ее возражения о том, что она месяц жарилась под солнцем в Аргентине, он проигнорировал. Правда, не нашел в себе сил предложить свои услуги — не верил себе уже ни на грош.

А потом этот рыбак еще и купаться решил. И не успела Ник ахнуть, крикнуть или испугаться — он стремительной изогнутой стрелой сиганул с поручня, побалансировав на нем пару секунд, как заправский акробат. Взметнул облако брызг и ушел под воду, чтобы,

спустя несколько томительно-долгих мгновений, вынырнуть, отфыркиваясь. И уплыть куда-то прочь от яхты.

Дельфин чертов! На счастье Кайла, он не слышал, какими именно словами она его костерила, пока ждала, когда он вернется. А когда вернулся, стало еще хуже. Сверкающие капли воды на смуглой коже. Мышцы рук и груди, ставшие особенно рельефными, когда он подтягивался к поручню. Потемневшие от воды и облепившего его просто до неприличия мокрые шорты. Так, не смей пялиться! Смотри в лицо!

Собранные водой в стрелы длинные темные ресницы и светлые серые глаза, искрящиеся весельем. Поддрагивающие в напрасной попытке сдержать смех губы. НЕ СМО-ТРИ!

— Хочу назад, — только и смогла она буркнуть, отворачиваясь.

— Слушаюсь, госпожа, — Кайл откинул мокрые волосы от лица и отвесил Ник шутовской поклон. Поклон достался спине Ник, что Кайла нисколько не расстроило. Зато он сумел безнаказанно рассмотреть округлую попку, потому что на Ник в кои-то веки было надето то, что не напоминало покроем мешок. Не смотри, идиот, на тебе мокрые шорты! НЕ СМО-ТРИ!

— А ты сама не хочешь искупаться? — голос звучал хрипло.

— Здесь? Я не хочу утонуть! И, потом, у меня купальника нет, — дернула плечами Ник, не оборачиваясь.

НЕ ФАН-ТА-ЗИ-РУЙ!

Пока они возвращались и причаливали, он худо-бедно пришел в себя. Чтобы потом снова начать самоубийственное...

— Но здесь-то мелко. Можно и искупаться.

Они сидят на пляже в компании корзины с фруктами. Жарко, ничего другого и не хочется. В плане еды, разумеется, только.

— Я же тебе сказала — у меня нет купальника. Как ты мне так сумку собирал? — она еще и ехидничать пытается.

— Ну и что? — Кайл очень натуралистично равнодушно пожимает плечами. — Здесь ни одной живой души, кроме тебя и меня.

— Это-то и беспокоит, — неосторожно отвечает Ник.

— Беспокоит? Ой, не смей меня! — собственные невесть откуда взявшие актерские способности изумляют его донельзя, но он продолжает, покровительственно глядя на Ник: — Ты знаешь, сколько девушек я видел без... купальников? И вообще, — проникновенно, — без всего. Вряд ли ты меня сможешь шокировать. Так что, считай, что меня здесь нет — раздевайся и купайся.

На последних словах голос его едва не подвел. Ник продолжала недоверчиво смотреть на него.

— Неужели боишься меня, Ники?

— Вот еще! — фыркнула презрительно.

Что и требовалось.

— Говорю же — меня нет! — демонстративно закрыл лицо ладонями. Потом и вовсе перевернулся и уткнулся ладонями и лицом в песок. И оттуда уже, немного глухо, но вполне разборчиво: — Иди, купайся, трусиха!

За «трусиху» он получил пригоршню песка на спину. А потом, спустя пару минут — чуть слышный шорох. Она встала, отошла в сторону. Кайл весь превратился в слух.

И когда уже не мог больше томиться неизвестностью — чуть приподнялся на локтях и повернул голову. Ну, и глаза открыл, разумеется.

Значит, решил взять ее на «слабо»? Он, такой весь из себя опытный и раскрепощенный, а она — закомплексованная и стеснительная дурочка? Как бы ни так!

В нее бес вселился, не иначе! Но она не дала себе времени на раздумья и сомнения, в кои-то веки поступками руководила какая-то доселе ей неизвестная часть личности — буйная и с непонятными желаниями.

Быстро скинула футболку, шорты. И застыла, потрясенная, осознав, что стоит на берегу моря почти обнаженная, в одних только трусиках. Кожу ласкали лучи солнца, чуть заметный ветерок прохаживался по ней, как рука... Она вздрогнула и, не удержавшись, обернулась. Кайл неподвижно лежал на животе, уткнувшись лицом в песок. Вот же скотина! Ну, ему же хуже. И, осторожно ступая по горячему песку, она пошла к морю.

И кому он сделал хуже? Только не Ник, точно! Тонкий силуэт на фоне яркого неба. Изящный изгиб бедер, переходящий в идеальные ножки. И все это так соблазнительно покачивается, пока она неторопливо шагает к кромке воды, на ходу закинув вверх руку и поднимая от шеи волосы. А какой при этом должен быть вид спереди!.. В горячий песок под бедрами упирается не менее горячее следствие его идиотской провокации Ник. Черт, неприятно, почти больно!

Резко вскочив, он, не оглядываясь, быстро уходит в дом. Все, что ему нужно сейчас — это холодный душ. И пара подзатыльников.

Ее разочарование тем, что его не оказалось на пляже, было ощутимым, как холодный душ. Хотя... все к лучшему. И чем она только думает?!

Был в рыбалке все-таки и один плюс — на ужин у них была фантастически приготовленная рыба.

— Кайл, — Ник задумчива. Сегодняшний день показал, что их дальнейшее совместное пребывание на острове может принести кучу проблем. И надо уже делать то, ради чего они здесь оказались. Кайл хотел говорить? Значит — надо начинать говорить. — Ты не думал о том, что меня потеряют? Телефон не отвечает, где я, никто не знает. Дядя будет переживать.

— Не будет, — неохотно отвечает Кайл. — Макс в курсе, что ты со мной. Он скажет Лавиню. И, — он предупреждает вопрос Ник, — они считают, что ты сама со мной уехала. Вроде как отдохнуть.

Ник качает головой.

— Шито белыми нитками, Кайл. Кто поверит, что я поеду с тобой отдыхать?

— Да мне все равно! Главное, что Лавинь в курсе, что ты со мной и волноваться не будет.

— Ты не знаешь моего дядю, — усмехается Ник. — Теперь он будет волноваться еще больше. Он, знаешь ли, считает тебя чуть ли монстром, — заканчивает Ники совсем уж невесело.

— Я знаю, — так же уныло отвечает Кайл. Подумав, добавляет: — У него есть основания так считать.

Какое-то время они молчат. Потом Ник все же решается.

— Кайл, — осторожно, — ты хотел со мной поговорить?

Он не отвечает сразу. Просто собирается с мыслями. Да, хотел. И да — это нужно сделать. Но... то, что казалось довольно ясным, за последние пару дней запуталось не хуже сплетения патрубков на оппозитном моторе. Однако инициатор он, ему нужно объяснить Ник. Хотя бы попробовать объяснить, чего он хочет. Дьявол, если бы он сам понимал!!!

— Ник, — он начинает банально — с немного театрального, но на самом деле — искреннего вздоха, — я не могу понять, почему ты отказываешься от своей судьбы. Ты ведь создана для этого, это твое! Ты лучший штурман из всех, что я встречал за свою карьеру. А я их повидал немало, поверь мне. Да и это даже не мое мнение, так считают не только в команде, а все! — Ник молчит, а он начинает горячиться. — А ты думала, скольких человек ты подвела? Ведь они

все на тебя рассчитывали: Макс, Тони, Керт! Профессор вообще в тебе души не чает! А ты их бросила! О них ты не подумала?

Ник сердито сверкнула глазами, но промолчала.

— Черт, Ник, тебе же тоже плохо! Я не слепой, я видел там, на яхте, во время вечеринки! Как ты на них смотрела! Тебе без нас тоже плохо, очень плохо! Объясни мне, черт побери, что происходит! Ради чего это?! Ради чего ты предала людей, которые ценят и любят тебя? Почему ты покинула их? — выдохнул и все-таки добавил: — И меня?!

Он бьет целенаправленно, он говорит правду, болезненную правду. И он слишком многое понимает! И ответить у нее не получается — потому что комок в горле и отчаянно боится, что, как только начнет говорить — заплачет.

— Неужели тебе нечего мне сказать? — продолжает давить на нее Кайл. — Не собираешься сказать, ради чего ты разрушаешь свою жизнь и жизнь других людей? Нет? Тогда я предположу!

Он разозлился — ее молчание говорило ему о многом.

— Кто он, Ник? Кто этот парень там, в Аргентине? Который не дает тебе заниматься тем, ради чего ты создана? И который держит тебя при себе?

Он ее изумил настолько, что она смогла все-таки ответить. Хрипло, негромко и односложно, но смогла.

— Что?!

— Не притворяйся, что не понимаешь!!! У тебя там есть кто-то в Буэнос-Айресе! Черт, Ник!

Она снова молчит, потрясенная. Вот, значит, как он это понял... Что же... Почему бы и не так? Любая версия лучше, кроме правды.

А он принимает ее молчание как подтверждение своим словам. И усидеть на месте, конечно же, не может.

Метнулся рассерженной кошкой с веранды вниз по ступенькам, затем вернулся обратно. Волосы взъерошены ветром и нервными пальцами.

— Ник, — начал через силу, сглотнув комок в горле, — я понимаю... Я понимаю, что ты его... что он тебе... дорог. Раз ты вернулась к нему и отказалась от всего, что так важно для тебя.

Он решается посмотреть ей в глаза и видит, как они влажно блестят. Diablo, diablo, diablo!!! Единственный раз он видел ее слезы, тогда, в Монако, на балу. А теперь она снова готова разрыдаться из-за какого-то там неизвестного Кайлу идиота! Только Кайл имеет сомнительное,

но эксклюзивное право доводить Ник до слез, только Кайл! Он уже заочно ненавидел этого недоумка. Но Ники этого нельзя дать увидеть!

— Ник, послушай! — он собирает волю в кулак. — Он должен понять, если он тебя любит! Как это для тебя важно. Наверняка твой парень как-то связан с автомобилями, я просто не представляю, чтобы было иначе. Мы найдем ему работу в команде, — тут ему делается совсем тошно при мысли о том, что они будут у него постоянно перед глазами. Вдвоем. Но он себе не позволяет сосредоточиться на этом.

Подходит к ней, приседает, берет за руки. Лицо ее близко, полные слез глаза. Ни черта он не понимает, и накатывает ощущение неизбежного провала. Но он продолжает:

— Уверен, что мы сможем что-то подобрать для него. Какую-то работу в команде. И вы будете вместе. И тебе не надо будет уходить из команды, — ему самому не нравится то, что он говорит, но он упрямо не останавливается: — Ник, пожалуйста. Все решаемо. Только не надо уходить из команды. Я прошу тебя.

Он ее режет. Рвет. Ломает. Вырывает душу по живому каждым словом. Она не может ничего сказать. Первая соленая капля повисает на ресницах и срывается, когда она едва заметно качает головой. Отрицательно.

Кайл раздраженно выдыхает. И все-таки срывается на крик.

— Неужели ОН этого стоит? Неужели?! Он! Этого! Стоит?!

Она кивает. На этот раз согласно. Слезы уже расчертили дорожками ее щеки.

— Он стоит всего на свете. Он самый лучший.

Кайл вздрагивает как от удара.

На остатках душевных сил поднимается, заставляя его сделать то же самое. Стоят друг напротив друга. Блестящие от слез голубые глаза. Сверкающие электрическими разрядами гнева серые. Ник дрожащей рукой размазывает влагу по лицу. Она проиграла все, надо уходить, бежать, пока не сдалось последнее, что у нее осталось — гордость. Тихо, с усилием выговаривая каждое слово:

— Поверь мне, Кайл. Так будет лучше... Я точно знаю.

Ее торопливые шаги звучат во влажной ночной тишине похоронным маршем его надеждам. И ее мечтам.

Глава 22. Все та же прекрасная Адриатика

«Чтоб не было следов, повсюду подмели...
Ругайте же меня, позорьте и трезвоньте:
Мой финиш — горизонт, а лента — край земли, —
Я должен первым быть на горизонте!»

В.С. Высоцкий. «Горизонт»

Тогда, на яхте, она ему сказала, что не собирается плакать из-за него. Может, тогда и не собиралась. А вот теперь — не могла сдержать слез. Даже не слез — рыданий, глухих, отчаянных, в подушку.

Все было намешано в них — и перехватывающая дыхание боль от безответной любви, и презрение к себе и к своей готовности уткнуться лицом ему в шею и признаться в своих чувствах, несмотря ни на что, и сожаление, почти детская жалость о том, что все так непоправимо испортилось в профессиональной жизни — и в ее, и в его.

Она плакала долго, а успокоилась внезапно. Всхлипнула тихо пару раз. Что ж теперь, дальше себя мучить смысла нет. Завтра она заставит Кайла увезти ее отсюда. Она знала, что сможет его убедить, знала это со спокойной обреченностью лишённого последней надежды. Ей терять уже нечего.

Он мерил шагами пляж вдоль и поперек. Песок преданно хранил дневное тепло, море тихо мерцало флуоресцентными переливами. Вокруг царила теплая южная ночь, а в душе Кайла бушевала ледяная буря.

Отчаяние. Страх. Безысходность. Он сполна выпил горький коктейль отказа. Наверное, впервые в жизни он НЕ добился от женщины того, чего хотел. А самое ужасное заключалось в том, что он сам толком не понимал — чего хотел.

Ник отказалась остаться в команде. Плохо, очень плохо. Но больно-то не от этого.

Он получил подтверждение своим предположениям. Тем самым, в которые очень не хотел верить. Где-то там, за океаном, в этом чертовом Буэнос-Айресе есть какой-то... какой-то козел, чтоб его! Он ничего не знал об этом неизвестном ему парне. Кроме одного — он его ненавидел! И всей душой хотел бы, чтобы он куда-то исчез, испарился, растворился.

Кайл с размаху плюхнулся на песок, зарылся пальцами в него поглубже. Набрал полную пригоршню и стал пересыпать из ладони в ладонь, наблюдая, как чуть поблескивают песчинки в лунном свете. На душе спокойнее не становилось, хоть ты тресни! А вместо этого в голове вдруг неожиданно возник вопрос. Что лучше? Чтобы Ник осталась в команде вместе с этим неведомым типом из Аргентины? Или черт с ней, с командой, но и в Аргентине ее никто не ждет, ну, кроме Лавиня, разумеется.

Какой бы вариант он предпочел, будь у него выбор? Ответ был быстрым и неожиданным для него самого. Но он вдруг понял: если выбрать, в качестве кого ему нужна Ник (а в том, что нужна, сомнений не было ни малейших), то... Ники-штурман ему была нужна, с ней он смог победить. Но если бы Ник была свободна... если бы не было этого парня... если бы у него был шанс на ее взаимность...

Кайл вскочил и опять принялся бродить по пляжу, загребая песок ногами. Взаимность? Слово было странным, непривычным, оно колелось, как цветы мордовника, которыми они любили кидаться в детстве. Но и отринуть его не получалось. Потому что... ему нужна ее взаимность! Но, увы... Он пнул ногой, взметнув маленький песчаный гейзер.

Вот если бы он был на месте того парня... Нет, ну вот какого черта?! Это ж кем надо быть, чтобы отпустить любимую девушку неизвестно куда?! И неизвестно к кому, злорадно добавил он про себя. Не видется месяцами, жить в разлуке. В том, что это парень никогда не приезжал на этапы, он был уверен. По крайней мере, в последние полгода, после Монако — точно. Вот если бы Ник была его... Он даже зажмурился, в напрасной попытке отгородиться от того вихря образов, которые вызвали у него это сочетание слов: «Ник — моя». Слегка усмехнулся этим бурным эмоциям, но очевидности собственных мыслей это не отменяло. Уж он бы так себя не вел,

точно. Нельзя отпускать любимую девушку, разрешая ей мотаться по всему свету, да еще в компании с такими подозрительными личностями, как он сам, например.

Кайл хмыкнул. Он бы свою девушку к такому типу, как он сам, и близко бы не подпустил. И уж тем более, не позволил бы ей проводить с ним так много времени, работать вместе, разговаривать, не позволял бы, чтобы этот тип развлекал ее, веселил, брал за руку, целовал...

Да он идиот!!!

Ведь у него были шансы! Отнюдь не мифические, а вполне реальные возможности! Где этот знойный аргентинец?! Да хрен его знает, где. Впрочем, известно где. Но Буэнос-Айрес — это очень далеко отсюда. А вот сам Кайл здесь. И Ник здесь. И... видимо, не так уж сильно она любит своего парня, раз могла спокойно жить с ним в разлуке столько времени. Если уходила с головой в работу, с удовольствием общалась с Кайлом. И где был этот парень, когда Ник попала в аварию? Да если бы Кайл узнал, что его любимый человек... что с ним неизвестно что... да нет такой силы, которая удержала его на месте! А этот?! Да он попросту недостоин Ники!

Кайл выдохнул. Шумно. Потом еще раз, но медленнее, еще раз. Решение, внезапное, абсурдное, завладело его существом целиком. Рациональная часть личности позорно спасовала перед этим натиском.

Ему все равно, пофиг, наплевать на всех и все, на доводы разума и на очевидную нерациональность того, что он собирался сделать. Одно Кайл знал твердо: если ты не знаешь, что делать — делай то, что у тебя получается лучше всего. Лучше всего он умел водить автомобили и соблазнять девушек. Из своего первого умения он уже извлек все, что можно, но и этого оказалось недостаточно, чтобы заполучить Ник. Значит, придется воспользоваться своим вторым талантом.

Он резко повернулся в сторону дома. Даже если она пошлет его... даже если пошлет его куда подальше... лучше откровенное «нет», чем неизвестность. Но он просто обязан попробовать... попытаться... пока у него есть хоть какой-то шанс.

Осторожно повернул ручку двери. Не заперто. А ведь двери всех спален в доме запираются изнутри, он знал это точно. Ник не ждет от него плохого, не боится его совершенно. А вот это напрасно, девочка

моя. Ох, как напрасно, таких, как он, надо очень сильно опасаться! И тихо, по-кошачьи он скользнул в комнату.

Ник спала, укрытая до плеч простыней. Лунный свет мягко серебрил ее лицо, отбрасывал причудливые тени на скулы, слегка очерчивал нежные губы. Еще есть время, чтобы передумать, остановиться, подумать о том, что он может услышать в ответ «Нет». Но он не передумает.

Встав на колени перед ее кроватью (это уже вошло у него в привычку, кажется!), легко касается пальцами ее лица, обводит контур губ. Ник чуть хмурится во сне этим прикосновением. Так, все, надо действовать, пока она не проснулась, и он не услышал горькое «Нет». Пока еще есть надежда на сладкое «Да».

Оказывается, он все это время помнил, какие они на вкус — ее губы. Помнил с того единственного, почти невинного поцелуя. Но сейчас о невинности можно забыть. В ход сразу же пошел язык, и вот он уже внутри, в теплом сладком плене ее рта. И останавливаться он не собирается, несмотря на то, что Ник охнула, просыпаясь.

Ни черта он не остановится. Все жарче, откровенней, интимней. Совсем не так, как надо целовать девушку в первый раз. Но она его не отталкивает, хотя и не отвечает. И первому отстраниться приходится все же ему, потому что банально заканчивается воздух в легких. Ее лицо перечерчено тенями, выражения глаз не видно, слышно лишь ее тяжелое дыхание. А ему все равно нечего сказать, один глубокий вдох — и поцелуй возобновляется. И снова глубоко, жарко, ненасытно. А когда ее язык робко касается его, Кайла дергает так, что он снова отстраняется. И тут она произносит слово. Единственное слово. Слово-ответ на его поцелуй. Не «Да». Но и не «Нет».

Жалобно, на выдохе:

— Еще...

У него «срывает крышу». И вот он уже сверху, языком внутри, руками по всему телу, судорожно выдирая оказавшуюся между ними простынь. На нем футболка и шорты, на ней — какая-то тоненькая маечка и микроскопические трусики. В общем, одежды — до фига!

На секунду прерывает поцелуй, лишь для того, чтобы стащить через голову футболку. Тянет вверх ее маечку.

— Кайл, что ты делаешь?..

Какой вопрос, такой и ответ. Со стоном.

— Не знаю! С ума схожу. Хочу.

Ее этот ответ вполне устраивает, и майка Ник улетает в темноту вслед за его футболкой.

Луна некстати спряталось за облаком, и стало темно. Не видно ни черта! Но ему и не надо. Он будет смотреть пальцами. Губами. Медленно, от беззащитно открытой его касаниям шеи вниз. Легкими поцелуями, мягкими прикосновениями языка. Вниз, дальше, к вершинкам нежных полушарий, навстречу ее выгнутой спине, тихим стонам и пальцам, запутавшимся в его отросших волосах на затылке. И еще дальше, еще вниз.

«Тише, тише, тише», — воркует он то ли ей, то ли себе. Но все перекрывает бьющаяся набатом в ушах кровь. Шелковый животик, изгиб бедра. Пальцы нетерпеливо ныряют под узкую резинку ее трусиков.

— Не надо, — тоненько, со всхлипом. Последняя попытка остановить его.

— Надо, — тихо, уверенно и вместе с тем — умоляюще. Его уже невозможно остановить.

Тянет вниз. Последним усилием воли не дает себе прикоснуться к ней там сразу, а вместо этого скользит губами вслед за мягкой тканью вдоль бесконечных ног, целуя каждый сантиметр кожи. У самого спина уже влажная от пота, он это чувствует. Как же сдержаться?! Нет, невозможно. Рванулся вверх.

Его пальцы дрожат в первом нежном и осторожном прикосновении. Ее бедра дрожат в напрасной попытке отказать ему. Нежность его пальцев побеждает напряжение ее бедер. Ее тело говорит ему «Да». Не просто говорит — кричит.

А он выдыхает ей что-то, подтянувшись вверх. Уговаривает жарким шепотом в ухо, оставив свои пальцы там. Все меньше деликатности, все больше нетерпеливых и жадных движений, в такт ее стонам и всхлипам. Затягивая все дальше и глубже себя и ее в этот омут наслаждения. И, наконец-то...

Она взрывается, выгибаясь вверх. Он принимает этот ее порыв всем телом, прижимает к себе, вжимаясь в нее, горячую, пульсирующую. Боже мой, ее наслаждение рвет все внутри, и подстегивает собственное. Как же он хочет ее! Немедленно!

— Ники, я не могу больше... — хрипит он. — Позволь мне...

Ответа он не дожидается, он сейчас будет брать то, что принадлежит ему! Мягкое, нежное, полное неги и томления тело.

Подхватывает ее под бедра. Сколько раз он это делал, но сейчас — как будто впервые.

— Кайл...

Дьявол! Только не это! Как бы не был он одурманен, он слышит эти, пропади они пропадом, предупреждающие интонации в голосе!

— Только не говори мне «нет», малыш! Пожалуйста.

Вот, он уже умоляет!..

Она прерывисто вздыхает. Просевшим, тихим и запинаящимся голосом:

— Просто... я... должна тебе сказать...

— Говори.

Ну, не время сейчас для разговоров! Он с трудом себя контролирует. Все в нем стремится к ней, тянется, туда, в нее!

Она еще раз вздыхает. Смешно шмыгает носом. А потом и вовсе утыкается ему лицом в шею и оттуда неразборчиво:

— Просто я подумала, что ты должен знать... Я... ммм... девственница, — и после паузы, полной лишь его шумного дыхания: — наверное.

Она все-таки умудрилась завладеть его вниманием целиком!

— Прости, я не понял? Что значит — наверное?

— Ну... вот так вот... — смущенно.

— Это как — вот так вот? — он приподнимается, требовательно заглядывает ей в лицо, пытаясь разобрать выражение глаз в темноте.

— Кайл, не заставляй меня рассказывать!!!

— У меня сейчас комплекс неполноценности образуется, — выдыхает он со стоном, упираясь влажным лбом ей в плечо. — Я до сих пор не предполагал, что можно быть «наверное девственницей».

— Прекрати! — она ущипнула его за бок, сама не своя от неловкости ситуации и разговора.

Кайлу хоть бы хны.

— Расскажи. Пожалуйста.

Она бормочет что-то под нос.

— Нииииик, — предупреждающе произносит он. — Рассказывай. Я жду. А ждать мне, — он прижимается к ней бедрами, — весьма непросто.

— Ну, просто у меня был... всего один раз, — смущенно выпаливает она. — Было адски больно, и мне не понравилось. Я заставила... хм... его остановиться. И теперь вот не знаю — закончил он или нет?! Доволен? — заканчивает раздраженно.

Кайл прислушивается к себе. Доволен ли он? Поймал себя вдруг на странной, парадоксальной мысли. Его чувства к Ник носили самый разный характер. Он безумно злился на нее в начале, потом она стала для него штурманом и другом. А теперь... Теперь, помимо полного букета непонятных чувств, которые буквально разворачивали своим напором грудную клетку, он еще и с ума сходил от ревности из-за того, что какой-то там козел трогал его девочку. Сделал ей больно, идиот безмозглый! Он даже ругнулся сквозь зубы.

— Кайл, — осторожно спрашивает Ник, — ты злишься, да? Из-за того, что я так... неопытна? Я не...

— Лучше молчи! — рычит Кайл.

— Кайл...

— Одно могу тебе сказать, солнышко, — он приподнимается, накрывает ладонями ее грудь. Смотрит ей в глаза, и Ник буквально задыхается от его взгляда. — Через минуту у тебя не останется ни малейших сомнений в том, что ты НЕ девственница.

И слово свое он сдержал. И сам сдерживался из последних сил, потому что его Ник действительно оказалась девственницей. Безо всяких там «наверное». И он очень не хотел, чтобы его она тоже «заставила остановиться». Он был нежен и нетороплив. Он дал ей время привыкнуть. Принять его. И лишь когда почувствовал, как ее бедра подаются ему навстречу, он дал себе волю. Делать и двигаться так, как ему хотелось с самого начала. Потому что сдерживаться дальше было уже невыносимо.

Глава 23. Все тот же порядком надоевший всем безымянный остров на просторах Адриатики

«Я знаю — мне не раз в колеса палки ткнут.
Догадываюсь, в чем и как меня обманут.
Я знаю, где мой бег с ухмылкой пресекут
И где через дорогу трос натянут»

В.С. Высоцкий. «Горизонт»

Ник потянулась, не открывая глаз. Прерогатива прекрасно выспавшегося человека, которому некуда торопиться. От ленивых движений поползла вдоль обнаженного бедра простынь. Ник резко распахнула глаза, осознавая последовательно:

Она совершенно голая...

Она провела ночь с Кайлом...

Сейчас она в постели одна...

А потом в память дробным горохом посыпались подробности, и каждая из них добавляла румянца на щеках и перебоев в дыхании.

Неожиданное, нежданное, но от того еще более восхитительное чувство телесного наслаждения. Никакой неловкости... почти. Никакой боли... совсем чуть-чуть. И, самое главное — чувство, неизведанное раньше чувство... близости... принадлежности кому-то. И этот «кто-то» — нежный, чувствующий, кажется, мельчайший нюанс непонятных даже ей самой эмоций. Как будто читает ее мысли, и это, тем не менее, не пугает ее. Наоборот — хочется открыться и довериться.

Это было удивительно. Тем более что ее первый и единственный раз оставил ощущение... отвращения и недоумения. И из-за этого другие поднимают столько шума? Непонятно. Или остальные — дураки, или она... фригидна? Первое не походило на правду, о втором не хотелось думать. И поэтому она постаралась забыть тот эпизод. Есть в жизни масса более интересных вещей, над которыми стоит ломать голову.

А вот теперь... ЭТО стоило того, чтобы поднимать вокруг столько шума. И она, определенно, не фригидна. И... черт, она хочет еще!

И где этот великолепный мерзавец?!

Впрочем, его отсутствие сейчас было скорее, кстати, чем нет. Есть возможность хоть чуть-чуть понять, что с ней... и с ними произошло. Ник села на кровати, подтянув простынь к груди. Движение отозвалось легкой саднящей болью там... где она стала женщиной нынче ночью. Но эта боль лишь заставила ее мечтательно улыбнуться. Сколько же она упускала...

Мужское горячее тело, плотно, близко, кожа к коже. Нежные и невероятно умелые пальцы. Жаркий бесстыжий шепот в ухо. Ощущение растянутости и наполненности им. И потом, после...

Снова — влажная кожа к влажной коже. Тихое дыхание на ухо, его чуткие пальцы, рисующие причудливые узоры на ее пояснице, от которых она непроизвольно выгибалась, прижимаясь к нему бедрами и животом. И со сладким замиранием ощущала результат этого «прижимания». А потом неожиданно заснула...

Ник снова мечтательно улыбнулась, вспоминая, и...

Раздавшийся звук был настолько чужероден всему вокруг, что она не поняла сразу, что это. Секунды спустя под пронзительные трели до нее все же дошло — это звонок телефона. И он раздается из-под кровати.

Ники шлепнулась на живот и свесила голову с кровати вниз. Нет, ей не кажется. Под кроватью валялся телефон, который настойчиво трезвонил. А как же вполне понятное отсутствие сотовой связи? Ник протянула руку и взяла источник шума в руку. На сотовый не похож, тяжелее, массивнее. Надпись на корпусе рассеяла последние сомнения: Iridium 9555. Спутниковый телефон. Который продолжал звонить. Она автоматически нажала на кнопку приема вызова и поднесла трубку к уху.

— Падрон, ты превзошел самого себя! — голос в трубке был весел, даже насмешлив, что было заметно, несмотря на легкий акцент. — Скажи мне, неужели она настолько хороша, что ты не можешь вылезти из койки? Я дозваниваюсь до тебя второй день! Чего молчишь? Где мой выигранный в честном споре «Мазератти»?

— Что? — вырвалось у нее совершенно непроизвольно.

— Ой! — пауза и снова: — Ой-ой-ой! Простите меня великодушно! Я думал... хм... я ошибся, кажется. Всего хорошего!

Ник растерянно слушала гудки в трубке. Медленно нажала на «отбой». Так же медленно положила телефон на кровать, подальше от себя. Замерла неподвижно, зябко обхватив себя руками. Как же она хотела, чтобы так же замерли и мысли в ее голове. Хотя бы чуточку покоя и тишины. Но в голове рвалось одно за другим.

Джулиан помогал Кайлу.

Мак-Коски в курсе, что они уехали вдвоем.

И какой-то неизвестный тип знает о том, что Кайл с некоей девушкой не вылезает из койки.

Какая же она идиотка!!!

Забыла! Как она могла забыть, с кем имеет дело? Для Кайла нет ничего важнее победы! Добиться своего любой ценой — в этом он весь! Переспать со смешной и нелепой девчонкой? Да не вопрос,

если надо для дела. Она сказала ему «нет»? Ерунда, он знает, как заставить ее сказать «да»!

Стон бессильной ярости в прижатые к лицу ладони. Хочется исчезнуть. Но от себя не сбежишь, и от голосов в голове не спрячешься.

Тебе дали подачку, Ник! Подарили конфетку несчастному ребенку. Интересно, сколько людей в курсе, что Кайл решил принести себя в жертву ради общего дела? Только верхушка команды? Или все знают, все, до последнего механика? Еще один глухой стон в ладони.

А потом... Сочетание острого чувства стыда и поднимающейся навстречу ему изнутри ярости... да еще деятельная натура Ник дала себя знать. Она вдруг осознала, что не может, физически не может его даже видеть сейчас. Это было сродни боли на грани потери сознания. Невозможно даже представить, что будет, если ОН сейчас войдет в комнату. Ей хотелось исчезнуть с этого проклятого острова сию секунду, раствориться, пропасть совсем, лишь бы не быть здесь. Только это невозможно! Она рычит от отчаяния.

Почему она не птица, чтобы взмахнуть крыльями, взлететь в синее небо и покинуть этот чертов остров?! Или не рыба, чтобы просто-напросто уплыть отсюда?! Черт, черт, черт!!!

А почему не может?.. Может, очень даже может уплыть. Ник в волнении подскочила, обронив простынь. Ну и к дьяволу ее! Она метнулась к сумке, порылась в ней, торопливо напялила на себя какие-то вещи, застегнула сумку.

Она уплывет с этого проклятого острова! Есть средство, и она им воспользуется!

Он снова мерил шагами пляж. Садился, потом снова вскакивал и отправлялся бродить туда-сюда, загребая ногами песок. Однако ощущения «дежа вю» не было. Вчера в душе была ледяная буря, сегодня — царило обжигающее слепящее солнце. Впрочем, сумбур в голове оставался по-прежнему.

Открыв глаза сегодня утром, первое, что он увидел — соломенная челка. Губы Ник утыкаются ему куда-то под ключицу, и одна ее нога закинута на его бедро. Так... по-хозяйски. Его рука, до этого так же по-хозяйски покоившаяся на ее талии, совершенно неосознанно, на «автопилоте» ползет вниз, пальцы чуть сжимаются, наслаждаются мягкостью и одновременной упругостью того, что оказывается под ними. Организм подло, но абсолютно предсказуемо реагирует на все происходящее, на ее близость, на нежные полушария,

прижимающиеся к его груди, на округлую попку под его рукой. Как же хочется, просто невыносимо! Одного раза катастрофически мало, пальцы начинают жить своей жизнью, он притягивает ее к себе ближе...

И со вздохом разжимает руки, отстраняется, высвобождаясь из ее объятий. Ник переворачивается на спину, что-то бормочет во сне, но не просыпается. Простынь сползает вниз, к талии, Кайл с тихим стоном закрывает глаза ладонью. Ослепительна прекрасна. Но ему надо подумать.

Впервые в жизни после проведенной ночи с женщиной у него возникло желание подумать. Не трахнуть ее еще раз, не выставить за дверь, не сбежать самому, а подумать! И желание это было таким сильным, что ему пришлось встать с постели, собрать свои шмотки и уйти. Сначала в душ, потом — думать.

Этим и занимался, разгуливая по пляжу. Ни до чего путного додуматься так и не смог. Мысли упорно возвращались к обнаженной Ник, безмятежно посапывающей в доме. Смертельно хотелось вернуться к ней и ...

Ясность была только в одном. Хотелось вскинуть вверх победный кулак. Италия-Аргентина — один-ноль. Вчистую. Счет финальный и пересмотру не подлежит. Теперь, после всего, что было между ними, он ее не отдаст этому неизвестному из Буэнос-Айреса. Нет, Ник теперь его, без сомнений. А, с другой стороны...

«Теперь у меня точно нет штурмана», — вдруг отчетливо понял он. Произошедшее сегодняшней ночью сделало их пребывание в одной машине категорически невозможным. Риск есть риск, всегда. В их работе без этого нельзя. Собой он готов был рисковать, а вот ею — нет. Она совершенно необходима ему, жизненно необходима, необходимы ее робкие поцелуи (над этим он будет работать!), ее умопомрачительное тело, тихие стоны и светлая челка утром перед носом. Штурмана он себе найдет другого, а вот Ник такая одна.

Он вдруг улыбнулся, неожиданно для себя, широкой радостной улыбкой. Как будто что-то начинало проясняться в его до безобразия запутавшейся в последнее время жизни. И тут в его только что обретенную безмятежность ворвался звук. Неожиданный, неуместный сейчас, не должный быть тут. Он не сразу сообразил, что это звук работающего мотора. Мотора на его яхте. Помянув Бога, черта и Ник, он сорвался с места. Но все равно опоздал.

«Stella Marina» отошла от причала, но, слава Богу, недалеко. А теперь медленно вращалась вокруг своей оси. Мотор надсадно ревел. Кайл затормозил на краю причала, приложив ладонь ко лбу, пытаясь сквозь бьющее в глаза солнце разглядеть происходящее. Хотя... все очевидно и так.

— Ник!!! — попытался он перекричать рев двигателя. Бесполезно. Сам себя не слышит. А уж Ник — тем более. Что она вытворяет, черт ее дери?!

Крикнул еще пару раз — безрезультатно. Яхта все так же медленно поворачивалась, чего хотела этим добиться Ник — непонятно. Еще раз красочно выругавшись, он стащил футболку и прыгнул в воду. И какого дьявола ему приспичило думать сегодня утром? Трахать надо было, как и всегда! И сейчас бы не пришлось плыть к яхте и выяснять, с чего Ник вздумала так чудить.

А подплыть ближе не получалась — судно беспорядочно поворачивалось, двигатель ревел. Что ж она делает, так ведь приводную цепь можно порвать! Или свечи залить!

— Ники!!! — заорал он, отчаянно пытаясь при этом не нахлебаться воды. — Прекрати дергать рулем! Глуши мотор!

Яхта завертелась быстрее. В звуке работы двигателя чуткое ухо Кайла услышало нехарактерный стук.

— Ник, брось штурвал! Прекрати! Сейчас цепь порвешь!!!

Реакции на его крики — ноль. И подплывать ближе опасно — может приложить бортом или вообще рискнешь попасть под винт. А двигатель ревет все надсадней.

— ПЕРЕСТАНЬ, ДУРА!!!

Судно на несколько секунд замирает, а он, воспользовавшись этим, в пару мощных гребков подплывает к яхте, которая очень удачно повернулась к нему именно нужным, со спущенной лестницей, бортом.

На палубу он влез мокрый (разумеется!), злой (и это тоже предсказуемо) и все же полный беспокойства — что такое приключилось с Ник?

Прошлепал, оставляя на плашках мокрые следы, к штурвалу, убрал руки Ник с руля, повернул ключ зажигания в замке. Наступила благословенная тишина. Кайл откинул мокрую прядь от лица, сощурился сквозь слипшиеся от воды ресницы.

— А ты не думала, — старался говорить спокойно, но получалось все равно сердито, — как мы уплывем отсюда, если ты порвешь приводную цепь?

Ник молчит. Глаза только что молнии не мечут, дышит шумно, грудь вздымается. И как только Кайл обращает внимание на ее ... шумное дыхание, сердиться он уже не может.

— Или ты такую цель и преследовала? Сломать мотор и запереть меня тут? Захватить в сексуально рабство? Учти, — он подмигивает ей, — я и так совершенно не против этого. И, знаешь...

По мокрой щеке звук пощечины получается особенно звонкий. От удара в стороны разлетаются капли, у него дергается голова.

— Мерзавец!!! — она кричит, и щеки у нее мгновенно становятся, как и у него — мокро-соленые. Только причина — иная. — Неужели не противно было трахаться со мной?

Он медленно качает головой. На скулах проступает темный румянец, дополняя след от пощечины на левой щеке. Сцепил зубы, продышался сквозь них. Он всегда давал сдачи, кто бы его ни бил. Но сейчас явно не тот случай. Сжал-разжал кулаки.

— Я очень рассчитываю... — еще раз вдохнул-выдохнул, — что у тебя есть хорошие объяснения этому, — мотнул головой в сторону причала, — и этому, — указал пальцем на свою щеку. — И это должны быть **ОЧЕНЬ** хорошие объяснения!

— О да! — она сердито смахнула слезы с глаз, уперла руки в бедра. — Как тебе такое объяснение?! Я не желаю видеть мерзавца, который готов на все, лишь бы добиться своего! Ты получил хоть какое-то удовольствие, а, Кайл? Хотя бы от того, что можешь заставить хотеть себя любую?! Даже невзрачного штурмана!

Она не выдержала, шмыгнула носом. Но взгляда упрямо не отводила. Он ничегошеньки не понимал, злился и ... любовался ею. Несмотря ни на что. И хотел обнять. Но опасался получить по лицу еще раз.

— И все равно я ни черта не понимаю! Что плохого в том, что я хотел тебя? И в том, что ты хотела меня? Или в том, что я получил удовольствие?! И ты тоже, кстати! Что в этом плохого, объясни мне!!!

Добивается того, что на ее щеках появляется очаровательный девичий румянец. Он ее смутил, и с ответом она собирается не сразу. Но, собравшись, отвечает решительно.

— Что плохого?! А то, что ты сделал это лишь ради того, чтобы я осталась в команде!

— ЧТООООООО?!?

— Ой, только не разыгрывай благородное изумление! — фыркает Ник. — Это очевидно! Бросил мне подачку, Падрон? Снизол до жалкой влюбленной дурочки? Надеюсь, что Мак-Коски оценит твоё самопожертвование! Потому что я...

— Стоп-стоп-стоп! — Кайл вскидывает руки. Бред какой-то. Он не знает — то ли плакать, то ли смеяться. Это ж надо было до такого додуматься! И что значит — влюбленная дурочка? Так, надо выяснять все последовательно.

— Моему адвокату дадут слово? — интересуется нарочито небрежно. — Или вердикт окончательный и обжалованию не подлежит?

— Дьяволам адвокат не положен! — дергает плечом Ники.

— И, тем не менее, — решительно продолжает он, — я бы хотел внести некоторую ясность. Я собственно, сам хотел тебе сказать... хм... что...

— Что?!

— Что не сяду больше с тобой в одну машину.

— ЧТООООООООО?!?

— Извини, Ник. Но — не могу.

— Какого черта, Падрон?! То, что я неопытна в постели, еще не делает меня хуже в качестве штурмана! Может, для такого как ты, я и похожа на... — она морщится, подбирая слова, — как это говорят — бревно в койке. Но штурмана лучше, чем я, у тебя не будет!

Он едва сдерживает улыбку. Уязвил профессиональную гордость, надо же. Не выдержал, шагнул к ней. Отвел от ее лица прядь волос. Посмотрел в огромные глаза, взгляд — испуганный, несчастный и одновременно вызывающий.

— Я знаю, Ник, я все знаю. Штурмана лучше тебя не бывает в природе.

— Тогда какого черта?!

— Мне нужна ты, Ники. И я не могу больше рисковать тобой. А штурмана я найду другого...

— Что за...

— И ты совсем не бревно, — шепнул, наклоняясь к ее губам.

— Кайл, что ты...

Конец фразы проглотил поцелуй.

Они целовались долго. И нежно, и страстно попеременно. Так долго, что у него подсохли и стали завиваться волосы. А вот шорты

так и не высохли, и их пришлось стащить. Как и промокшую от близкого знакомства с ними одежду Ник.

Они любили друг друга прямо на палубе. Под жаркими лучами полуденного солнышка. И любовь их была такой же жаркой. Осмелевшая Ник, изнывающий от желания Кайл. В этом было что-то почти языческое — яркий день не скрывал ничего. Смуглая, лоснящаяся от пота мужская фигура. Светлокожее гибкое женское тело, обвивающее, оплетающее мужское. Размеренные, древние как мир движения, которые быстро срываются на совершенно дикий темп, унося их к такому же, существующему тысячелетия, наслаждению. И все это происходит под лучами бесстрастного, все видевшего солнца. Просто двое любят друг друга.

— Кайл...

— Ммм?..

— А ты не мог... слезть с меня?

— Нет.

— Почему?

— Во-первых, ты мягче, чем палуба... Ай! Не щипайся! А во-вторых, я тебя от солнца закрываю. Чтобы бы ты не обгорела.

Она со смешком утыкается губами в соленое плечо. Не удержалась, лизнула. Он довольно вздохнул. И решился спросить:

— Как ты вообще до такого... додумалась?

— Не знаю, — смущенно. — Просто... а тут еще этот... позвонил...

— Кто?! — он приподнимается на локтях. — Кто позвонил?!

— Я не знаю! Он не представился! Что-то говорил... про то, что ты из койки не вылезашь... и про проспоренный «Мазератти»...

Кайл шипит, как капля воды, попавшая на раскаленную плиту.

— Я его буду бить! Долго... больно... скорее всего, ногами!

— Кайл! Ты чего?! И кто это, вообще, был?

— Это мой, с позволения сказать, друг. У которого особый талант — всегда объявляться крайне не ко времени. И что бы он тебе ни сказал... ты его неправильно поняла!

— Я это уже сообразила, — она виновата улыбается. — Извини. Я вела себя как идиотка.

— Раз уж пошел такой разговор, — хмурится Кайл, — хочу тебя попросить, Ники...

— Да?

— Не бей меня больше.

— Больно? — она касается пальцами его щеки. — Ох, прости! Я никогда раньше...

— Не в боли дело... — он морщится, — а в моем самомнении. Я не позволяю себя бить и всегда даю сдачи. И поэтому мне было крайне непросто... И...

— Я поняла, — шепнула тихо, — я была неправа.

— Еще как неправа, — вздыхает он, — особенно, если еще и приводную цепь порвала...

— Ты об этом сейчас думаешь?

— Ну да...

— Врешь, — шаловливые пальчики сжимают явное подтверждение ее слов. Томно, ему на ухо: — Мне кажется, ты о другом сейчас думаешь.

— Вру, — соглашается он со стоном. — Черт с ней, с цепью. Хочу тебя...

— Бери... — так же со стоном соглашается она.

И тут звонит телефон.

Кайл снова стонет, но уже по другому поводу.

— Я же говорил! Он всегда не вовремя! Ну, все, Сал! — он протягивает руку, нашаривает телефон, который обретается в кармане шортов Ник. — Хрен тебе, а не «Мазератти»! — нажимает на кнопку телефона и произносит — мрачно и угрожающе: — Ты покойник, сукин сын! — и потом, уже совершенно другим тоном: — Да, Макс, привет! Да, Ник со мной, а что случилось? Так, я понял... Ого?! Да, Макс, обязательно.

Ник прислушивается к разговору с начала с веселым изумлением, а затем, услышав имя Мак-Коски — со все нарастающим беспокойством.

Кайл нажимает отбой, молча поднимается, подает ей руку. Их обнаженность под ярким безжалостным светом солнца становится теперь очень неуместной, но Ник требовательно смотрит ему в лицо, не обращая внимания ни на что.

— Кайл?! Что случилось?

— Ты только не волнуйся, ладно?

— Кайл! Говори!

— Макс звонил. Сказал... — он немного замялся, но осознал, что этим только мучит ее, и выпалил скороговоркой: — Твой дядя заболел. Макс сказал, что-то с сердцем...

Ник ахнула, прижала пальцы к губам. Кайл не выдержал, притянул к себе, и плевать, что голые оба.

— Все будет в порядке, — шепнул в висок.

Ник в ответ лишь всхлипнула. А потом отстранилась и спросила, неожиданно деловито:

— А если я и вправду цепь порвала? Как мы отсюда выберемся?

— Я посмотрю. Прямо сейчас, — кивнул ей ободряюще. — Если даже и порвала... Вертолет вызовем, если что!

— Правда?

— Правда!

Натягивая влажные шорты и спускаясь потом в моторный отсек, он все думал о том выражении лица, которое он увидел, когда сказал ей о дяде. Испуг, паника, почти ужас. Как же Лавинь ей дорог! Конечно, он ее единственный родной человек. И это неправильно — ревновать Ники к дяде. Неправильно! Но он ревновал...

— Этьен, это неправильно!

— Я не спрашиваю тебе о том, правильно это или нет. Макс, я прошу тебя просто это сделать.

— Но нельзя же так!

— Да? У тебя есть свои дети, чтобы ты мог меня судить?

— Эт, но Ник уже давно не ребенок! Они оба взрослые люди, сами разберутся между собой.

— Люди? Там только один человек — Ники. А твой Падрон — исчадие ада!

— Ты перегибаешь палку! Этьен, ну, в самом деле...

— Макс, ты ее в это втравил! Ты обязан помочь!

— Я уверен, что Ники не нужна моя помощь. И твоя тоже.

— Макс, я прошу тебя, — Лавинь глубоко вздыхает. — Я тебя никогда ни о чем не просил. А сейчас прошу. Умоляю. Просто позвони ему и скажи это.

В руках Мак-Коски с треском ломается авторучка.

— Хорошо, Эт. Но это все равно неправильно!

Глава 24. И снова круговорот людей и событий по миру

«Никогда не пользуйтесь чужой стенограммой и не давайте переписывать свою. Прописывайте трассу только в составе экипажа — и никогда с другим штурманом и тем более — пилотом»
Статья «Штурман» с сайта eulex.ru.

Зал аэропорта, безликий, безымянный, шумный. Привычный, как дом. Даже не так — как кабина машины, как очередной номер гостиницы. Один в череде многих.

Вот только чувство острого беспокойства, щемящей тревоги — оно было новым. Так же как почти неконтролируемый страх отпустить ее, несмотря на то, что — надо.

— Ник, все будет хорошо, я уверен.

— Угу, — торопливо.

— Твой дядя поправится.

— Надеюсь. Ну, все, я побежала, Кайл.

— Может, я все-таки с тобой?..

— Нет, не нужно.

— Позвони мне, как только будут новости, обязательно!

— Да, конечно, — ее неожиданный и от того безмерно приятный поцелуй, пусть хотя б мимолетный и в щеку. Успел прижать ее к себе на краткий миг. Поймал взгляд, удержал его.

— Я буду ждать, Ник.

Она кивает серьезно, и он наконец-то получает сомнительное удовольствие лицезреть ее спину, удаляющуюся в толпе. А потом она внезапно оборачивается, торопливо возвращается к нему.

— Кайл!

— Что такое, малыш?

— Я совсем забыла сказать тебе... Нет никого там, в Буэнос-Айресе! Не знаю, с чего ты взял, но... я еду к дяде. И только к нему!

У него сердце сжимается, и одновременно едва сдерживает улыбку. Его честная искренняя девочка. А он просто ревнивый влюбленный идиот. Еще и самоуверенный, потому что из Аргентины он опасности уже не ждал.

— Я рад, Ник, — не удержался, еще раз притянул ее к себе, поцеловал, от греха подальше — в лоб. — Спасибо, что сказала.

На том конце снимают трубку. Она задерживает дыхание и спрашивает — осторожно и с надеждой:

— Дядюшка?

— Да, Ники, девочка моя, это я.

Голос его вроде бы похож на обычный, только немного расстроенный. Ну, оно и понятно.

— Я прилетела. Как ты? В какой ты больнице?

— Я дома, Ники.

— Как?! Как дома? Что с тобой? Что случилось? — ее охватывает гремучая смесь эмоций, в которой все — и облегчение, что он дома (значит, ему лучше?), и тревога (как так — ведь у него же был приступ, по словам сэра Макса!), и непонимание того, что происходит...

— Все хорошо, Николь. Со мной все в порядке... уже. Приезжай скорее.

— Мчусь!

Он кладет в сторону телефон и морщится. Впервые в жизни ему стыдно перед племянницей по-настоящему. Так случалось, что он, бывало, обижал ее, они ссорились, ругались, она сердилась на него, а он на нее. Но всегда он был уверен, что поступает так или иначе только для ее же блага. И что они обязательно помирятся, как бы не были сердиты друг на друга.

А сейчас он не был уверен ни в том, ни в другом. Его манипуляция Ник стоила ему нешуточных баталий с собственной совестью. И он сомневался, что она поймет, что простит. При воспоминании о том, каким встревоженным звучал ее голос, он зажмурился. «Прости меня, девочка. Я уже сомневаюсь, что нужно было это делать. Но карты сданы, и надо играть.»

Обычно после разлуки Ник всегда накидывалась на дядю с объятьями, которые если не по силе, то по экспрессии все же можно было назвать «медвежьими». Сейчас тоже обняла, но бережно, словно он был хрупкой фарфоровой вазой. Ее судорожный вздох он почувствовал всем телом. Отстранилась, оглядела всего, потом взгляд уперся в лицо.

— Как ты сейчас? Что говорят врачи? Почему ты дома? Тебе лучше?

— Все в порядке, девочка, — он крепко сжал ее руки. — Пойдем в гостиную. Нам нужно поговорить.

Финал его тихого, местами сбивчивого, полного пауз, и, по сути, краткого рассказа она дослушивала, уткнув лицо в ладони. Потому что смотреть в лицо дяде уже не могла.

— Зачем? — простонала она. — Вот скажи мне — зачем?!

— Ник, я только хотел... — Лавинь с трудом подбирает слова, — дать тебе время. Чтобы ты подумала... чтобы оценила... чтобы поняла, чего стоит Падрон на самом деле. Ведь он же...

— Падрон?!? — она резко отняла руки от лица и посмотрела на дядю блестящими от подступивших слез глазами. В последние дни она плакала много. Слишком много. — Да причем тут он?! Можешь относиться к Кайлу как угодно — дело твое! Но обо мне... обо мне ты не подумал?!

— Ник, ты просто ослеплена его обаянием и...

— При чем тут это?! — она вскакивает с места, отходит к окну. Смотрит слепо сквозь слезы на панораму вечернего Буэнос-Айреса. — Ты можешь забыть о Кайле?! Ты хоть представляешь... — она всхлипнула, дернула плечом, оттирая слезы со щеки, — что я пережила, пока добиралась сюда? Я с ума сходила, не зная — что с тобой?! Насколько все серьезно? Я ведь думала, что в самом поганом случае могу тебя потерять! А ты... ты... ты чертов эгоист, Этьен!

Этьен... не дядя. Значит, сердится действительно крепко.

— Ники, пожалуйста... — он подошел к ней. Остановился, не решаясь прикоснуться. — Я уже сожалею о том, что сделал. Но я действительно думал только о твоём благе... Только о нём...

— Ты чуть не убил меня своим враньем, старый идиот! Сэр Макс в курсе? Или ты и его обманул?

— Он знает, — вздыхает Лавинь.

— За-ши-бись! — желчно произносит Ник. — Я ненавижу вас обоих!

— Ник! Ники! Девочка моя...

— Хрен тебе, а не твоя девочка!

— Ники, я прошу тебя! Прости меня! Я был неправ! Но... сделанного уже не вернешь. Я просто хотел, чтобы ты взяла паузу... подумала. Осознала, кто такой Падрон. Он разобьет тебе сердце.

— Дался он тебе! — срывается на крик Ники. — Если кто и разбил мое сердце, так это ты! Черт! Как ты мог? ТАК играть моими чувствами?!

— Ник, ну что мне сделать, чтобы ты поверила мне? В то, что я искренне сожалею о том, что обманул тебя, что сыграл на твоих чувствах? На колени встать?

— Не пройдет! Меня это абсолютно не впечатляет! — фыркает Ник. — Не веришь, спроси у Кайла — он пробовал!

— Что?! — несмотря на всю сложность и неоднозначность ситуации все пересиливает обыкновенное изумление. — Падрон вставал перед тобой на колени?! Он же эгоистичный и самовлюбленный сукин сын!?

— Я больше не желаю слышать ни слова о Падроне! Надоело! Здесь есть только один самовлюбленный и эгоистичный... тип! Угадай, кто?

— Ники, прошу тебя! Пожалуйста... Я дико сожалею. Я больше никогда не позволю себе такого. Только, пожалуйста, пожалуйста... прости меня.

На последних словах голос его падает до шепота. Ник вытирает слезы, вздыхает грустно.

— Выбора-то у меня нет, по большому счету... Прощу, куда ж я денусь? Ведь ты же мой единственный, придурочный и больной на всю голову родственник. Только мне нужно время. И вообще — я хочу в душ и спать. Я дико устала... дядя.

Он выдыхает. Дядя... больше не Этьен. Ник выходит из гостиной, голова опущена, руки привычно в карманах, плечи понурены. Лавинь испытывает острое желание дать самому себе в морду. Как бы ни был ненавистен ему Падрон, он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** не должен был так играть на чувствах Ник к нему. Счастье, что его девочка слишком добрая и по-настоящему любит его. А он чуть было не лишился ее любви и привязанности. Но раз он так дорого заплатил за эту попытку, надо довести дело до конца. Он выходит из гостиной и затем возвращается, на видное место, на тот самый журнальный столик, переделанный из двигателя, кладет папку. Ник увидит. Ей будет больно, но она должна знать.

Ей бы сразу спать лечь, но желудок воспротивился. Толком поесть у нее не получалось с того самого памятного утра — сначала не до того было, а потом, после звонка сэра Макса, и вовсе кусок в горло не лез. И так почти двое суток — именно столько она добиралась с острова до дома. Ник прошлепала на кухню, достала бутылку молока из холодильника. На столе стояла тарелка с ее любимым альфохорес[6]. Однако... дядя приготовился основательно. Ник против воли усмехнулась, правда, невесело. Прихватив бутылку, стакан и тарелку, она отправилась в гостиную, где и устроилась на диване. Щелкнула пультом, намереваясь окунуться в мир шоу, сериалов, политических дебатов, футбольных матчей... словом — сполна насладиться аргентинским телевидением, отключив мозги хотя бы на время.

Ноги привычно водрузила на стеклянную поверхность столика, потому что даже Этьен не смог ее отучить от этой, по его собственному выражению, «гнусной привычки янки». Потревоженная ее левой пяткой, на пол с шелестом соскользнула ярко-зеленая папка. Ник подняла ее, машинально открыла и... застыла.

Кайл... Много фотографий. И на каждой — он. И на каждой — не один. Есть достаточно невинные — он просто обнимает каких-то девиц, иногда — двух сразу. На некоторых он целуется... видны тонкие пальцы, запутавшиеся в его темных волосах... наверное, совсем, как ее пальцы... тогда. Больно. А вот он в бассейне, тесно прижимает какую-то знойную блондинку к бортику, а его рука по-хозяйски стискивает ее нижние округлости. Точно так, как он прикасался и к ней тогда. Очень больно. Но она продолжает смотреть. Еще дальше. И еще больнее. Не замечая ничего вокруг, кроме этих фотографий, каждая из которых впивается в сердце острой иглой. Из этого состояния ее выводит голос дяди.

— Ник... — он присаживается рядом, — я действительно сожалею... Но раз уж я собрал эти... этот материал, то... мне кажется, тебе стоит на это взглянуть.

Она медленно кивает.

— Послушай, Ники, — Этьен решается и берет ее за руку. Она руки не отнимает. — Не думай, что я старый ревнивый идиот, и не хочу тебя отпускать к кому бы-то ни было. И что я сделал это, чтобы удержать тебя возле себя. Это не так! Я очень хочу, чтобы тебе встретился тот, кого ты полюбишь...

Ники не выдерживает и шмыгает носом. Как же она устала от этих бесконечных эмоциональных потрясений! А Лавинь упрямо продолжает:

— Я верю в то, что такой мужчина тебе обязательно встретится. Настоящий, достойный мужчина. Который будет любить тебя так, как ты этого заслуживаешь, девочка моя. Который будет тебя любить, ценить, уважать, понимаешь?! — на последних словах голос Этьена уже громок, он вздыхает в попытке успокоиться. — А этот, — он презрительно щелкнул по папке с фотографиями, — этот, Ники, любить не умеет. Хотя нет, умеет. Только себя.

Ник кивает еще раз, все так же медленно. Больше всего ей сейчас хочется уткнуться дяде в плечо и разреветься, как в детстве. Но что-то внутри противится этому. Она поднимается, так же медленно, все

внутри как будто заморожено. Прихватив папку со столика, кивает дяде:

— Спокойной ночи.

И уходит. Прямая спина, вздернутый вверх подбородок. И только в комнате, рухнув на кровать, она все-таки позволила себе разрыдаться. Дядя ей всегда говорил, когда пытался успокоить: «Большие девочки не плачут». Она большая девочка, она справится.

— Алло? — и, прокашлявшись, еще раз: — Алло?

— Ники, это Кайл.

— Привет, — избыточно тихо, но голос слышится плохо.

— Как Лавинь? Ты не звонишь, а я волнуюсь. Ты же обещала перезвонить...

— Извини, — коротко и безлично. Рассказывать Кайлу о «заговоре» дяди она точно не собирается. — С ним уже все в порядке, более или менее. Угрозы для жизни нет, во всяком случае. — «Или, по крайней мере, не для его жизни», — добавила про себя. Но ничего, она сильная, справится. — Я просто устала с дороги, опять смена часовых поясов. Отключилась.

— Я тебя разбудил?

— Угу.

— Прости, малыш. Я идиот, не подумал, — черт, ну почему столько нежности в его голосе?! — Я позвоню тогда завтра, ладно? Отдыхай, Ники. Целую в нос.

Да пропади ты пропадом со своими поцелуями!

— Ладно. Пока.

И, не дождавшись его ответа, обрывает разговор. Это невыносимо!

Ему категорически не нравится ее тон, как звучит ее голос, но он списывает все на усталость.

Где, черт его дери, ошивается этот абонент?! Почему он вне зоны доступа, дьявол?! Кайл звонит уже пятый раз, и раз за разом слышит голос безликого автомата, говорящий что-то на испанском. Даже не зная этого языка (кроме пары-тройки грязных ругательств, подцепленных от Зеки), он понимает, о чем речь. Смертельно нужного ему абонента нет в зоне обслуживания сети! Да что же это такое?! Кайл снова хватается за многострадальный телефон, выбирая уже другого абонента. И, едва дождавшись ответа на другом конце трубки, выпаливает:

— Макс, где Ник?!

Мак-Коски удивленно хмыкает, прокашливается. И лишь затем:

— Кайл, а ты уверен, что я — именно тот человек, которому стоит задавать этот вопрос?

— А кому еще?! — Падрон игнорирует сарказм Макса, попросту не замечая его. — У Ник телефон все утро не отвечает, я не знаю, что думать!

— Ну, позвони Лавиню. Он наверняка знает.

— Ты в своем уме, Макс?! Человек в больнице, а я буду его беспокоить?!

— Лавинь в больнице?! Какого черта? — а потом Мак-Коски спохватывается, но поздно.

— Ты же сам мне сказал... — удивление Кайла по силе может поспорить с сожалением Макса о необдуманно сорвавшихся с языка словах.

— Гхм... ну да, сказал...

— Мааааакс, — произносит Падрон тем самым тоном, который Макс так не любит, — а ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Не хочу, — обреченно вздыхает Мак-Коски, — но надо.

— Говори!

— Лично.

— Ты где?

— Сейчас — в Париже.

— Жди, к вечеру буду.

Отключившись, снова пытается дозвониться до Ник. Безрезультатно. В голове целый сонм нехороших мыслей и предчувствий. Ситуация, едва начав исправляться, снова чертовски запуталась.

Звонок телефона застает его в пути.

— Кайл? — раздается голос Макса по громкой связи.

— Еду, — коротко и резко, не отрывая взгляда прищуренных глаз от дороги.

— Я позвонил Этьену. С Ник все в порядке. Она просто уехала проверять какие-то отдаленные участки трассы, там связь не стабильна. Завтра она вернется в Буэнос-Айрес.

— Хорошо.

Отключается. В любом случае, он не будет звонить Ник, пока не выяснит, что такое знает Макс.

— Вот скажи мне — зачем? — он пытается контролировать свое негодование, и вместо злобного рыка выходит свистяще и на выдохе.

— Этьен попросил... — Мак-Коски зябко ежится, поводит плечами. Ему явно неловко.

— Ах, Этьен попросил.... — зловеще-шипяще. Уж лучше бы орал, честное слово! — А мое мнение значения не имеет, так? Или ты думаешь, мне было лестно поучаствовать в вашем спектакле? А о Ник, о Ник вы подумали, интриганы херовы? Ладно, я — кобель, эгоист, бесчувственная скотина, — он желчно усмехается. — Но Ники? На ней же лица не было! Больно было смотреть, как она переживала всю дорогу! А вы... — он безнадежно махнул рукой.

— Кайл, если бы у меня был выбор... Этьен меня никогда раньше не просил. Я не мог отказать!

— Выбор есть всегда! — отвечает Кайл резко. Несколько шагов беспорядочно по гостиной парижской квартиры Мак-Коски. — Ну, хоть объясни мне — зачем ему это нужно?

— Думаю, ты и сам догадываешься, Кайл, — невесело усмехается сэр Макс. — Этьен тебя не жалует. И пытается оградить Ник от тебя.

Кайл стоит у окна, засунув руки в карманы, до Макса доносятся обрывки вполголоса произносимых на итальянском ругательств. А потом Падрон резко поворачивается.

— Знаешь, что? Я сыт по горло вашим вмешательством в свои дела и в свою частную жизнь! С этого момента не желаю говорить с тобой ни о чем, кроме работы, ясно?

— Куда уж яснее, — отвечает со вздохом Мак-Коски.

— Вот и славно! — кивает Кайл с мрачным удовлетворением. — Что там у нас с новым штурманом?

— Я заключил контракт с Мишо, — растерянно отвечает сэр Макс, озадаченный такой резкой сменой темы.

— К черту Мишо! Он слабак. Давай искать другого!

— Кайл, — осторожно произносит Мак-Коски, — ты не найдешь вторую Ник.

— Какая глубокая мысль! Второй Ник не существует в принципе. Она одна такая! — Кайл резко выдыхает, одергивая прежде всего самого себя. И продолжает, сухо и деловито: — Я точно знаю, каков идеальный штурман. И Мишо от идеала очень далек. Уверен, что мы сможем найти кого-то более достойного. Мы чемпионы и можем выбирать из лучших, не так ли?

— Так, — соглашается Макс с легким оттенком удивления. — Раз ты настаиваешь...

— Настаиваю.

— Ники, привет.

— Здравствуй, Кайл.

Она провела почти двое суток в пути. Самый лучший способ привести голову в хотя бы некое подобие порядка. Сочетание скоростных автострад и пыльных проселков, безликие придорожные кафешки и дальнобойщики на огромных фурах, сигналившие эффектной блондинке за рулем brutального «лэндровера». Последнее, как ни странно, окончательно уверило ее в том, что она привлекательная женщина, а не невзрачное чучело, как она привыкла о себе думать. И причина такой смены самооценки — один-единственный человек.

Теперь, спустя почти два дня, она думала о Кайле уже без той выворачивающей душу боли. Ну что она, как маленькая девочка, в самом деле? Даже стыдно было за те свои слезы. Ведь знала же, с кем связалась, и что он за человек. О его похождениях не знал только тот, кто в принципе не интересовался светской хроникой. И то, что его постельный список исчисляется десятками, если не сотнями, красоток, не должно было стать таким сюрпризом.

Просто увидеть... воочию... было неожиданно. И все-таки больно. Но нельзя судить человека по его поступкам в прошлом, это Ник знала твердо. Другое дело, что мотивов поступков Кайла в настоящем она не понимала совершенно. И это пугало. А еще она по нему, несмотря на весь собранный дядей компромат, смертельно скучала, тосковала по его рукам, по его шепоту на ухо, по его взгляду, который — Ник просто не могла это представить — не врал, не мог врать! Чтобы там ни говорил дядя, чтобы ни подсказывал ей ее собственный разум, тело предательски тянулось к нему. И это пугало больше всего.

И вот теперь — звонок.

— Как ты, малыш?

Внутри все сладко ноет от этого голоса, от ласкового «малыш». Она прижимается к обочине, останавливается. Закрывает глаза, чтобы слышать и представлять только его.

— Нормально. Все в порядке. Работаю.

— Ник, послушай. Макс рассказал мне...

— Давай не будем об этом! — отвечает она эмоционально. Значит, Кайл тоже знает об этом «заговоре старых интриганов». Что ж, тем лучше. — Они повели себя как два идиота, и мы не должны следовать их примеру.

— То есть ты не одобряешь поступок своего дяди? — в голос его звучат недоверие пополам с надеждой.

— А ты как думаешь?! — Ник фыркнула, даже глаза открыла от возмущения. — Я бы его прибила, но завещание составлено не в мою пользу!

От неожиданности Кайл совершенно не к месту хохотнул, потом сдержался.

— Я рад, Ник. Мне тоже было крайне непросто говорить с Максом.

— Да плюнь на них! Не желаю больше ни слова слышать об этих престарелых жуликах.

— Хорошо, — он улыбается. На какое время в эфире воцаряется тишина, а потом он говорит. О важном, о том, что занимает сейчас все его мысли.

— Ники... я так скучаю.

Чем на такое ответить? Вырывается само собой, судорожным вздохом и тихим ответным:

— Я тоже.

— Приезжай! — немедленно, требовательно.

Это слегка отрезвляет.

— Кайл, я не могу...

— Почему?!

— Через месяц у нас гонка начнется. Я кучу дел должна сделать, на меня многое завязано. Я обещала дяде, он на меня рассчитывает, понимаешь?

«Ни черта я не понимаю, кроме того, что хочу видеть тебя!» — хочется крикнуть ему, вместо этого беззвучно, одними губами, ругается. А потом вслух произносит, почти жалобно:

— Ник, а потом гонка начнется у меня...

Она отвечает вздохом и молчанием. И продолжать приходится ему.

— Ники, ну что делать?

— Не знаю. Я не могу... — обреченно повторяет она. И при этом внутри все равно не отпускают сомнения, и всплывают в памяти ТЕ самые фотографии. Может, прав был дядя?..

Усталость от нервотрепки последних дней, собственная необъяснимая потребность в ней, ее сдержанность, даже холодность в совокупности делают свое дело. И он все-таки срывается:

— А о последствия ты не подумала?

— О каких последствиях? — недоумевающе.

Кайл злорадно улыбается.

— Мы с тобой, девочка моя, два раза... — сгоряча хотел даже сказать «трахались», но в последний момент все-таки сдержался, — занимались любовью. И если ты не заметила... ну, а вдруг?.. — он даже по телефону услышал, как у нее участилось дыхание, — то презервативом я не воспользовался. Так что есть вероятность... если ты, конечно, не принимаешь таблетки... А ты принимаешь, кстати? — спросил нарочито деловито.

— Нет, — ответила она растерянно.

— Ну вот, — продолжил он удовлетворенно, — значит, есть вероятность того, что ты... хм... беременна. От меня.

Закончил он скорее удивленно, чем торжествующе, как планировал изначально, с намерением шокировать ее. А вместо этого озадачил самого себя. Взяв свободной рукой волосы на затылке, пытаясь понять — а если и в самом деле так? Что тогда? Ответа ее ждал с замиранием сердца. А она молчала долго. И, наконец:

— Я не... — прокашлялась, — не... Со мной все в порядке! — закончила сердито.

— Точно?

— Абсолютно!

Он вздыхает. Ну что он, в самом деле, взъелся на нее. Они ведь в совершенно разных весовых категориях! Ему-то такой разговор привычен. Не в плане обсуждения гипотетической беременности, Боже упаси! Таких оплошностей он ранее не допускал. Но легко и непринужденно разговаривать о проведенной ночи для него было проще простого. А вот для Ник это было ново и непривычно, она смущалась.

— Ники...

— Кайл, меня тут срочно вызывают, — соврала она торопливо. — Извини!

— Хорошо, — вздыхает он покорно. — Я позже позвоню, ладно?

— Ладно. Пока.

Она бросает телефон на соседнее сиденье, вытирает вспотевшие ладони о джинсы на бедрах. Как же жарко в Аргентине!

Он бросает телефон на покрывало рядом с собой, обхватывает голову руками. Он уже забыл, когда в последнее время он четко понимал, что вокруг него и с ним самим происходит!

— Ну что, друг мой, как твои успехи?

— Сформулируй вопрос чуть конкретней и, возможно, я тебе отвечу, — недовольно морщится Кайл.

— Ник остается в команде?

— Нет.

Эзекиль хмурится.

— Значит, она послала тебя к черту?

— Хм... тоже нет.

— Я не понимаю.

— Я тоже не понимаю! — огрызается Кайл. — И отстань от меня со своими идиотскими вопросами!

— Вон оно что... — задумчиво кивает Кампос. — Ну-ну... Знаешь, что? — боливиец внезапно оживляется. — Меня воспитывали в вере в Бога, но я иногда, каюсь, сомневался в Его существовании...

— К чему эти душеспасительные беседы, Кампос?

— Вот сейчас, в эту самую минуту я уверовал окончательно и бесповоротно!

— Да ну? — сардонически изгибает бровь Падрон.

— Точно, — Зеки кивает с наисерьезнейшим видом. — Бог есть, и он вершит справедливость! Наконец-то нашлась женщина, которая тебе отказала!

— Знаешь, — мрачно цедит Кайл, — к твоей бандитской роже очень подойдут золотые зубы!

— Чего? — переспрашивает Кампос оторопело.

— Еще одна реплика — дам в зубы!

— О, я испугался! — фыркает Зеки. Снисходительно хлопает Кайла по плечу. — Ну, не переживай, малыш. Я, так и быть, тебя не брошу. Останусь с тобой. Ты ж такой хорошенький...

От свистнувшего кулака Кампос успел увернуться — сказалось детство, проведенное в трущобах Кочабамба. Но поспешно ретировался, ибо злой как черт Падрон был совсем не той компанией, в которой хотелось оставаться как можно дольше.

— Ты отверг уже пятерых штурманов!

— Ну и что? — Кайл небрежно пожимает плечами.

— Послушай, мы не найдем вторую Ник...

— Макс! — перебивает шефа Кайл. — Я полагал, что мы уже достигли взаимопонимания в этом вопросе! Я ищу профессионала, я теперь знаю, каков он! Увижу — узнаю! Понимаешь меня?! Я ищу профессионального, преданного делу штурмана! А на цвет глаз и размер груди я внимания не обращаю, если ты на это намекаешь!

— Да понял я, понял... Не ори так.

— Меня полностью устраивает эта кандидатура.

— А тебя не смущает, что Давид — испанец?

— С чего бы? — удивляется Кайл.

— Ну, — Мак-Коски хмурится, — ты же слышал его английский. Я ни черта не понимал, пока Эзекиль не пришел и просто не стал нам переводить. Как ты будешь с ним общаться?

— Захочет работать у нас — а мне показалось, что он **ОЧЕНЬ** хочет работать у нас — подтянет свой английский. Время есть. Зеки вон тот еще «гений», но осилил же английский.

— Так, вот я сейчас не понял?! — возмущается Кампос. — Что за намеки?!

— Никаких намеков, — усмехается Падрон. — Обычно человеку дается или ум, или красота...

— И что это значит?

— Тебе не досталось ни того, ни другого.

— Ты стал совершенно несносен, Падрон! — обиженно парирует Эзекиль, резко вставая из-за стола. — Всего доброго, сэр Макс. Советую испробовать на нем мышьяк.

Кайл небрежно постукивает пальцем по столу, игнорируя возмущения Кампоса.

— Слушай, ну нельзя так! — едва за Эзекилем захлопывается дверь, Мак-Коски набрасывается с критикой на Кайла.

— Да Зеки привычный, — морщится Кайл. — Переживет.

— А ты этим пользуешься, да? Слушай, ну сделай уже с собой что-нибудь!

— Если тебе больше нечего мне сказать, — демонстративно зевает Кайл, — то я пойду.

— Опять будешь носиться по треку как ужаленный?

— В твоих словах звучит странное для владельца раллийной команды недовольство. Я отрабатываю технику прохождения поворотов на новом шасси.

— Да? Не думаю, что твоя и без того безупречная техника вождения нуждается в таком объеме дополнительной шлифовки. По-моему, ты просто не знаешь, куда себя деть.

— Все, я ушел, — Кайл встает, намереваясь выйти из кабинета.

— А ну, сядь на место! — рявкает сэр Макс.

Кайл хмурится, борясь с желанием послать шефа к черту. И все же выполняет его приказ. Небрежно развалившись на стуле, произносит снисходительно:

— Предупреждаю сразу! Мой собственный отец отбросил попытки меня воспитывать лет пятнадцать назад. И я не советую тебе браться за это гиблое и безнадежное дело.

— Больно надо мне — тебя воспитывать, — Мак-Коски устало трет лицо. — Просто хочу рассказать тебе кое-что.

— Ну-ну... Весь внимание.

Сэр Макс игнорирует сарказм, звучащий в голосе Падрона и после краткого размышления начинает свой рассказ:

— Когда-то, тридцать лет назад, я любил женщину... красивую женщину... — Кайл изгибом брови демонстрирует удивление таким поворотом разговора, но молчит. — Ее звали Жюли Лавинь. Это мама Николь.

— Чего?! — Кайл традиционно вопит и подскакивает, роняя стул. — Ты любил мать Ники?! Это что же... Она что, твоя дочь, что ли?!

— Тьфу на тебя, Кайл! — теперь очередь Макса изумленно тарашиться на собеседника. — Ну и фантазия у тебя! Бразильских сериалов обсмотрелся?

— А ты такими словами не бросайся! — Кайл поднимает стул, усаживается верхом и командует: — Рассказывай!

— Да особо нечего рассказывать, — грустно усмехается Мак-Коски. — Я ее любил. Но считал, что важнее стать чемпионом. А она — подождет. Только любовь... она не ждет. Когда она приходит, ее нельзя отпускать. А я вот решил, что никуда она не денется. И пока я упирался в борьбе за чемпионский кубок, нашелся один очень шустрый... который и стал мужем Жюли и отцом Ники.

Кайл молчит. Хмурится, трет висок. Спрашивает нерешительно:

— И что ты мне советуешь?

— Упаси меня Бог давать тебе советы! Сам разберешься. Просто рассказываю тебе о том, как я совершил самую большую ошибку в своей жизни. И я уверен: если не хочешь сожалеть об упущенном шансе всю жизнь, помни — ждать бессмысленно, а отпускать любимых нельзя!

— Угум... — задумчиво тянет Кайл. И затем, решительно: — Значит, так! Тесты я закончил, отчет для механиков сегодня подготовлю. Уезжаю. Увидимся после праздников, — и, уже от двери: — Веселого Рождества, Макс!

— Удачи, Кайл, — вздыхает Мак-Коски, обращаясь к захлопнувшейся двери.

Это не могло продолжаться долго. Всего-то три недели, но бесконечные, словно три года. Ники разговаривала с ним как-то рвано. Иногда прорывался нежность, у него сердце замирало, когда он слышал ее в голосе Ник. Но чаще всего — сухо, торопливо, вечно какие-то дела отвлекали ее. И он срывался на всех — на Зеки, Оливье, даже на Макса. Легчало ему только на треке, но ненадолго. Нет, так нельзя. Макс прав. Надо объясниться с Ник. Снова.

Снова надо ее вытащить из этого чертова Буэнос-Айреса! И плевать на ее архиважную работу, то, что происходит и НЕ происходит между ними — стократ важнее! Опять же — Рождество на носу.

Только вряд ли ему удастся в этот раз выманить Ник телефонным звонком. Значит, придется ехать самому. И опять надо будет поместить ее в обстановку, в которой ей деваться будет некуда. Только... Вместо полного отсутствия людей мы пойдем прямо противоположным путем. Кайл хмурит брови, потом усмехается. Кажется, он знает, ЧТО делать. Главная сложность заключается в том, КАК?!

— Мам, привет.

— Сынок! — голос Терезы Падрони дрогнул от радости. — Как ты? Мы скучаем по тебе! Когда приедешь?

— Пока не знаю.

— Что значит — не знаю?! Я надеюсь, ты не собираешься пропустить семейное Рождество?

— Нет, что ты! — усмехается Кайл. — Я еще жить хочу. Я, собственно, по этому поводу и звоню. Я не один приеду.

— Эзекиля привезешь?

— Гхм... не совсем. Я приеду с Николь Хант.

Краткая заминка, а затем — изумленное восклицание:

— Николь?! Твой штурман! Бог мой, неужели?!

— Ну да...

— О, Кайл! Это просто замечательно! Ты же знаешь, как мы мечтаем с ней познакомиться, особенно, после вашей победы! Будем ждать! Джо, Джо, послушай, что скажу!

Кайл торопливо прощается с матерью. Первую часть плана он выполнил. Остается вторая, но она не в пример сложнее. И в ее успехе он отнюдь не уверен.

Глава 25. Из Аргентины на Сицилию

«Завинчивают гайки... Побыстрее! —
Не то поднимут трос, как раз где шея»

В.С. Высоцкий. «Горизонт»

В Буэнос-Айресе он бывал, и не один раз. Для него этот мегаполис ничем не отличался от многих других. Теперь же он смотрел на город другими глазами. Это город Ник, она здесь живет, ездит по этим улицам, видит эти дома, это небо. Но сколько бы он ни всматривался в городской пейзаж, мелькающий за окном такси, это ничуть не помогало ему понять, как нужно говорить с Ники, что сказать, чтобы убедить ее. А ведь говорить придется, и не только с ней, он был в этом совершенно уверен.

Два дня до Рождества, но Ник этого совершенно не чувствовала. Лавина дел поглотила ее с головой. К тому же она сознательно «загоняла» себя, не давая ни малейшего шанса остановиться, подумать. Осознать, что происходит и что она делает. Телефонные звонки, после которых ей часто хотелось бросить все и рвануть в аэропорт. В самолет и к нему! Что ее останавливало — непонятно. Наверное, все те же сомнения, посеянные дядей. И собственная стыдливость. И прорывающееся с каждым телефонным разговором все больше раздражение Кайла. Все это очень походило на тупик, и всю мрачность и глубину этого тупика она панически не хотела осознавать, прячась, как страус головой в песок, уходя в единственное, что у нее было — в работу.

Был во всей этой ситуации один-единственный плюс. Дядя уже которую неделю был «шелковый» до невозможности. На работе беспрекословно соглашался со всеми ее предложениями, лишь в самых спорных случаях пытался возражать ей, но делал это крайне деликатно. Дома вдруг заделался поваром, балуя Ник кулинарными сюрпризами на ужин. Это было и грустно, и забавно, тем более, что аппетит у нее в последнее время был на «троечку». Но дядя не

оставлял попыток накормить Ники вкусеньким. Ради справедливости стоит отметить, что его эксперименты на ниве кулинарии удавались через раз.

Вот и сейчас он что-то ваял. С кухни ползли запахи, которые даже со всей придирчивостью нельзя было охарактеризовать иначе как «упоительные». Видимо, эксперимент сегодня можно признать удачным. Ник сидела в гостиной, по-прежнему с ногами, водруженным на столик. И кстати, теперь ей это позволялось совершенно беспрекословно. Ноутбук на животе, на экране открыты файлы с заявками команд. Ежегодное светопреставление с подготовительным этапом наконец-то обретало хоть какое-то подобие ясности.

Звонок в дверь был совершенно неожиданным, гости у них бывали редко, а уж незваные — и того реже.

— Ник! — закричал дядя с кухни. — Открой дверь, у меня руки в муке.

— Кто это? — Ник недовольно поморщилась, ставя ноут на столик и поднимаясь. Она только уловила ускользающее от нее уже некоторое время противоречие в заявках двух команд, как ее прервали. Как не вовремя!

— Я не знаю! — отозвался с кухни дядя.

Санта-Клаусу с мешком подарков на пороге собственной квартиры она бы удивилась и то меньше.

— Привет, — слегка лениво протянул он. Что за манера у человека разговаривать после долгой разлуки как ни в чем не бывало! Как будто говорили вчера! Она в себе нашла силы только кивнуть.

— Пригласишь войти?

И снова она смогла лишь наклонить голову в знак согласия, отступая в глубину квартиры. Махнула рукой в сторону гостиной. И в этот момент...

— Кто там, Ники? — в холле появляется дядя. — О, черт!..

— И вам здравствуйте, мэтр Лавинь, — подчеркнуто вежливо отвечает Кайл.

Этьен, как и племянница, реагирует на приветствие лишь кивком. И, провожаемые мрачным взглядом Лавиня, который выглядит весьма грозно, даже несмотря на мучной росчерк на щеке, они проходят в гостиную.

А там Ник совершенно неосознанно забивается в угол дивана, предлагая Кайлу сесть в кресло. Он ее приглашение игнорирует, садясь рядом. Лишая путей к отступлению. Деморализуя.

Она нервно прокашливается.

— Ты бы хоть предупредил, что приезжаешь...

— Зачем? Канун Рождества — пора сюрпризов и чудес... — так же лениво, тягуче произносит он. Слегка наклонил голову, разглядывает ее.

Ник страшно неловко от ситуации, от его взгляда, от его близости. В ней как будто начинает происходить какая-то неконтролируемая химическая реакция, катализатором которой является он.

— Ты... хм... полагаешь, что ты — рождественское чудо? — она из последних сил пытается сохранять сдержанность.

У него нет плана действий, нет идей, что ей сказать. Он вообще ни черта не понимает, кроме одного!

Резко притянул ее к себе за плечи и поцеловал. Просто потому что думать ни о чем другом не мог. А уж когда она стала отвечать ему...

Он забыл, где находится, что происходит вокруг. Плевать, что он в гостинной чужого дома, что где-то недалеко, за парой стен — Лавинь, который может войти в любой момент. Все летит в тартарары, когда его девочка ему отвечает поцелуем!

Вжал ее в мягкую спинку дивана, пальцы сами собой скользнули под футболку, нежно касаясь изгиба спины. Там у нее очень чувствительное место, он это выяснил! И — целовать, целовать, целовать... Мягкие губы, упругий язычок, глотать ее дыхание, первый тихий стон. Левая рука переместилась вперед, также под футболку. Футболка домашняя, и под ней нет ничего, кроме гладкой теплой кожи. Нашел сосок, тихонько сжал, теряя голову окончательно. Губы сами собой скользнули по шее вниз.

— Кааайл! — то ли шипит, то ли стонет она. И ладошки упираются ему в плечи. — Что ты делаешь? Не надо... не здесь...

Отрезвляет. Что в такой ситуации первая опомнилась в недавнем прошлом невинная девушка, а не он... с его-то опытом!

Медленно вытаскивает руки из-под футболки, аккуратно разглаживает ее. Пальцы трясутся, запускает их в свои волосы, чтобы скрыть это от Ники.

— Что ты делаешь?.. — беспомощно, дрожащими губами повторяет она. — Там же дядя на кухне...

— Что-что... — огрызается он. Зашибись разговор начал! — Это ты так на меня действуешь! Ты меня с умаводишь, я вообще не соображаю, что делаю!

Получается резко, почти зло. Он пытается уровнять дыхание, прийти в себя, чтобы не напугать ее, чтобы дать себе хоть какой-то шанс по-человечески поговорить.

Однако Ник не выглядит испуганной. После его слов вид у нее скорее... заинтересованный.

— Свою тебя с ума? — повторяет она вопросительно. — Я?

— Ты видишь тут кого-то еще? — он все никак не может справиться со своим раздражением. — Конечно, ты!

— И насколько... сильно? — нерешительно.

— Сама оцени! — не сдержавшись, рывкает он. Хватает ее руку и притягивает к явному доказательству того, насколько. Втягивает со свистом воздух. Что он творит?! Разжимает пальцы, отпуская ее руку. Только вот она свои пальцы не убирает. Глаза в глаза. Ярко-голубые против светло-серых. А потом тонкие девичьи пальчики чуть вздрагивают, движутся вдоль ткани брюк вверх и вниз, в робкой неумелой ласке. Серые глаза медленно закрываются, признавая полнейшую капитуляцию. Голова беспомощно откидывается назад. С губ срывается протяжно: *Savoli!* (ит. грубая форма выражения «ничего себе!» — прим. автора). Ник не знает этого слова, но судя по эмоциональности голоса, это какое-то ругательство.

А потом он резко откидывает руку, отстраняется. Ее легкая улыбка добивает его окончательно.

— Нам надо поговорить!

— Я вижу, как вы разговариваете! — раздается от входа в гостиную голос Лавиня.

Кайл вздрагивает, Ник заливается румянцем. Кайл отлично представляет, как это выглядит со стороны. Зажатая в углу дивана Ники со вспухшими губами от его нифига не нежных поцелуев. Он сам... дыхание как у марафонца после финиша, в штанах тесно. Интересно, как давно там стоит Лавинь, и как много он видел? Заметил ли он, что тут его племянница вытворяла своей рукой? Кайл бросает косой взгляд на Николь и с удовольствием отмечает, что румянец на ее щеках становится все жарче. «Поделом тебе! — думает он с мрачным удовлетворением. — Нельзя так издеваться над мужчиной!»

— Падрон! — прерывает его размышления Лавинь. Кивает головой в сторону выхода из гостиной. — На два слова!

— При условии, что вы оставите нож здесь! — парирует Кайл.

Этьен с недоумением смотрит на Кайла, потом на тесак в своей руке. Слегка усмехается.

— Хорошо! — кидает нож на стоящую рядом этажерку. — Я и голыми руками справлюсь...

— Кто б сомневался... — бормочет под нос Кайл, поднимаясь с дивана и направляясь за вышедшим из гостиной Лавинем. На Ники он не смотрит.

— Какого черта ты явился? — Лавинь не стал утруждать себя предисловиями, едва за ними закрылась дверь кабинета.

Кайл ожидал чего-то подобного. Наделся, конечно, хоть на какое-то подобие дружелюбия со стороны грозного шефа «Дакара», но и к такому повороту разговора был готов. И он уже давно не мальчик, чтобы его можно было запугать.

— Я забираю Ник.

— Да ну? — у холеного потомка французских аристократов сейчас такое выражение лица, что более слабонервный человек поторопился бы упасть в обморок. От греха подальше. — Я что-то не наблюдал ранее у своей племянницы ручки, как у чемодана. Чтобы ее можно было взять и забрать.

Кайл ругнулся сквозь зубы. Он сегодня, похоже, в принципе не способен правильно излагать свои мысли.

— Я хотел пригласить Ник... провести Рождество на Сицилии.

— Вот как? — Лавинь сохраняет показную невозмутимость. — И она согласилась?

— Мы... хм... не успели это обсудить.

— Видел я, как вы обсуждали! — все напускное спокойствие слетает с Лавиня. — Я тебе руки оторву!

Обсуждаемые части своего тела Кайл демонстративно складывает на груди.

— Вот что я тебе скажу, Лавинь! — его собеседник вздрагивает от резкости тона, от внезапного перехода на «ты». А Кайл и не думает менять этот тон. — Мы оба взрослые люди — и я, и Ник! И не надо тут играть в благородного отца семейства и изображать викторианскую мораль!

— Вот, значит, как мы заговорили... — голос Лавиня тих и угрожающ. — А теперь послушай меня, Падрон. Я знаю Ники долго, почти с рождения. Я знаю, что она за человек.

— Да я... — пытается ответить Кайл, но Лавинь не допускает этого. — Молчи и слушай!

Кайлу приходится кивнуть в знак согласия.

— Ник... сложно сходится с людьми. Редко к кому привязывается. У нее было непростое детство, знаешь ли... — из Этьена будто выпускают воздух, он устало садится на стул, горбит плечи. — Но уж если она кого-то одаривает своими чувствами... открывает сердце... то делает это безо всяких «но» и «если». Она не умеет наполовину, Падрон. Если уж любит — то любит!

— Я понимаю, — отвечает Кайл слегка растерянно. И от того, что именно он слышит от дяди Ник, и от того, как это произносится — устало и обреченно.

— Ни хрена ты не понимаешь! — последняя вспышка ярости, а потом Лавинь говорит. Почти без эмоций, размеренно и веско: — Если ты обидишь ее... если разобьешь ей сердце... Я не последний человек в мире автоспорта, Падрон. И я сделаю все, чтобы сломать твою блестящую карьеру. Можешь быть уверен.

Теперь очередь Кайла отвечать медленным кивком. Сказать ему нечего, Лавинь выразил свои мысли предельно ясно. Поворачивается, чтобы выйти из кабинета. И уже около двери его настигает вопрос Лавиня:

— Неужели тебе нечего мне ответить, Падрон?

— Я же чертов эгоист и очень дорожу своей блестящей карьерой, — негромко, не оборачиваясь, произносит Кайл. — Поэтому я постараюсь не обижать Николь.

Дверь за ним закрывается почти бесшумно, с легким щелчком. Этьен Лавинь, невозмутимый шеф самого известного в мире ралли-рейда, безнадежно укрывает лицо в ладонях.

— Я смотрю, голову тебе не оттяпали, несмотря ни на что, — этой фразой встретила его Ники в гостиной.

— Твой дядя решил, что меня проще кастрировать, — не остался в долгу Кайл.

— Ой...

— Да-да, — усмехнулся он ехидно.

— Что-то для только что... хм... кастрированного... ты излишне жизнерадостен, — Ник пытается поддержать тон разговора, но у нее получается плохо.

— А это, знаешь ли, бодрит! Так, все, хватить болтать, — пресекает он попытку Ник продолжить состязание в остроумии. — Иди, вещи собирай, — взгляд на запястье, — у нас через четыре часа самолет.

— У нас?! Самолет? Ты соображаешь, что говоришь?!

— Вполне. У дяди я тебя, — тут он слегка привирает, но на войне и в любви, как известно, все средства хороши, — отпросил.

— Отпросил? По-моему, ты слегка... неверно оцениваешь ситуацию.

Кайл неопределенно хмыкает. Говорить и убеждать у него сегодня получается скверно. Он лучше будет делать. Правда, действия его тоже сегодня не являются образцом благоразумия, но все же лучше так.

— Твой? — кивает на ноутбук на столике.

— Мой, — соглашается Ник.

— Конфисковано, — он захлопывает крышку и пристраивает ноутбук под мышкой.

— Эй! У меня там все рабочие материалы!

— Ничего не знаю! — он отступает от нее на пару шагов. — И нечего ко мне руки тянуть, — добавляет злорадно. — На Сицилии получишь обратно.

— Какая, к черту, Сицилия?!

— По дороге расскажу тебе, что такое Сицилия. Но учти, благодаря тебе, в моих глазах резко упал авторитет американской системы образования.

— Ты... — она выдыхает резко, подбирая слова, — ты — самоуверенный, наглый, черт знает что о себе воображающий...

— Бла-бла-бла, — перебивает ее Кайл. — Все это, и многое другое уже высказал мне твой дядя, так что не трать попусту слова и время.

На ее лице после этих слов мелькает виноватое выражение.

То, что он все-таки смог это сделать, Кайл осознал лишь в такси. Под неумолкаемую трескотню водителя, сжимая в руке тонкую ладошку Ник, он понял: он все-таки это сделал! И вот тут ему стало страшно по-настоящему. От того, что он собирался сделать в ближайшем будущем. Если у него хватит решимости.

— Стоит ли лететь из Палермо в Палермо, — бормочет Ник, застегивая ремень в кресле.

— Чего? — Кайлу кажется, что он ослышался.

— Ну, я живу в Палермо. И лечу сейчас тоже в Палермо.

— Ники, — произносит Кайл почти жалобно, — пожалей мой бедный мозг и прекрати говорить загадками. Как ты можешь жить в Палермо, если ты живешь в Буэнос-Айресе?

— Невозможно жалеть то, чего не существует, — огрызается Ники. Потом все-таки сменяет гнев на милость. — Палермо — это район Буэнос-Айреса, где мы живем с дядей.

— Забавное совпадение, — усмехается Кайл.

— Нас встретят? — Ник надоело молчать. Она и так упорно игнорировала Кайла всю дорогу до аэропорта.

— Да, наверное. Тома обещал.

— Кто такой Тома?

— Мой младший брат, — морщится Кайл. — Томмазо Падрони.

— У тебя есть младший брат? — удивляется Ники.

— Если бы только брат, — вздыхает Кайл.

— А кто еще? — Николь становится по-настоящему любопытно.

— Еще две старшие сестры, — Кайл загибает пальцы, — Лучиана и Симона. Именами их мужей и детей я тебе пока голову забивать не буду — успеешь еще «насладиться». И вообще, — он еще раз трагически вздыхает, — будет чертова прорва народу.

Ник переваривает полученную информацию. Вопросов куча, и самый главный — что она будет делать на этом семейном сборище с «чертовой прорвой народу». Но задавать этот вопрос как-то боязно. Вместо этого:

— Так вас четверо?

— Угу.

— А ты, значит, третий по счету...

— Ну да. А что? — спрашивает он подозрительно.

— Да так... — ответила Ник таким голосом, что Кайл приготовился к пакости. И не ошибся.

— Жил-был бедный крестьянин, и было у него три сына, — нараспев начала Ники. — Старшие двое были прилежные да проворные, а младший — лентяй и грязнуля, каких мало.

Кайл фыркнул, а Ники продолжила, как ни в чем не бывало, входя в роль:

— Целыми днями он сидел у печки и копался в золе. Или, — задумчиво добавила она, — в моторе. Ногти у него выросли

длиннющие, словно когти, волосы он отродясь не расчесывал, и прозвали его поэтому Замухрышка, — торжествующе закончила она.

— Ты пересказываешь мне фильм ужасов, который недавно посмотрела?

— Нет, — смеется она, — это сказка.

— Нифига себе сказочка. Откуда ты вообще знаешь такие... сказки? — изумляется он.

— Я, когда в пансионе жила... в детстве... очень любила читать сказки, — в противовес грусти в глазах она усмехается и бодро повествует дальше: — Все сказки народов мира перечитала, какие были в библиотеке.

— И какой народ породил эту чудную сказку? — интересуется Кайл.

Она улыбается не предвещающей ничего хорошего улыбкой.

— Ты не поверишь, но это... шведская сказка. Почти родная тебе.

— Вот черт!

Она звонко хохочет.

Примерно так она и «развлекала» его всю дорогу.

Как бы Ник ни представляла себе брата Кайла, действительность превзошла все ее ожидания.

Они были и похожи, и не похожи одновременно. Та же фигура, тот же рост. Но гораздо более светлая, чем у Кайла, чуть тронутая загаром кожа. Светлые же, с пепельным оттенком, идеально подстриженные волосы. И теплые медово-карие глаза. А черты лица — почти те же. С ума сойти можно!

— Ники, позволь тебе представить моего несносного младшего брата, — сказал Кайл, выбравшись из крепких объятий еще одного представителя диаспоры сицилийских богов, — Томмазо Падрони.

— Для вас, Ники, — видение совершенной светловолосой макушки, прикосновение твердых губ к ее руке, — просто Тома.

Ник потрясенно смотрит в смеющиеся золотистые глаза. И та же самая ироничная улыбка!

— Да, я знаю, в это трудно поверить, — произносит он мягко, с чуть заметным акцентом, — но я действительно его брат. Несмотря на то, что я божественно хорош, а он, — кивок в сторону Кайла, — жалкий уродец.

Ник поперхнулась ответным приветствием. Кайл фыркнул.

— Он просто невозможно избалован, как видишь. Уродился блондином в стране, где все нормальные мужчины — брюнеты. Вот и считает себя красавцем.

— Вы знаете, Ники, — как ни в чем не бывало, говорит Тома, беря Николь под руку и увлекая ее к выходу, — мне кажется, что зависть — это очень плохое чувство. Особенно для мужчины. Вы не находите?

— Эй, ты! — но Тома его не слушает, и Кайлу приходится, подхватив пару сумок, догонять своего брата, уводящего (вот скотина!) его девушку.

— У тебя машина для пенсионеров, ты в курсе?

— Это комфортабельный седан бизнес-класса стоимостью шестьдесят тысяч евро. Полноприводный, между прочим!

— О, для зануды-банкира ты великолепно разбираешься в машинах. Я потрясен.

— Не обращайтесь внимания, Николь. Если кто тут и зануда, так это Кайл. Считает, что только он знает о машинах все, — Падрони-младший открыл перед ней переднюю дверь. — Прошу. Впереди удобнее. Заодно я вам проведу небольшую обзорную экскурсию.

— Я сам проведу обзорную экскурсию! — Кайл буквально впихнул Ник на заднее сиденье, сел следом. — А ты постарайся обогнать по дороге хотя бы пару грузовиков. Я тебе подскажу, как это сделать, если что.

Экскурсия вышла со стереоэффектом. Братья перебивали и спорили друг с другом, показывая попадающиеся по дороге достопримечательности. Причем в число достопримечательностей попали как замок XIV века, занесенный в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, так и чуть более юная возрастом бензозаправка. Которая была примечательна тем, что в детстве братья Падрони на спор помочились на топливораздаточную колонку на глазах у владельца, и улепетывали, теряя штаны и едва не получив заряд соли в мягкое место. Периодически экскурсия прерывалась нотациями одного из экскурсоводов по поводу скорости передвижения, стиля вождения и умственных способностей другого. Другой не оставался в долгу и тоже высказывался аналогичным образом. Но, несмотря на все эти взаимные подколы, Ники чувствовала — братья искренне любят друг друга. Как же, наверное, это здорово — иметь родного брата! Все эти сожаления она изжила еще в детстве, быстро поняв, что у нее двое родных людей — бабушка и дядя. А теперь и вовсе

остался один дядя. Это ее жизнь, и она сложилась так, как сложилась. И все-таки она чувствовала легкий укол зависти к Кайлу, у которого была, судя по всему, большая и дружная семья.

Но дорожные размышления о семье Кайла совершенно не подготовили ее к встрече с членами этой самой семьи в реальности.

Падрони-старший, а точнее — самый старший, был сыновьям чуть выше плеча. Но в ширину, пожалуй, превосходил их обоих, вместе взятых. А еще он мог похвастаться живыми темными глазами, шикарной вьющейся шевелюрой с легкой проседью, и аналогичного качества и эффектности бородой. Пока этот необыкновенный представитель совершенно новой для Ники породы сицилийских мужчин горячо приветствовал старшего сына крепкими объятьями и громкими фразами на итальянском, она пыталась сообразить, кого он ей напоминает. А когда поняла, едва сдержала удивленное восклицание. Просто двойник великого итальянского тенора Лучано Паваротти!

Между тем, «Паваротти», выпустив из объятий одного сына, уже стискивал другого. Тома терпел проявления отеческих чувств со снисходительной улыбкой.

— И это при том, что мы виделись сегодня утром, — сказал он Ники через голову отца.

Эти слова младшего сына заставили главу семейства обратить внимание на гостью.

К поцелую руки она, благодаря Тома, была худо-бедно готова. А вот к тому, что ей буквально на своих плечах и спине придется ощутить крепость объятий Падрони-старшего, она не подготовилась. Только пискнуть успела жалобно. Кайл за спиной у отца виновато развел руками и страдальчески приподнял брови.

Наконец, Джо (она откуда-то вспомнила, что именно так зовут отца Кайла) отпустил ее, схватил ее ладошки в свои огромные ручищи.

— Ай, Николь, *la mia bella* (ит. моя красавица — прим. автора)! Как же я счастлив наконец-то познакомиться с тобой! — по-английски сеньор Падрони говорил весьма прилично, с таким рокочущим акцентом. — Сам Господь послал тебя нашему мальчику, чтобы он стал чемпионом! Господь услышал наши молитвы! Вы вдвоем с моим сыном просто непобедимая команда!

Находящийся за спиной отца Кайл упражнялся в жанре пантомимы, цель которой была убедить Ники не воспринимать эти слова слишком серьезно. Стоящий рядом Тома откровенно веселился.

— А ты чего хохочешь? — неожиданно напустился на младшего отец. — Брал бы пример со старшего брата — вот кто сумел устроиться в жизни!

— Да ну? — иронически отвечает Тома.

— Без «ну»! Гоняет на шикарных машинах в обществе красивой девушки, еще и деньги за это получает!

— Да-да, — совершенно подхалимски поддерживает отца Кайл, одновременно, все также за спиной у него, корча рожи брату. Ник не выдерживает и прыскает. Мальчишки!

Тома страдальчески закатывает глаза.

— Я бы сказал, что в жизни сумел устроиться тот, кто в двадцать семь лет добился должности заместителя управляющего банком. А не тот, кто, надев большой шлем, бездумно носится на огромных скоростях, рискуя свернуть себе шею в свои почти тридцать.

— Ты просто завидуешь!

— Да конечно!

— А кстати, — прерывает их спор отец. Обращается к младшему: — Ну-ка, скажи мне сиятельный банкир и заместитель управляющего, ты пригласил к нам на Рождество ту девушку? Габриэллу?

— Нет.

— Почему?! — негодует сеньор Падрони.

— Не вижу смысла, — пожимает плечами Тома. По всему видно, что разговоры на эту тему ведутся в семье не впервые.

— Ей давно пора познакомиться с нашей семьей! А тут и брат твой как раз в кои-то веки дома!

— Не понимаю, зачем ей знакомиться с семьей, — отвечает Падрони-младший уже с легким раздражением. — Я же не собираюсь на ней жениться.

— И очень плохо! — безапелляционно заявляет отец. — Давно пора уже, не юноша ведь, взрослый состоятельный мужчина!

Тома ехидно улыбается.

— Ну, я же не могу жениться раньше старшего брата, — отвечает он голосом пай-мальчика. — Вот Кайл женится, а потом уж и я.

На этих словах Кайл отчетливо вздрогнул. От необходимости отвечать его избавило появление на сцене очередного персонажа.

— Сынок! — раздается женский голос.

Знакомство с семейством Падрони продолжается.

Если внешность отца Кайла Ники удивила, то наружность матери ее просто потрясла. Она слышала, конечно, что мать у Кайла — шведка. Но что она НАСТОЛЬКО шведка...

Примерно одного с Ник роста, и почти такой же комплекции, что крайне удивительно для женщины, родившей четырех детей. Убранные назад светлые волосы, тонкие черты лица, узкие губы, пронзительные глаза, которые сейчас светятся радостью от встречи со старшим сыном. Короткое и довольно сдержанное объятие, материнский взгляд-рентген в одну секунду охватывает сына всего — от макушки темных волос до носков кроссовок, и, убедившись, что с ним полный порядок, переключается на Ники.

— Николь, — хоть кто-то здоровается с ней нормальным цивилизованным образом. Легкое рукопожатие, улыбка и сдержанный кивок. — Добро пожаловать. Мы давно и с нетерпением ждем вас в гости. Друзья Кайла — дорогие гости в нашем доме.

— Спасибо... гхм... — Ник не сразу соображает, как правильно обратиться, — сеньора Падрони.

— Нет-нет. Прошу вас, просто Тереза, хорошо?

— Хорошо... Тереза.

Мать Кайла ободряюще улыбается ей, отчего становится заметной сеть глубоких морщин вокруг глаз и в уголках губ. Но ее это вовсе не портит. Совершенно удивительная женщина, хотя и совсем не похожа на типичную итальянскую матрону.

А вот сестры Кайла были настоящие итальянки, как их представляла себе Ник. Вот уж кто уродился в отца! Смуглокожие, темноглазые, с волнами роскошных кудрей, с фигурами, состоящими из одних волнительных изгибов, они, несмотря на то, что ощутимо различались чертами лица, показались Ник похожими друг на друга и на копию молодой Софи Лорен.

Из их цепких лап Кайл выдрал Ники практически силой, и она так и не успела запомнить, которая из них Симона, а которая — Лучиана.

— Потом, потом, — отмахнулся он от сестер. — Еще успеете. Мы устали с дороги, дайте передохнуть, — и уже шепотом, на ухо Николь: — Давай делать ноги, пока живы!

Они успели подняться до середины лестницы на второй этаж, когда услышали окрик отца Кайла.

— Джузеппе!

Ник не замедлила шаг, пребывая в уверенности, что это адресовано кому-то из обитателей дома, с которым она еще не знакома. А вот Кайл замер.

— Да? — ответил со вздохом, не оборачиваясь.

— Потом, как отдохнете, оденьтесь попроще — пойдем показывать Ники, какие у нас оливы выросли в этом году!

— Хо-ро-шо! — ответил он по слогам. На изумленный взгляд Ник ответил прижатым к губам пальцем и двинулся вверх по лестнице. Ей ничего не осталось, как последовать за ним. Но уж в отведенной ей комнате, едва закрылась дверь...

— Что это значит?

— О чем ты? — Кайл с видом профессиональной горничной прошел к окну, раздвинул шторы, приоткрыл раму.

— Что значит вот это вот «Джузеппе»?

Кайл вздохнул.

— А ты не догадываешься?

— Я даже боюсь предположить...

— Поскольку я — долгожданный, после двух дочерей сын... и на тот момент родители, естественно, не знали, будет ли у них еще один сын... и вообще, в семье отца так принято — называть внука в честь деда... Вот меня и назвали в честь деда — одного и второго. Джузеппе Кайл Падрони — мое полное имя согласно метрики. Звучит идиотски, я знаю. Можешь начинать смеяться.

Ник попыталась не последовать этому совету, но у нее не получилось. Она прикусила губу, не помогло. Прыснула, а потом и вовсе захохотала в голос.

— Джузеппе?! Ты — Джузеппе?! Я не верю!

— Могла бы проявить воспитанность и не ржать в голос! — обиженно отозвался Кайл.

— Не могууууу, — почти простонала Ник.

Кайл с досады пихнул ее в плечо, от чего она повалилась на кровать, но и там продолжала сдавленно хихикать.

— Слушай, ну я не представляю, что ты — Джузеппе... — сквозь всхлипы проговорила она.

— Да никто меня так не называет, только отец! Он тот еще чертов упрямец! Это он мне мстит за то, что я выступаю под измененной фамилией. Для всех остальных я Кайл Падрон. В том числе, — добавил он предупреждая, — и для тебя.

— Ну как же так! — надула губки Ник, отсмеявшись. — Я тоже хочу! Какая уменьшительная форма у имени Джузеппе? Джузи? Можно, я буду называть тебя Джузи? Ну, пожалуйста... — она совершенно по-девчачьи хихикнула и в довершении всего совсем как ребенок заныла: — Джузи, ну пожалуйста, Джузи...

— Нарываешься? — тон Кайла стал уже всерьез угрожающим. Ник приподнялась на локтях. На губах — проказливая улыбка. — И что ты мне сделаешь?

Он сделал шаг, потом другой. Уперся коленом в ее согнутое. Ни тени улыбки на лице, в глазах отчетливый отблеск стали.

Ник тоже перестала улыбаться. Дыхание какого-то черта понеслось в галоп, и взгляд оторвать от него невозможно.

А Кайл открыто уставился на ее вздымающуюся под тонкой футболкой грудь, благодаря опоре на локти представленную его глазам в самом выигрышном свете. Впрочем, грудь у Ники и так идеальна, как раз для его ладоней. Он сделал еще полшага, и поставил свою вторую ногу по другую сторону от ее коленей, сжал их своими. Она не выдерживает напряжения, губы приоткрываются, а глаза, напротив, закрываются. Представляя, предвкушая. Как через секунду она почувствует тяжесть его тела на себе.

В коридоре, за дверью, раздается какой-то шум. Ник распахивается глаза, а Кайл делает пару торопливых шагов назад.

— Вставай, давай! Нечего тут передо мной на кровати валяться! Если кто-то зайдет, еще подумает что-нибудь плохое.

— Плохое?! — Ники садится на кровать, смотрит на Кайла с изумлением. — А что, про тебя можно что-то другое подумать?

— Очень смешно, — морщит нос Кайл, отступая еще на шаг. — Вставай, я кому сказал! Я не хочу, чтобы подумали, что я тут тебя... тискаю.

— Да?! А, по-моему, ты именно это и собирался делать! — помимо ее воли, в голосе Ник звучит легкое разочарование.

— Да мало ли что я собирался... Если нас застукают, меня точно кастрируют, четвертуют и зажарят на фирменном оливковом масле моего отца!

— Эмн... — Ник встала с кровати, шагнула к Кайлу. Он шарахнулся от нее, отступив почти к двери, — мне кажется, что ты не совсем здоров. Говоришь какие-то странные вещи.

— Это правда, — вздыхает Кайл. — У нас в семье очень строгие правила. Особенно насчет, — он выдает еще один горестный вздох, — этого.

— Этого?

— Этого самого!

— Я не верю своим ушам, — качает головой Ники. — Как в семье с такими строгими моральными устоями мог вырасти такой...

— Какой?

— Такой!

— Ну, какой такой? — подначивает он ее.

— Такой... такой... великолепный и чувственный мужчина-любовник... просто мечта... — и откуда у нее взялись в голосе эти мурлыкающие интонации?

— Ой...

— Да-да... — легкая дразнящая улыбка.

— Черт! Я породил монстра! Прекрати так на меня смотреть! Я же не железный!

Она медленно и расчетливо облизнула губы. Он ответил ей бессильным стоном и обжигающим взглядом.

— Что такое, малыш? — для полнейшего усугубления его терзаний и голос ее звучит бьющей по нервам чувственной симфонией — чуть хрипловато и проникновенно.

А когда Ник делает еще шаг к нему, происходит то, чего в жизни Кайла не было со времен детства. Он попросту удирает. Как тогда с бензозаправки.

Глава 26. Италия. Сицилия. Провинция Мессина

«Они знали — игра стоит свеч.

А теперь — что сигналить рекламным щитам.

Ну, а может гора ему с плеч,

Иль с капота, или что у них есть еще там»

В.С. Высоцкий. «Песня о двух красивых автомобилях»

Проснулась Ник под пение птиц. Впрочем, через пару секунд после пробуждения, так и не открыв глаза, она заподозрила, что эти звонкие чирикающие звуки принадлежат отнюдь не пернатым. Пришлось открыть глаза, чтобы убедиться в своих предположениях.

Парочка кучерявых и глазастых ангелочков, примерно лет пяти или семи (с точным определением детского возраста у Ники были, по очевидным причинам, некоторые сложности), сидели на кровати, в ногах, бесцеремонно разглядывая ее и возбужденно переговариваясь. Именно их разговор, происходивший, понятное дело, на итальянском, Николь и приняла за чириканье. Разобрать она смогла только слова «bianco» (ит. белая), «bello» (ит. красивая) и «ragazza» (ит. девушка).

Увидев, что объект наблюдения открыл глаза, парочка спрыгнула с кровати, но уходить не спешила. Стояли возле двери и со слегка виноватым видом (только дети могут изображать на своих мордашках столь тонкие оттенки виноватости) поглядывали в сторону гостыи. Ангелочка ростом повыше Ник все же определила как мальчика, чему в немалой степени способствовало изображение Молнии МакКуина на пижамной майке. С другой стороны, копна темных кудрей и глазищи с королевскими ресницами могли бы посрамить любую девчонку. Однако строптивый и дерзкий взгляд, резко контрастировавший с усердно изображаемой скорбной миной, окончательно убедил Ники, что она имеет дело с самым младшим поколением сицилийских сердцеедов.

Второй же ангелочек был, безусловно, девочкой — очаровательной малышкой в розовой пижаме с многочисленными оборками.

Ники прокашлялась, пытаясь вспомнить что-нибудь подходящее из своих весьма ограниченных запасов итальянских слов.

— Buongiorno, bambini! (ит. Доброе утро, дети).

Ангелочки уставились на нее с таким изумлением, будто это заговорил платяной шкаф или комод. Первой решилась ответить девчушка.

— Ciao. (ит. Здравствуйте).

Ник выдохнула с облегчением. Пока диалог происходил в рамках ее скромных возможностей. Поворошив память, она выдала фразу, которая была практически пределом ее лингвистических способностей:

— Come si chiama? (ит. Как вас зовут?)

У детей даже рот приоткрылся от изумления. В глазах старшего мелькнуло уважение.

— I Io sono (ит. Я), — мальчик для убедительности ткнул в себя пальцем, — Luca. Si tratta di (ит. Лука. Это —), — указующий перст уткнулся в девочку, — Marcella (ит. Марселла), — подумал, оценивающе посмотрел на Ники и решился на уточнение: — Mia sorella. Questa и mia sorella. Capisci? (ит. Моя сестра. Это моя сестра. Понимаешь?)

Ник не сдержалась и улыбнулась.

— Sm, capisco. Marcella и tua sorella. Il mio nome и Nicole. (ит. Да, понимаю. Марселла — твоя сестра. Меня зовут Николь.)

Дети дружно кивнули. Воцарилась тишина. Стороны разглядывали друг друга в попытке осознать пути для налаживания дальнейшего диалога, каковая была прервана явлением еще одного лица в спальне Ник.

— Bambini! Che cosa ci fai qui? E bene andare via! (ит. Дети! Что вы здесь делаете? А ну-ка, идите отсюда!).

Дети дружно юркнули за дверь, оставив Ник наедине с сестрой Кайла. Вот только с которой?!

Между тем, эффектная брюнетка, облаченная в шелковый халатик, который скорее подчеркивал, нежели скрывал роскошное тело, села на краешек кровати и дружелюбно улыбнулась Ник.

— Простите их, Николь, — и снова этот мягкий акцент. — Это не дети, а сплошные agita... (ит. непоседы) извините, не знаю, как правильно сказать. Не очень хорошо говорю по-английски.

— Вы прекрасно говорите по-английски... — Ник задумалась, но так и не смогла вспомнить и рискнула сказать наугад: — Лучиана.

— Симона, — ослепительно улыбнулась собеседница.

— Ох, простите!

— Да ладно, — усмехнулась Симона. — Кайл вчера так торопился тебя... ой, ничего, что я так запросто?

— Конечно, — поторопилась согласиться Ник.

— Так вот, я говорю, что Кайл так торопился вчера тебя увести, что неудивительно, что ты не запомнила наши имена.

— Ну... гхм... мы устали. Долгая дорога, трансатлантический перелет, понимаешь?

— Понимаю, — Симона улыбается так, что у Ник возникают сильные сомнения в том, что сестра Кайла действительно ее поняла. Похоже, Симона считает, что у Кайла были иные причины.

Ники повела плечами, устраиваясь удобнее, отчего одеяло сползло вниз. Симона, вместо того, чтобы деликатно не обратить внимания, заинтересованно уставилась. Ник смущенно подхватила одеяло. Хотя на ней и была майка, но совсем тонкая, полупрозрачная, а тут незнакомый человек.

— Как я тебе завидую, Николь, — вздохнула Симона.

— Чему? — изумилась Ник.

— Твоей фигуре.

— Ой... — Ники совершенно искренне смутилась. Ох уж эти непосредственные итальянские девушки! — Да было бы чему...

— Такая грудь аккуратная, — Симона выдала еще один театральный вздох, от чего ее собственное величие размера этак четвертого, а то и — пятого, величественно колыхнулось.

— Симона, — Ники смутилась еще больше, — тебе ли завидовать. С твоей-то...

— Надоела она мне, — раздраженно ответила сестра Кайла, потрянув кудрями. — Утомительно. Франческо, конечно, нравится, ну а мне — одни неудобства. На животе не поспишь, с одеждой сложности. То ли дело — второй, как у тебя. Второй же?

— Ну да... — Ник пыталась из всех сил сделать вид, что такой разговор для нее — дело привычное.

— Самое то! — авторитетно заявила Симона, после чего встала с кровати, сладко потянулась и подмигнула Ник: — Ну что, пойдем завтракать? Папа там уже буянит внизу — ему нужна компания.

— Па, дай ключи от старого Доба.

— Зачем тебе?

— Покатаю Ники по окрестностям.

— Дело хорошее, — одобряет сеньор Падрони. — Покажи ей наши красоты. А ключи на обычном месте висят. Помнишь еще, где?

— Помню, — усмехается Кайл. Протягивает Ник руку. — Пошли, штурман. Будешь дорогу показывать.

Оставшиеся за столом отвечают дружным смехом, а Ник не находит, что сказать. Все утро она была занята тем, что пыталась запомнить, кого как зовут, и еще надо было отвечать на вопросы, причем их было много и со всех сторон. И это еще хорошо, если она понимала, о чем именно ее спрашивают! Потому что далеко не все

члены семьи Кайла прилично говорили по-английски. Вот Алессандро, муж Лучианы (кажется?!) говорил много, громко и, большей частью, увы, совершенно непонятно для Ник. Приходилось отвечать преимущественно улыбкой. Если этого было недостаточно, добавляла «Si» — на свой страх и риск.

Поэтому предложение Кайла прокатиться по окрестностям Ник приняла с благодарностью. Ей надо было передохнуть и попытаться разложить свои впечатления по полочкам.

— Мы на ЭТОМ поедем?

— Что не так? Недостаточно шикарно для тебя? — Кайл открыл пассажирскую дверь потрепанного красного универсала. — Прощу, принцесса!

— Мне-то что, — хмыкнула Ник, садясь в машину. — Но тебе... после «Мазератти»...

— Если есть колеса и мотор — значит, я могу этим управлять, — Кайл завел машину.

— Ну да, — согласилась Ник. — Тебе надо привыкать. «Спайдер» ты проспорил.

— Я так не думаю, — процедил Кайл, выруливая из гаража. — За все, что это недоумок сделал, он мне еще и должен будет!

Ник не ответила. Она вдруг вспомнила, что предшествовало тому разговору про проспоренный «Мазератти», обо всем, что было на острове. Черт, когда она разучится краснеть?! Кайл бросил косой взгляд на ее зарумянившиеся щеки, губы его чуть дрогнули в улыбке. И она была готова поспорить на что угодно, что он догадался, о чем она подумала! И что ему это нравится!

— А ты еще и жадный, оказывается! — она пытается отвлечься от своих воспоминаний.

— Знаешь, — задумчиво отвечает Кайл, выезжая на дорогу, — мне иногда кажется, что ты думаешь обо мне исключительно плохо. Только плохо и никогда хорошо.

— Ну почему? — смущенно возражает Ник. — Не всегда плохо. Иногда... хм... хорошо.

— Ну и зря! Не надо обо мне думать хорошо. Я ужасно коварный тип!

И снова она не находится с ответом.

— Это тоже часть экскурсии? — поинтересовалась Ник.

— Можно сказать и так, — ответил Кайл, паркуя машину аккуратно между двумя деревьями.

— И чем примечательна именно эта проселочная дорога? И именно эта часть леса?

— О, это очень примечательная часть провинции Мессина. Именно здесь... — он заглушил мотор и повернулся к ней, — я собираюсь вытащить тебя из машины, затолкать на заднее сиденье... Кстати, надо его сложить!

Он перегнулся назад, щелкая там чем-то, пока Ник молчала, ошарашенная его словами, и созерцала рельеф спины под натянувшейся футболкой.

— Уфффффф, все! — он откинулся на место. Вытащил ключ из замка зажигания, открыл дверь со своей стороны.

— Эй! Ты что собираешься делать? — запоздало запаниковала Ник.

— Что я собираюсь делать? Ты действительно хочешь это знать?

— Эээээ... ну да!

— Хорошо, — он наклонился к ней. — Я собираюсь разложить тебя на этом вот уже разложенном заднем сиденье, — кивок назад и снова глаза в глаза. Она просто не может отвести от него взгляда. А он продолжает, и с каждым новым словом его голос становится более тихим и хриплым одновременно. — Потом я стащу с тебя все эти многочисленные тряпки, которые на тебе надеты, все до единой. И когда ты останешься совсем... — у нее замерло дыхание, а он выдержал паузу, упиваясь ее замешательством, и с наслаждением закончил фразу: — совсем голенькая... тогда я... я... — тут справляться со сбившимся дыханием приходится уже ему, Ники же к этому моменту напрочь забыла о необходимости дышать. Но он же боец, и упрямство заставляет его поставить финальную точку. — Я раздвину тебе ножки и буду тебя... ласкать... пальцами. Целовать... там. Нежно. Долго.

Голубые глаза в изнеможении закрываются. А он добивает ее. Контрольно.

— Но сначала... сначала я буду смотреть. Ведь это же... экскурсия.

Надо ли отдельно упоминать о том, что после этих слов состояние Ники было таково, что она позволила ему проделать с собой все вышеперечисленное и многое другое? Не возразила ни единым словом. Слов вообще не было, изъяснялась она только стонами и всхлипами. И одно лишь слово, в момент наивысшего наслаждения, туго прогибаясь вверх, навстречу его губам:

— Дааааааааа...

— Куда ты собрался?

— Я же тяжелый, наверное...

— Не льсти себе! Ты тощий доходяга!

Кайл весело хмыкнул.

— Ну, раз так... то я еще полежу на тебе. Ты такая мягкая. Очень удобно.

Она хихикнула. Отвечать гадостями не хотелось совершенно. Вместо этого провела рукой — от затылка (зарос неимоверно, можно уже косы плести!), по шее вниз, по спине (про доходягу она соврала, конечно, вон какие бугры мышц). Ладонь замерла на пояснице.

— Что же ты остановилась? Давай дальше, — он улыбается ей в шею. — Мне приятно.

— Эээээ... прямо вот... туда... еще ниже?

— А ты не знаешь, как называется эта часть тела? — он приподнялся на локтях, на губах та самая бесовская улыбка. — Я сейчас расскажу тебе, как ЭТО называется.

— Я знаю! — она ущипнула его. Как раз за ту самую неназванную часть тела.

Он ойкнул. Попытался увернуться. Ее другая рука воспользовалась этим, скользнув ниже, между их телами, и...

— Слушай, ты... опять...

— Угу, — начинает целовать ее от виска — лоб, глаза, кончик носа, губы наконец-то...

— У тебя всегда, что ли... как не потрогаю... так у тебя... — она выговаривала все это между его поцелуями, — эрекция!

— Ох, нифига себе! Эрекция! Какое ты слово выучила! — он пытается улыбаться и целовать ее одновременно. — Только тут есть прямая связь. Эта самая эрекция как раз и приключается от того, что трогаешь. Впрочем, она приключается просто от того, что ты рядом. И даже, — вздыхает, — когда тебя нет рядом. Но все равно из-за тебя!

— Да? — у нее невозможно, до смешного самодовольный вид. — Значит, лучше не трогать?

— Лучше — трогать! Еще как трогать!

— У тебя водолазка есть?

Вопрос Кайла выдернул Ники из мечтательной полудремы, в которую она погрузилась на обратной дороге.

— Что?

— Водолазка есть?

— Не понимаю...

— Черт, Ник! Среди вещей, которые ты взяла с собой, есть водолазка?

— Нет, — растерянно.

— А шарф? Какой-нибудь маленький шелковый шарфик или шейный платок?

— Нету... А с чего такой интерес к моему гардеробу?

— С того! — машина резко принимает влево, с визгом шин разворачивается.

— Куда мы?!

— В магазин, — лаконично.

— Так срочно?

— На шею свою посмотри! — и уже себе, под нос: — Ты идиот и самоубийца, Падрон!

Ник отгибает солнцезащитный козырек, в обратной стороне — зеркало. И в нем отражается эффектный багрово-фиолетовый синяк на нежной светлой коже.

— Ты животное, — вздыхает Ник.

— А я предупреждал — я ужасно коварный тип.

Рука ужасно коварного соскальзывает с рычага коробки передач аккуратно на колено пассажирки. Пассажирка, что характерно, не возражает, лишь довольно вздыхает.

— Что я вижу...

— А что ты видишь? — Кайл разогнулся, стукнулся затылком о поднятый капот. — Вот черт! Все из-за тебя, Тома! Чего явился?

— Я не верю своим глазам, — Тома проигнорировал недовольство брата. — Великий чемпион Падрон сам, собственными руками ковыряется в моторе!

— Я это, в отличие от некоторых, умею делать! — парировал Кайл, вытирая руки промасленной тряпкой. — Зажигание подрегулировал.

— Тебе совсем нечем заняться?!

— Да меня в команде все равно к машинам механики не подпускают. Гонят чуть ли не пинками. В отличие от Николь — ей в боксах все можно!

Тома расхохотался обиженным интонациям в голосе брата.

Придирчиво осмотрел верстак, смахнул с него мусор.

Неудовлетворенный результатом, решил сесть в машину, на заднее сиденье.

— А где Ники, кстати?

— Это две козы... — прошипел Кайл, — устроили форменную диверсию!

Тома на секунду нахмурился, потом понимающе кивнул. Две козы — это, конечно, Симона с Лучианой.

— Что, показывают Ник твои детские фотографии и юношеские трофеи?

— Угу, — уныло согласился Кайл. Захлопнул капот, подошел к открытой задней двери, облокотился. — Как ты сам понимаешь, принимать в этом участие у меня нет ни малейшего желания.

Тома согласно кивнул. Уж тут-то он понимал брата, как никто. Какое-то время братья молчали, а затем младший выдал совсем неожиданное:

— Кайл, покажи кольцо.

— Чего?!

— Кольцо, говорю, покажи. Ты же купил уже?

— Какое еще кольцо? — Кайл изо всех сил пытается замаскировать смущение.

— Хорош прикидываться, — усмехается Тома. — Я уверен, что ты в шаге от самого опрометчивого поступка в своей жизни.

— Ты фантазируешь!

— Я не фантазирую. Я просто-таки уверен, что ты и Ники...

— Ник — мой штурман. Только штурман! — обороняется Кайл. Но врет, каждым словом врет.

— Да ну? Учитывая, что последним до тебя на этой машине ездил отец...

— К чему эти сложные логические выкладки?

— К тому, что использованный кондом, который валяется тут на полу, принадлежит, соответственно, ему, — невозмутимо отвечает Тома. — Что же это получается, братец? Папа изменяет маме?!

— Черт!!! Вылезай оттуда быстро!

— Что, я могу обнаружить здесь еще что-то интересное? Кружевные трусики, например? — забавляется Тома.

— **ВЫЛЕЗАЙ, КОМУ Я СКАЗАЛ!!!**

— Да все, все... — младший самостоятельно покидает машину, уверенный, что промедли он еще чуть-чуть — и его оттуда извлекут не без применения грубой силы.

Кайл запирает машину, засовывает ключи в карман. Впрочем, руки остаются там же, плечи понурены. Вздыхает.

— Заметно, да?

— Заметно, — отвечает Тома. Улыбаться перестал. — По крайней мере, мне. И, возможно, не только мне. Знаешь, когда ты смотришь на нее...

— Смотрю и что?

— Помнишь, в девять лет ты влюбился в Джулию? Они жили на нашей улице, наискосок. Ей было лет семнадцать, кажется...

— Помню, — усмехается Кайл.

— Ты еще тогда пришел к отцу и сказал, что собираешься на ней жениться. Так вот, тогда у тебя было точно такое же выражение лица, когда ты смотрел на Джулию. Дурак дураком.

— Очень смешно, — огрызнулся Кайл.

Стоит все так же, отвернувшись от брата, засунув руки в карманы. Тома подходит к старшему брату, кладет руку на плечо.

— Боишься?

— Боюсь, — понуро соглашается Кайл.

— Ладно, — вздыхает Тома, — я тебе кое в чем признаюсь. Я тоже собираюсь свалить дурака.

Кайл резко поворачивается, смотрит изумленно на младшего.

— Ты? Что это значит? — и, секундой спустя, понимая: — А, та самая Габриэлла?

— Она самая, — Тома зеркальным жестом засовывает руки в карманы брюк. — Она мне знает, что недавно заявила? Что у нас, дескать, свободные отношения и все такое! И что мы должны спокойно относиться к другим симпатиям друг друга!

— Как это нагло с ее стороны, — пытается скрыть улыбку Кайл, наблюдая негодование младшего.

— Я ей покажу «свободные отношения»! Мы, видишь ли, — тут Тома снова вздыхает, — в Палермо вместе живем. Уже полгода. В грехе, как ты понимаешь.

— О, ужас! — Кайл уже не пытается маскировать смех.

— Отцу только не говори! — в отличие от брата Тома совершенно серьезен.

— Не буду! — соглашается Кайл. — Но и ты про это... — кивок в сторону заднего сиденья красного универсала, — молчи.

— Договорились! — и, после паузы: — Ну, так что, покажешь кольцо?

— В комнате оно. Знаешь, я чуть с ума не сошел, когда его покупал!

Он сам себя не узнавал, когда пошел на поводу этой идиотской, невесть откуда взявшейся идеи — купить Ник кольцо. Как будто он

собирался делать ей предложение! Но ведь собирался... или нет — не собирался, но выхода другого не было! И все-таки — он сам этого хотел! Только боялся смертельно. Он, который никогда и ничего не боялся!

В общем, как бы то ни было, а он свел с ума не одну продавщицу в самых престижных ювелирных салонах Монако. Своими прекрасными глазами, обаятельной улыбкой и нескончаемыми сомнениями в том, что ему предлагают именно то, что нужно ему и подойдет его девушке. Продавщицы вздыхали, что такой экземпляр достался не им, но делать нечего, работа есть работа. И идеальное кольцо все же было подобрано и приобретено. Белое золото, платина, сапфир в семь карат и бриллианты числом четырнадцать. Это кольцо, тихо покоящееся в синей бархатной коробочке, безмерно пугало его самым фактом своего существования и принадлежности ему, Кайлу. И он основную часть времени предпочитал считать, что попросту выкинул деньги на ветер. А в иные моменты он страстно мечтал увидеть это кольцо на безымянном пальчике Ник. При этом было бы желательно, чтобы оно там как-то само собой очутилось. А еще — чтобы он не прогадал с размером.

— Что за кольцо? — прервал его размышления Тома.

— Кольцо как кольцо, — пожал плечами Кайл. — Сапфир, бриллианты. Пятнадцать тысяч евро.

— И этим все сказано! — усмехнулся Тома. — Однако... ты не мелочился.

— Слушай, не напоминай мне! — взмолился Кайл.

— Ладно-ладно. Но раз ты такой эксперт... в этом вопросе. Может, посоветуешь, какое кольцо купить Габи?

— Блондинка, брюнетка? — деловито поинтересовался Кайл.

— Шатенка, — мечтательно вздохнул Тома. — Зеленоглазая бестия.

— Тогда — изумруд, — безапелляционно заявил Кайл.

— Думаешь?

— Уверен. В тон глаз.

— Да? Ладно, я подумаю, — задумчиво кивает Тома. — Давай, сначала ты, а потом уж я.

— Да отстань ты от меня! Думаешь, это так просто?! Может, я вообще... еще не решил... и передумаю!

— Я тебе передумаю! Будешь трусить — расскажу козам про кольцо!

— Ах так? — Кайл сузил глаза. — А я... а я... а я расскажу отцу, что ты живешь с Габриэлкой!

— С ума сошел?!

— И еще скажу, что она беременна! — мстительно добавил Кайл.

— Ладно, ладно, я понял! Молчу! Но учти — я за тебя болею, мысленно с тобой и все такое.

— Это-то и пугает. Ладно, — вздыхает, — пошли, что ли...
Надеюсь, экзекуция там уже закончилась.

— Слушай, Кайл, — Тома задумчиво наблюдает, как брат запирает гараж, — а скажи мне...

— Чего? — Кайл сражается с замком, ругаясь вполголоса.

— Как оно... трахаться в машине? Сто лет не практиковал. С того памятного раза...

— Как, как... По-прежнему неудобно!

Глава 27. Самое главное происходит на Сицилии. А потом — снова в кругосветку

«Я всегда твердил, что судьба — игра»

И.А. Бродский

— Ник, неужели ты собираешься выйти в этом к праздничному столу?

За пару дней, проведенных в доме родителей Кайла, Ники уже привыкла к тому, что к ней в комнату в любой момент могли ворваться Симона или Лучиана, а то и вовсе дети. Не так уж это ее и раздражало, собственно. Зато она теперь сестер совершенно не путала.

Однако сейчас явление Лучианы было совсем некстати. Черт с тем, что Ник стоит в одних брюках и лифчике, с водолажкой в руке. Но вот шею, которую она столько времени тщательно маскировала, прикрыть от бдительного ока Лучианы не успела.

— Вот скотина! Incazzato! (ит. охреневший) — Лучиана, схватив Ник за плечи и не давая ей отвернуться, разглядывает приобретенный все дивные оттенки спелой сливы синяк.

— Это я ударилась... — совершенно безнадежно соврала Ник. Ну не молчать же...

— Тридцать лет, а ума нету! — все так же эмоционально восклицает Люци (так младшую из сестер звали все домашние). — Ведет себя как мальчишка, как юнец зеленый!

— Эмн... — Ник не представляет, что тут можно сказать. И, черт! Она чувствует, что краснеет. Да когда же она научится не впадать в краску по малейшему поводу?!

— Ник! — заявляет ей Лучиана со всей строгостью. — Не позволяй ему этого делать! Ишь, моду взял — метки свои расставлять! Еще прав никаких не имеет, а туда же! Не позволяй ему этого делать, слышишь!

Ник озадаченно кивает. Лучиана, посчитав, видимо, тему исчерпанной, забирает из рук Ники водолазку.

— Что это у тебя? Боже, какое уныние!

— Ну... я как-то плохо собрала вещи... ничего подходящего нету. А ты же понимаешь... мне нужно шею прикрыть... Кайл сказал...

— О, как это на него похоже! Надеть глупостей и заставить других расхлебывать! — снова негодует Люци. Но соглашается: — Шею надо прикрыть. Иначе папа весь дом разнесет. Ну, ничего. Повяжем красивый шарфик.

— У меня нет...

— Зато у меня есть! И вообще — пошли, потрясем мамин гардероб.

— Зачем? — ахнула Ник.

— Ну, в моих вещах ты утонешь. Как и в вещах Сим. А вот с мамой у вас примерно один размер. А у нее куча красивых вещей, которые она сроду никуда не носит. Вечно в джинсах.

— Ой, нет! — уперлась Николь. — Так нельзя! Без спросу...

— Уверена, что мама возражать не будет. Но раз тебе так важно — пойдем, спросим!

Извлеченная из недр кухни, где она священнодействовала, готовя рождественский обед, Тереза только рукой махнула со словами: «Нашли, чем отвлекать! Конечно, пусть Ник берет все, что ей понравится». Ники попыталась смущенно поблагодарить, но мать Кайла уже снова скрылась в полной ароматных паров кухне, а Лучиана с энергией небольшого бульдозера тащила ее наверх.

А потом к ним присоединилась Симона, и Ник снова почувствовала себя куклой, которую наряжают. Как тогда, у Корделии. Только в этот раз было гораздо веселее. Все-таки сестры у Кайла были такие, что с

ними невозможно было грустить или смущаться. Импульсивные, непосредственные, веселые и при этом далеко не глупые — женщины в семействе Падрони были едва ли не лучше мужчин.

Познакомившись совсем недавно, Ник чувствовала себя с ними так, будто знала их всю жизнь. Таких подруг у нее не было даже в юности, в пансионе. А Симона с Лучианой... Ник даже пожалела, когда процесс приведения ее в «приличный вид», который устроил всех трех участниц, завершился, и сестры поспешили по своим комнатам — внести последние штрихи в собственную блистающую безупречность.

К рождественскому столу собралось человек пятнадцать, как показалось Ник. Все семейство Падрони, включая двух дочерей с мужьями и детьми (коих было в совокупности четверо — к давешним ангелочкам присоединились два не по годам серьезных юных сеньора — сыновья Лучианы), обоих неженатых сыновей, пару каких-то пожилых родственников, то ли тетки, то ли — бабушки, Ник не поняла. У нее и так голова кругом шла.

Сеньор Падрони усадил ее рядом с собой, завив, что он, как никто другой, сможет правильно растолковать Ники все нюансы празднования Рождества по-сицилийски. И Ник оказалась втиснутой между отцом Кайла и его зятем, Алессандро. Оба были невероятно общительны и громогласны. И если Алессандро хоть иногда на себя отвлекала Лучиана, то Джо Падрони почти целиком и полностью посвятил свое внимание Ники. Она бросала жалобные взгляды на мрачного Кайла, сидевшего чуть наискосок от нее, но, судя по выражению его лица, сделать он ничего не мог, хотя и сам не выглядел счастливым от того, что их рассадили далеко друг от друга.

В довершение всего, малышка Марселла заявила, что будет сидеть за столом только на коленях у Ник. На попытки матери уговорить ее сменить место дислокации она продемонстрировала столь явное намерение поднять рев, что Ник поспешила согласиться. Ей не трудно, в конце-то концов, девчушка почти совсем ничего не весит. И хоть какой-то буфер от сеньора Падрони. Правда, гордо торчащие за спиной Марселлы крылышки, доказывающие каждому, кто еще этого так не понял, что сие дитя есть ангел, создавали Ники ряд дополнительных неудобств. Сама-то она успевала отворачивать лицо, но вот благодаря тому, что девочка постоянно крутилась, обращая свое внимание то на деда, то на дядю, пара пуговиц на ее (точнее, не совсем ее. Но на этот вечер — точно ее, ибо сидело на ней

безупречно) шелковом платье оказалась неожиданно расстегнутой. О чем ей сообщили потемневший взгляд Кайла и восхищенный вздох Алессандро.

Какого черта отец посадил Ник с собой?! У Кайла не было возможности даже взять ее за руку. Невозможность прикоснуться к ней приносила почти физический дискомфорт. Особенно когда она так... прекрасна. Улыбается, в очередной раз отворачиваясь от ангельских крыльев. Но ему кажется, что ангел в этой парочке как раз Ник. Такая трогательно-нежная в невероятно шедшем ей темно-синем, абсолютно девичьем платье. Шею украшал крошечный кокетливо повязанный шарфик. За такую Николь он должен благодарить, видимо, сестер. Хотя какой-то прок от них.

Он уже привык видеть ее постоянно в драных джинсах и футболках. Тот судьбоносный раз в Монако — не в счет. Хотя на его дне рождения она тоже была в каком-то милом сарафанчике, но тогда ему было не до того.

А сейчас... Изящные руки, открытые платьем без рукавов. Шарфик... он прекрасно понимает — почему. И совершенно отчетливо помнит вкус ее кожи на шее под своими губами, зубами, языком. И ведь прекрасно сознавал, что делает, но остановиться — ну вот не мог и все тут! Кайл зажмурился, отгоняя воспоминания, потом снова посмотрел на Ники. Мягкий шелк льнет к груди.... Какого черта! Пара пуговиц расстегнута, и видно белое кружево. Он едва не завопил! Хорошо, что Ник почувствовала его взгляд и быстро привела одежду в порядок. А то Сандро уже был в декольте Николь обоими глазами, за что и получил от Люци подзатыльник. Молодец, сестричка!

Но как же он хочет быть рядом с ней. Хотя бы взять за руку! Прижаться бедром, почувствовать, какая она там под этим тонким шелком... Никогда еще рождественский обед не длился для него так долго...

— Ники, девочка моя, обязательно попробуй запеченного угря! Это самка, с икрой. Если это блюдо отведать на Рождество, то... — Джо Падрони смущенно хмыкнул в бороду, — в общем, женщинам это полезно!

— Это папа так деликатно пытается сказать, что есть такое дурацкое поверье — если отведать на Рождественском обеде самку угря, да еще с икрой, — то в следующем году будешь обязательно... с потомством.

— Господи, — поперхнулась спагетти Ник. — А мне-то зачем?

— На всякий случай. Пригодится, — усмехнулась в ответ Симона.

— И ты тоже ешь! — напустился на старшую дочь отец.

— И я тоже? А мне зачем? — изогнула соболиную бровь

Симона. — У меня уже есть два... — взгляд в сторону прыгающей на коленях Ники Марселлы, — два... хм... ангела.

— На всякий случай! Пригодится! — авторитетно заявляет Франческо, накладывая супруге на тарелку порцию угря.

— Мама! Ну, зачем ты каждый год это готовишь?

— Отец просит, — невозмутимо отвечает Тереза. — И потом — вкусно же!

— Вкусно, — соглашается со вздохом Симона и берет вилку.

Перед подачей на стол десерта (о котором говорили почти со священным трепетом или уж как минимум — с придыханием: какие-то загадочные «серро» и «панеттоне») все дружно отправились во двор — сжигать полено. Это, как пояснил ей сеньор Падрони, было ярким примером смешения христианства и язычества. Традиция пришла в Италию из северных европейских стран, где таким образом почитали день зимнего солнцестояния, совпадавший с Рождеством. В семье Падрони в силу определенных причин эта традиция чтилась особенно рьяно, и во дворе дома уже было подготовлено огромное полено, которому предстояло гореть аж до Нового Года.

Воспользовавшись тем, что отец Кайла отвлекся на препирательства с сыновьями по поводу того, кто будет поджигать полено, Ник отстала от общей массы, а потом и вовсе передумала выходить на улицу. Ей категорически требовалось побыть одной! Хотя бы несколько минут. Боясь быть застигнутой врасплох, она поднялась на второй этаж, полутемный, освещенный лишь светом с лестницы. В свою комнату заходить передумала — ее внимание привлекло панорамное, от потолка до пола, окно в конце коридора.

Подойдя к нему, Ник увидела, что выходит оно как раз туда, где собралось сейчас все дружное семейство Падрони, и уже весело плясали языки огня на здоровенном бревне. Сложив руки на груди, Ники задумчиво, даже рассеяно наблюдала эту картину. В голове всплывали воспоминания обо всех ее предыдущих Рождествах. Самые светлые были детские — когда еще была жива бабушка, а на Рождество всегда приезжал Этьен. Тогда она еще верила в чудеса.

Потом была чередой грустных, совсем не-рождественских Рождеств в пансионе. Тогда она уже не верила в чудеса. И вообще — не верила

ничему и никому, даже дяде. Который только обещал и почти никогда не приезжал и не забирал ее.

После пансиона Рождества были... не грустными. Они были... никакими. В студенчестве это были либо пьяные вечеринки, либо, чаще всего — она уезжала к Этьену, а Рождество с ним — это всегда увлекательно, интересно и... связано с его, а потом и с ее работой. Не сказать, чтобы ее это слишком уж огорчало, потому что то, чем занимался дядя, и чем мечтала заниматься она сама — это было безумно интересно, гораздо интереснее красных носков надо камином. Которого и не было у них отродясь, кстати. Единственная традиция, которую они с дядей соблюдали — это рождественские подарки. Но это походило скорее на ежегодное соревнование — кто кого больше удивит, подарив нечто совершенно инновационное и уникальное из мира технических новинок.

А сейчас... Ей показали идеальное Рождество. Большая дружная семья, которая весело и с отменным энтузиазмом отмечает праздник. И в этой семье, похоже, все совершенно искренне любят друг друга. И ей посчастливилось стать на время частью этой... сказки. Да, именно так. Для нее это больше всего походило на сказку. И все эти забавные, но ужасно милые и добрые люди. И самый милый из всех них, который просто с ума ее сводил своим присутствием рядом. Мега-талантливый, хладнокровный и расчетливый чемпион. Доводивший ее до чувственного обморока нежный и страстный любовник. А еще — примерный сын и любящий брат. И все это — один и тот же человек. Все это в нем удивительным образом гармонично уживалось. И Ник легко представляла себе Кайла в роли главы своей собственной такой же суматошной, но дружной и крепкой семьи.

Неожиданно на глаза навернулись слезы. Потому что себя она в этой картине не видела совершенно. Ее место там, с дядей, в Аргентине. На пыльных проселках, в итоговых протоколах и препирательствах с аргентинскими чиновниками. И потом... у нее все-таки есть Этьен. А он, несмотря ни на что, замечательный. Ник мизинцем убрала выступившие в уголке глаз слезы. Есть некто, еще более замечательный. Но, увы...

— А где Ники?

Кайл встревоженно обернулся.

— Черт! Я думал, ты захватил ее в пожизненное рабство и учишь обращению со спичками, па.

— Нет, я не видел ее последние минут десять.

— Наверное, она в доме осталась, — вмешался Тома. — Я ее тоже на улице не видел.

— Пойду, поищу, — Кайл повернулся в сторону дома.

— Иди, — ответствовал отец, отходя к пылающему полену.

— Кольцо не забудь, — негромко сказала ему подошедшая Симона.

— Нет, нет!!! — панически замотал головой Тома в ответ на разъяренный взгляд брата. — Я ей ничего не говорил!!! Она сама...

— Конечно, сама, — усмехнулась Сим, — не слепая. Давай, иди, — она подтолкнула брата в спину, — родителей, если что, возьмем на себя.

— Управы на вас никакой нету! — прошипел Кайл родственникам на прощание. — Вы можете не лезть не в свое дело?! Никакой личной жизни...

— Иди уже устраивай свою личную жизнь! — дружно огрызнулись брат с сестрой.

Он предположил, что Ники какого-то черта решила отсидеться в своей комнате, поэтому сразу отправился на второй этаж. А там...

Ее силуэт на фоне торцевого окна он заметил боковым зрением. Как тогда... в Монако. Уже второй раз за сегодняшний вечер он вспоминает тот благотворительный бал, который позволил ему осознать свою ошибку и изменил для него все. Неужели он знает Ники меньше года? И неужели он половину этого времени вел себя как... Он вздрогнул, вспоминая. Какое же у его девочки сердце, что она простила его?..

Кайл стоял у выхода на лестницу и смотрел на ее тоненькую фигуру, слегка подсвеченную отблесками огня с улицы... Такая хрупкая, изящная... ранимая. Хочется схватить ее и спрятать, чтобы никто и никогда больше не смел обижать! Его нежная, смешная умница. Его Ники, его! Ну кому он морочит голову? Он просто не может без нее жить. Так какого дьявола он тянет время и не может решиться?! Все предельно просто. Как и все самое главное в этой жизни.

Ник задумалась так глубоко, что отреагировала, только когда он положил ладонь ей на талию. Резко обернулась в кольцо его рук.

Огромные глаза блестят, нежные губы так рядом, так близко, что он забывает, о чем хотел поговорить, что хотел сказать...

— Извини, — голос ее чуть хриловат, — я просто слегка устала от шума и...

— Ники... — он поправляет выбившуюся прядь от ее лица, — я хочу тебе кое-что сказать...

— Да? — почему-то шепотом отвечает она.

Какого черта он стал говорить именно так? Понятия не имеет! Но, как и всегда в моменты сильного волнения, он внезапно перешел на родной язык.

— *Ti amo* (ит. Люблю тебя), — шепнул негромко. — *Ti amo, mia ragazza* (ит. Люблю тебя, моя девочка).

Потом спохватился, что говорит не на том языке, но исправиться не успел. Ее широко распахнутые потрясенные глаза и...

— Я знаю... что это означает...

— И что же это означает? — выдыхает он.

Она какое-то время смотрит на него. А потом губы ее долгожданно дрогнули.

— *Ti amo*... Это значит — я люблю тебя. Я люблю тебя... Кайл.

Он выдыхает, еще раз, с чувством нереального облегчения. Прижимается своим пылающим лбом к ее прохладному. Пальцы слегка подрагивают, очерчивая линию ее скулы, невесомо прикасаясь к мягким линиям нежного рта. Она неожиданно прихватывает его палец губами.

— Нииииик... — выстывает он, — погоди! Я должен еще кое-что тебе сказать!

Торопливо вытаскивает из кармана ту самую коробочку, один щелчок и глазам Ник предстает сверкающее великолепие семикаратного сапфира в обрамлении бриллиантов поменьше. А Кайл снова сбивается на родной язык:

— Ники... *Sposami* (ит. Выходи за меня) ... *Ti prego* (ит. Прошу тебя).

А вот это уже за границами ее познаний в итальянском.

— Я не понимаю, — совершенно искренне шепчет она, потрясенно и неверяще глядя на прекрасное кольцо в его руке. Она догадывается, но все равно — поверить не может в то, что это происходит на самом деле!

Он не выдерживает, одной рукой притягивает ее к себе плотно, крепко.

— Неважно! Просто ответь «Да»!

И, не дожидаясь ответа, прикасается к ее губам своими. Наконец-то, долгожданно...

Коридор заливают яркий свет и заполняет грозный голос:

— ДЖУЗЕППЕ КАЙЛ ПАДРОНИ!?! КАК ЭТО ПОНИМАТЬ?!?

Ник вздрагивает всем телом, а вот Кайл реагирует гораздо спокойнее.

— А кто-то обещал взять родителей на себя, — бормочет он себе под нос. — Болтуны, — и, уже громче и обращаясь исключительно к Ник, несмотря на то, что на сцене появилась еще пара действующих лиц: — Солнышко, свой шанс сказать мне «Да» ты прохлопала.

С этими словами он в одно движение надел кольцо Ник на пальчик, восхищенно цокнул языком от того, как оно село — легко и плотно одновременно. Поднял руку Ники, продемонстрировал надетое кольцо отцу и матери, стоявшим у лестницы.

— Все? Есть еще вопросы? Нет? Тогда попрошу оставить меня с моей невестой наедине! Хотя бы на пять минут!

И после этого он все-таки поцеловал Ники. Ровно так, как хотел весь этот чертов обед и еще огромную кучу времени до этого. Поцеловал, сломив ее слабое сопротивление, вызванное присутствием родителей. И когда она приоткрыла губы и позволила ему целовать себя так, как ему хотелось, а в его темных волосах запутались пальцы, на одном из которых сверкало красивое кольцо, Кайл понял — или родители ушли, или Ники стало все равно. Его устраивали оба варианта. Он ее сейчас точно просто так не отпустит!

— Джо, по-моему, мы тут лишние...

— Да. Пойдем, Тереза... Главное мальчик уже сделал. Дальше он справится без нас.

Чета Падрони стала спускаться по лестнице.

— Она красивая, — удовлетворенно заметил Джо. Тереза согласно кивнула.

— Только такая худенькая, — озабоченно пробурчал сеньор Падрони. — Как она будет рожать наших внуков?

— Джо! — усмехается жена. — По-моему, ты слегка торопишь события!

— Во-первых, — назидательно отвечает ей супруг, — я знаю своего сына! А во-вторых, она попробовала твоего фирменного угря!

Тереза Падрони отвечает на это мягким смехом.

— Кааайл... — они наконец-то отрываются друг от друга.

— Что? — он и не думает ее отпускать далеко, не дальше пары сантиметров. Их снова оставили одних и в полутьме, милосердно погасив свет. Но это не будет длиться долго, он знает своих родственников, поэтому не собирается тратить время попусту.

— А ведь я так и не сказала тебе «Да», — шепчет она с легкой поддразнивающей улыбкой.

— Не страшно, — успокаивает он ее. — Скажешь «Да» в церкви, священнику. А мне не обязательно. Я, — легкий поцелуй в губы, — и так все прекрасно понял.

У него идиотски-счастливый и безобразно-самодовольный вид. И Ник просто не может удержаться. Испытывает острое желание проверить, что это все взаправду, на самом деле, и он серьезен.

— У меня есть условие! — она так натуралистично надувает губки, что Кайл забывает обо всем, кроме этих очаровательных пухлых губ прямо перед его губами. Да ну его, это условие, он хочет ее целовать, в надутый сексуальный ротик!

— Кааайл! — ее ладошки упираются ему в грудную клетку. — Тебе что, не интересно?!

— Интересно! Я согласен, — он снова пытается ее поцеловать.

— На все?!

— На все! — но потом осторожность все же просыпается. Он вздыхает. — Ну, что там еще за условие?

— Я хочу... — Ник приходится импровизировать, — выходить замуж в гоночном комбинезоне, вот!

— В комбинезоне?! Хм... — Кайл хмурит лоб. — Неожиданно. Тот падре Лоренцо удивится. Хотя, с другой стороны... Думаю, нет такого закона, который бы запрещал венчаться в комбинезоне. Так что... я согласен!

— Согласен?!

— Да, — абсолютно серьезно кивает он. — А что? Отличная идея, по-моему. Никаких расходов на платье. Возьмем один из твоих гоночных комбинезонов с прошлого сезона. Кстати, я тебе говорил, что ты потрясающе смотришься в комбинезоне?

— Подожди...

— Нет, мне эта идея определенно нравится! А снимать как удобно, одна «молния» — и все! — Кайл даже довольно зажмурился, видимо, представляя сам процесс расстегивания «молнии» на Ник. — Никаких лишних трат времени, rrrrrраз — и ты голая. О, да, мне ОЧЕНЬ нравится! Все, решено — венчаешься в комбинезоне!

— Нет, не хочу! Я передумала!

— Нет уже, милая, — приторно улыбается Кайл. — Твое желание для меня — закон. Комбинезон — так комбинезон!

— Кайл!!! — Ник невесть откуда взявшимся жестом капризной избалованной наследной принцессы топает ножкой. — Прекрати!!! Я хочу платье! Красивое белое платье!

— Конечно, любимая, — он прячет улыбку за поцелуем. — Как скажешь. Платье так платье...

— Ой, они уже про платье говорят! — от лестницы слышен звонкий голос Симоны. — Люци, беги сюда скорее!

Потом, когда их тормошили и поздравляли Симона и Лучиана, а рядом с деланно снисходительным видом стоял Тома... Ник вдруг поняла, что не испытывает ни смущения, ни неловкости. Прижимаясь щекой к плечу Кайла и слушая, как он со смехом отбивается от сестер и их поистине «щенячьих» восторгов по поводу только что произошедшего знаменательного события и его не менее знаменательных последствий, Ник чувствовала, что... она может не беспокоиться. Что он все сделает правильно, что ему можно доверять. И что она принадлежит ему, так же как он принадлежит ей. Ее пилот. Ее любимый. Ее Кайл.

Кажется, пора снова начинать верить в чудеса.

На свадьбе на Ник было такое пышное платье, что оно едва поместилось в проходе церкви, и для ведущего ее Лавиня нашлось совсем немного места. Но Этьена это не смущало. Он был крайне внушителен, ведя под торжественные звуки органа племянницу к алтарю. А уж взгляд, которым он одарил Кайла, передавая ему руку Ники...

Только жениха этот взгляд совершенно не впечатлил. Во-первых, никого, кроме Ники, он не видел. Ну а во-вторых... Он понимал и уважал Лавиня. Тот отвечал за Ники и оберегал ее, как мог. Но теперь за Ники отвечает Кайл. И Этьену придется с этим смириться.

Кстати, знакомство будущих родственников началось весьма бурно. Джо Падрони пришел в праведное негодование от того факта, что кто-то (в данном конкретном случае — Этьен Лавинь) не считает его старшего сына образцом безупречности и имеет сомнения в том, что он достоин Николь. Нет, Ники — это, безусловно, сокровище, но ведь и его мальчик не на помойке найден! А Этьен упрямо стоял на своем и утверждал, что, будь его воля...

В общем, обстановка слово за слово ощутимо накалялась, пока в дело не вступило тяжелое оружие — дипломатические способности Терезы Падрони и бутылка граппы. После распития каковой родственники разошлись, полные наилучших чувств друг к другу.

Джо был преисполнен благоговейного восхищения тем, что, как выяснилось, Ник и ее дядя из числа — обедневших, но все же! — чистокровных потомственных французских аристократов. А Этьен, поближе познакомившись с родителями Кайла, здраво рассудил, что у таких чудесных людей не мог родиться совсем уж полный подонок. Наверное, он все же был к Кайлу чересчур предвзят.

— Джузеппе Кайл Падрони, согласен ли ты взять в жены Николь Бенедикт (тут Кайл удивленно распахнул глаза, а Ники лишь пожала плечами. Не он один с сюрпризами в имени!) Хант в жены, хранить ей верность в счастье и в несчастье, во здравии и болезни, а также любить и уважать во все дни жизни, пока смерть не разлучит вас?

— Да, — ответил жених без запинки. За ее смех по поводу «Джузеппе» он своей «Бенедикт» отомстит потом, позже. А сейчас надо делать то, зачем они здесь.

— Николь Бенедикт Хант, согласна ли ты взять в мужа Джузеппе Кайла Падрони, хранить ему верность в счастье и в несчастье, во здравии и болезни, а также любить и уважать во все дни жизни, пока смерть не разлучит вас?

Ник делает паузу, совсем крошечную, едва заметную, но достаточную, чтобы его глаза полыхнули негодованием за столь несвоевременное озорство. Но потом, конечно же...

— Да.

Ее нежная улыбка и сияющие сквозь прозрачную ткань глаза сполна компенсируют эту шалость.

Священник говорит приличествующие случаю слова, но реагирует Кайл на главное. И, откинув невесомый занавес фаты, он целует свою жену перед Богом и перед людьми.

Падре Лоренцо произносит завершающие слова обряда бракосочетания, стараясь не обращать внимания на то, где именно находится рука новобрачного во время поцелуя. С другой стороны — чего ждать от мальчишек Падрони?! И потом, наблюдая такой, возможно, не совсем уместный в стенах храма пыл новоиспеченного супруга, старый падре уверен — он еще успеет застать ту же самую компанию под сводами своей церкви на крестинах первенца этой вот парочки. Даст Бог, успеет.

— Ник, просыпайся!

— Еще пять минуууут, — со стоном из-под одеяла.

— «Еще пять минут» было десять минут назад! — одеяло самым бесчеловечным образом сдергивается, обнажая стройную фигуру «аля натюрель».

— Изверг!

«Изверг» поспешно отворачивается. Иначе они точно опоздают!

— Ники, вставай, я кому сказал! Опоздаем!

— Ну, подумаешь... — она садится и милосердно натягивает на себя одеяло. Сладко зевает, трет глаза. — Ну, опоздаем...

— Ты что, забыла?! Сегодня совещание проводит новый руководитель команды!

— Ну, положим, не новый, — Ники с наслаждением потягивается, отчего одеяло падает вниз, а супруг со стоном отворачивается, — а всего лишь временно исполняющий обязанности руководителя команды. А это совсем другое дело!

— Все равно! Она — редкостная стерва!

— Да ну? — заинтересованно вопрошает Ники, доставая белье из комода и, не торопясь, натягивая. И с улыбкой смотрит на спину мужа, который упорно не отворачивается от окна. Что же там такого интересного?

— Точно тебе говорю! Умная, ехидная и ужасно строгая! Лучше не опаздывать!

— Ой-ой-ой, — хмыкает Ник, — я просто уже трясусь от ужаса.

— Зато, — Кайл поворачивается и наблюдает, как Ники застегивает блузку, — у нее совершенно фантастическая задница. А губы такие, что когда она говорит, я понимаю одно слово из трех.

— Я так и знала! — торжествующе воскликнула Ники, забыв на время о пуговицах. — Я знала, что, когда я говорю, ты меня не слушаешь!

— Слушаю! — примирительно усмехнулся. Притянул жену себе, чмокнул в нос. — Но мечтать мне никто не запрещает.

— Но не на совещаниях же!

— И, кстати о совещаниях, — он с видимым сожалением разжимает руки. — Пошли завтракать. А то и вправду... — вздыхает, — опоздаем.

— И все-таки я не понимаю! — он приканчивает вторую чашку кофе, наблюдая, как Ники уминает вафли. — Что за блажь жениться посреди сезона!

— Ты так скучаешь по Максу? — усмехается Ники. — И потом, ты что — сомневаешься, что я смогу самостоятельно провести этап?! — она демонстративно негодуует.

— В тебе не сомневаюсь, — парирует Кайл. — А вот в здравом уме нашего шефа — пожалуй, есть некоторые сомнения.

— Между прочим, это не моя инициатива! Лучше бы они оставили за старшего Антонио! Но Кертис настоял, а Максу, похоже, все равно...

— Еще бы ему было не все равно! Старый влюбленный дурак! Выдумал тоже — жениться в пятьдесят с лишним! Да еще и уезжать в свадебное путешествие! Медовый месяц у него, надо же...

Ник улыбается.

— Они с Корделией давно... питают чувства друг к другу. И потом — что за предубеждение против медового месяца?! Не понравился собственный?

— Еще как понравился... — мечтательно вздыхает он. — Хорошо, но мало... Ладно, — одергивает он самого себя. — Черт с ним, с Максом. Просто тут еще и Уилсон уехал...

— Как, и Кертис тоже виноват?

— Вечно ты своего любимого начальника защищаешь! Хотя... в этот раз Кертис все-таки не виноват, — Кайл встает, подает руку Николь. — Что же делать, если у него жена рожает.

— Значит, — уже в холле Ник задумчиво наблюдает, как, опустившись на колени, муж шнурует кроссовки, — ты полагаешь, что у Кертиса есть уважительная причина, чтобы пропустить этап?

— Конечно. Ребенок все-таки. Это важно. А что, — он поднимает взгляд, прервав на время возню со шнурками, — еще кто-то?.. Мы несем потери...

— Не знаю, — пожимает Ник с нарочито равнодушным видом. — Но мне кажется... что может так случиться... что тебе придется пропустить ралли Германии.

— Это еще почему? — он поворачивает голову, не разгибаясь. Смотрит снизу вверх на ее мягко улыбающиеся губы, на какое-то новое выражение в любимых глазах. Проблеск озарения. И неверяще: — Ты что, хочешь сказать...

— Уверена, любимый, что ты сам сможешь догадаться о причине.

Он резко поднимается на ноги, но голова у него кружится отнюдь не от этого.

И — да. На совещание они все-таки опоздали.

Эпилог

«Такова участь всех писателей и летописцев, — они создают воображаемых друзей и теряют их, повинувшись законам творчества. Но этого мало: от них требуется отчет о дальнейшей судьбе воображаемых друзей»

Ч. Диккенс

— Ты не пьян?

— Не смешно, Макс. Я говорю абсолютно серьезно.

— Это не смешно, действительно! — вечно невозмутимый Мак-Коски все-таки подпрыгивает с места. Широченными шагами отмеряет пространство от стола и обратно. И, резко повернувшись к Кайлу: — Это просто АБСУРДНО!

Кайл, напротив, сохраняет видимость полнейшего спокойствия, сидит, скрестив руки на груди. Лишь взгляд выдает, как нелегко дается ему этот разговор.

— Я предупредил тебя заранее, как и прописано в контракте.

— К черту контракт! Ты не можешь уйти из команды!

— А в контракте написано — могу, — негромко отвечает Кайл, подкрепляя свои слова упрямым взглядом.

— Кайл!!! Что происходит?! При чем тут контракт?! Мы столько лет вместе работаем! Да что там работаем... — Макс ослабляет узел галстука, расстегивает пару пуговиц. — Охxxx... Ты меня угробишь, мерзавец!

На лице Кайла мелькает виноватое выражение.

— Послушай, Макс, я уверен...

— Нет, это ТЫ меня послушай!!! — Мак-Коски с шумом выдыхает, пытается успокоиться. Получается, не сразу, но получается. — Кайл, послушай. Мы столько лет вместе. Ты мне... почти как сын. Ты можешь мне сказать, что происходит?! И чего ради тебе взбрела в голову идея бросить гонки?!

Кайл молчит какое-то время, а потом отвечает, тихо, но видно, что это дается ему непросто.

— Макс, вот ты говоришь — я тебе как сын. А у меня есть СЫН!

— Кайл, я не понимаю...

— Я не могу собой рисковать! Ради Джо! И ради Ник! Если со мной что-то случится... Черт, я не хочу оставлять сына одного. Я отвечаю за него. Я — отец! Ты понимаешь?!

За все годы их сотрудничества Кайлу не так уж часто удавалось удивить своего шефа. А вот сейчас — уже второй раз всего за десять минут. Мак-Коски долго собирается с ответными словами.

— Кайл... Я понимаю твое беспокойство. Но НЕ понимаю, с чего ты взял, что с тобой что-то может случиться?

— Потому что это автогонки, а не Диснейленд! Я уже разбивался несколько раз!

— Ну, все обошлось же...

— А вдруг в следующий раз не обойдется?! Я не могу рисковать, понимаешь?! Я принадлежу не только себе!

— Да понимаю я все! — Мак-Коски до сих пор пытается справиться с удивлением. И это Падрон, который в принципе не знал таких слов как «страх», «опасение», «осторожность»?! — Но послушай... Ты же супергонщик. Ты выступаешь в ралли уже почти десять лет, и ни разу твоя жизнь не подвергалась серьезной опасности! С тобой ничего не случится, потому что ты не позволишь этого! Ты же, с твоим талантом, стопроцентно контролируешь ситуацию! Ты Бог на трассе, Падрон, а потому — бессмертен!

— Не богохульствуй, Макс, — морщится Кайл, — всегда есть вероятность...

— Всегда есть вероятность утонуть в собственной ванной! — не сдержавшись, рявкнул сэр Макс. — Ты двукратный раллийный чемпион, твою мать, Падрон! И станешь и трех, и четырехкратным! Если прекратишь валять дурака!

Кайл вздыхает.

— Я принял решение и не изменю его.

— Как ты мне напоминаешь свою жену в аналогичной ситуации, — стонет Мак-Коски. А потом, неожиданно встрепенувшись: — Ник знает?

— Пока нет, — морщится Кайл.

— Отлично! — приободряется сэр Макс. — Значит, есть шанс.

— С чего ты взял, что Ники будет против моего решения и поддержит тебя?

— С того! — огрызается Мак-Коски и хватает телефон. — Все, иди с глаз моих долой! Я хочу поговорить с тем человеком в вашей семье, у которого есть мозги!

— Дело твое, — пожимает плечами Кайл. — Но, по-моему, ты тратишь попусту время.

— Мне кажется, — он не просто недоволен. Он взбешен. А потому старается говорить негромко и размеренно. Потому что если сорвется на крик — будет форменный скандал и потом стыдно, — что мы могли бы решить этот вопрос между собой!

— Вопрос касается команды, — эта предательница отвечает так же спокойно. Сидит рядом с Максом, а не с ним! Напротив, через стол от него. — И поэтому мы будем обсуждать его здесь.

— Это мое решение! И я не собираюсь менять его!

Макс раздраженно выдыхает. А Ники, все так же спокойно:

— Хорошо. Ты завершаешь свою карьеру как гонщик. Что дальше? Как ты будешь зарабатывать на жизнь? Как ты собираешься содержать семью?

Кайл даже моргнул от неожиданности, от такого поворота разговора.

— Ну... придумаю что-нибудь.

— Что именно? — Ники неумолима.

— Что-что!? — он разражается всерьез. — С моим опытом... найду себе какую-нибудь работу, можешь не сомневаться!

— Не сомневаюсь, — кивает Ник серьезно. — Значит, собираешь стать автоспортивным чиновником?

— Хотя бы так! — огрызается.

— Думаешь, справишься?

— Значит, ты справляешься... Макс справляется... дядя твой справляется... А я не смогу?!

— Кайл, послушай, это все не так-то просто... — вмешивается Мак-Коски.

— Не в этом дело, — перебивает шефа Ники. — Как и к любому делу... тут нужна склонность. Или талант, если угодно. Нужно уметь обращаться с цифрами, бумагами, иметь аналитический склад ума! Это нудно, кропотливо, не всегда интересно.

— Я прекрасно понимаю...

— Ты пилот, Кайл! Пилот от Бога! И нечего тебе заниматься всякой чушью, которую могут делать другие.

— Я принял такое решение, — мрачно процедил он, — ради вас, между прочим. Ради тебя и Джо.

— Красивый жест, — согласно кивает Ники. — Но я к ним равнодушна, как ты помнишь...

— Ну, знаешь!.. — он все-таки вскакивает с места. У Макса возникает серьезное опасение, что напрасно он привлек к этому вопросу Ники. Но Николь олимпийски спокойна. Или делает вид.

— Не дури, Кайл. Я ценю твоё беспокойство. Но я совершенно уверена: до тех пор, пока ты помнишь, что тебе есть ради кого возвращаться с трассы — с тобой ничего не случится. Не с тобой. Ты же профессионал, которому есть к кому возвращаться. Ради кого возвращаться.

Кайл вздыхает, трет лицо ладонями. И потом, обреченно и, тем не менее, все так же упрямо:

— Нет. Не могу. Я ухожу.

— Отлично! — Ники резко поворачивается. — Сэр Макс, место второго штурмана еще вакантно?

— Да, — растерянно отвечает шеф «Мак-Коски».

— Тогда я бы хотела его занять, если вы не против.

— Как бы не так! — Кайл орет, а Макс понимает — нарастает чисто итальянский скандал. — Кто тебе разрешит?!

— Кто мне запретит, хотела бы я знать?! Это мое решение! — она обжигает его взглядом, которого он давно не видел. Наверное, с того бала в Монако. Сто миллионов лет назад. — Учти, Кайл! В нашей семье кто-то обязательно будет выступать в ралли. Если не ты, то я!

Между ними только что воздух не искрит, а у Макса идиотское, но непреодолимое желание залезть под стол.

— Ах, так!? Так, значит?! Ну, раз ты так... — он с трудом подбирает слова. — Готовь контракт, Макс! МОЙ контракт!

И с этими словами он вылетает из кабинета, оставив Макса и Ник наслаждаться грохотом захлопнувшейся двери.

— Ох, Ники, что ж мы наделали... — спустя несколько секунд произносит растерянно сэр Макс.

— Нда... что-то он разошелся, — задумчиво отвечает Николь. — Пойду-ка я исправлять то, что натворила. А вы, сэр Макс, готовьте контракт. Его.

Она нагнала его на полдороге к боксам. Положила руку на плечо, он, разумеется, тут же ее сбросил. Снова руки туда же, теперь уже обе. Он снова резко повел плечами в попытке скинуть их. Ник не

сдалась, обхватив его крепче за плечи, прижавшись к спине, губами в основание шеи, туда, где заканчивалась футболка.

Ну, хоть остановился. Но стоит, как каменный, только дышит тяжело. И кулаки сжимаются. Тихонько гладит твердое плечо.

— Кайл... — шепотом, в шею. — Ну, Кайл...

— Я это сделал ради тебя! И ради Джо! — он и говорит-то с трудом. — А ты... ты... — снова дернул плечами, но она не отпустила.

— Я все понимаю...

— Ни хрена ты не поминаешь! — он срывается в крик, выворачивается из ее рук, и она видит его глаза — потемневшие, разочарованные, гневные. Но она все равно держит его за плечи. Не отпустит! — Мне иногда кажется... — он говорит это тише, но горько, — что для тебя интересы команды важнее... чем я. Или чем наш сын.

— Не дури! — притягивает его к себе, близко, глаза в глаза. — Я это сделала ради тебя!

— Да? — усмехается желчно, неверяще. — Где логика? Ждешь, когда я убьюсь нахрен?!

— Кайл!!! Не провоцируй меня! Иначе я тебе все-таки влеплю пощечину!

— Давай, валяй! Покажи, как ты на самом деле любишь меня!

Идиот! За шею притягивает его близко, несмотря на его нехилое сопротивление. Но влюбленную женщину трудно остановить! И яростным шепотом в ухо:

— Ты НЕ сможешь без этого! Не ври себе! Ты зачахнешь. Через полгода или через год! А, может, и раньше. Хочешь превратиться в унылого типа с потухшими глазами?! Я не хочу такого мужа!

— И что теперь?.. — он слегка обескуражен ее словами. — Я же не смогу гонять всю жизнь. Когда-то придется...

— Когда-то! — она все так же крепко держит его, не отпуская. — Но не сейчас! У тебя есть несколько лет на то, чтобы заниматься любимым делом. И на то, чтобы подумать, что тебе подойдет лучше всего, когда время уходить **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** придет. Но не сейчас, Кайл. Нет.

— Нет?

— Ты должен делать то, что приносит тебе удовольствие. То, ради чего ты создан. Я хочу, слышишь, хочу, чтобы ты был счастлив! А без

гонок ты счастлив не будешь, Кайл Падрон! Потому что ты, мать твою, чемпион!

— Черт побери, Ник...

— Не заставляй меня умолять тебя...

Его руки наконец-то поднимаются, чтобы лечь на ее талию.

Прижать к себе, хотя куда уж ближе.

— Все равно... Я боюсь, Ники...

— Все будет в порядке... — шепчет она, шевеля ему волосы дыханием. — Ты профессионал. Ты не позволишь себе ошибаться. У тебя прекрасный штурман, почти такой же, как я когда-то. Машина не подведет — за этим слежу я. И... мы будем всегда с тобой — я и Джо. Мы не позволим случиться плохому.

— Да, — выдыхает. — Вы всегда со мной, в моем сердце.

Так и стоят, обнявшись, и молчат. Сказать больше нечего. Пока молчание не прерывает трель телефона. Кайл со вздохом лезет в карман.

— Да, мама. Где? А Джо? Ладно, понял, — и, уже обращаясь к Ники: — Пойдем спасать Профессора. Бабушка временно капитулировала и отсиживается в парикмахерской.

— Профессор, где мой сын?

— Он с Марселем, — отзывается Кеснель, не отрываясь от изучения каких-то чертежей. — Ник, посмотри-ка...

И пока Ники отвлекается на Оливье, Кайл проходит в глубину боксов.

Юный Джо Падрони сидел в компании одного из младших механиков и был занят тем, что методично пытался засовывать все валяющиеся рядом блестящие запчасти себе в рот. А лохматый Марсель так же методично отнимал их у малыша, в результате чего периодически у этих двух возникала дискуссия на повышенных тонах — Джо возмущенно вопил, а молодой механик хохотал.

— Вот ты где, бандит!

Услышав знакомый голос, ребенок поднимает голову и, радостно улыбнувшись во все свои восемь зубов, тянет к отцу ручки. Кайл подхватывает сынишку на руки.

Все, кто хоть однажды видел Кайла Падрона с сыном на руках, не упускали случая съехидничать над чемпионом и проинформировать того, что его сын на него нисколько не похож. И в самом деле — малыш Джо был отменно упитан, белокож, светловолос и голубоглаз. Уродился то ли в мать, то ли в покойного американского деда-

боксера. Хотя, принимая во внимание тот факт, что основную часть времени ребенок проводил с бабушкой, общественное мнение склонялось к тому, что более всего Джонатан Падрони походил именно на нее.

Кайла это нисколько не беспокоило. Он заявлял, что главное, а именно, *repe*[7] и страсть к гонкам, его сын унаследовал от отца. А цвет глаз и волос — дело десятое. Сын отвечал отцу глубокой взаимностью, несмотря на несовпадение цвета волос и глаз, и при малейшей возможности не слезал у отца с рук. Хотя возможностей таких у малыша было немного — учитывая, что спустя две недели после его рождения родители вернулись в раллийный чемпионат, а Джо в компании бабушки (которая с возмущением отвергла идею Ники о том, чтобы нанять Джонатану какую-то там няньку при наличии родной бабушки и, оставив хозяйство на мужа, стала на время членом команды «Мак-Коски») отправился следом за родителями в кругосветку.

Надо сказать, что характер у Джо был истинно нордический — он рос спокойным здоровым малышом, давая родителям возможность заниматься любимым делом. Единственное, на чем он настаивал с совершенно сицилийским упрямством — спать он желал только с родителями, в обществе маминой груди. Что доставляло папе просто-таки колоссальные неудобства.

Сейчас же, воспользовавшись тем, что любимый человек номер два оказался в его полнейшем распоряжении, он довольно восседал на шее у отца, с видом триумфатора созерцая с высоты своего положения внутренность боксов. А затем, с папиной-то шеи все видно...

— Мама!!! — завопил упитанный херувим аккурат в ухо отцу.

— Ну, пойдем к маме, — вздохнул Кайл, потирая ухо.

— Смотри, что у меня есть!

— Что это?

Кайл демонстрирует ей электронный ключ.

— Боже мой, ты убил Профессора?

— Нет, — хохочет Кайл, — ограничился подкупом Марсея.

— И что ты ему пообещал? — усмехается Ники.

— Неважно, — отмахивается муж. — Главное — у меня есть ключ от боксов. Пошли.

— Ты все-таки ужасно коварный...

Он запирает гараж изнутри и поворачивается к ней.

— Ну и что ты хочешь показать мне? Новую коробку передач? Я видела, Оливье показал.

— Нет.

— А что тогда? Привезенные вчера «Пирелли» я тоже видела.

— К черту «Пирелли»!

— Что тогда?

— Ник!.. — он демонстративно закатывает глаза. — Мы. С тобой. Здесь. Одни. В гараже. Джо с бабушкой. До тебя все еще не доходит?!

Она звонко хохочет.

— Ты все-таки озабоченный!

Еще бы он не был озабоченный! Беременность, рождение ребенка, эта чертова работа, от которой они временами падали с ног от усталости оба. И этот нахальный упитанный херувим, который спал исключительно между ними! А Ник после родов стала такая... фигура чуть округлилась, приобретя невероятно волнующие очертания. Грудь пополнила и стала еще более чувствительной. И... о, он был не просто озабоченным! Он чертовски озабоченный!

— Чего стоишь? — он стягивает через голову футболку. — Раздевайся!

— Ты такой романтичный... — Ники морщит нос, но взгляда от обнаженного торса мужа не отрывает.

— К черту романтику! Я хочу секса!

Она даже успела разок хихикнуть, прежде чем он ей заткнул рот поцелуем.

Ее тонкие пальцы соскальзывают по капоту от его резких движений сзади. Колени подгибаются, несмотря на то, что одна его ладонь придерживает ее за животик, в то время как другая властно давит на поясницу. С губ ее неудержимо срываются стоны, от которых он... еще пара таких же глубоких движений, протяжный стон, теперь уже его, и они обессиленно заваливаются на капот «Импрезы». И, отдышавшись, спустя минуту-другую:

— Черт, я старею... Я даже не успел понять, как кончил. Прости.

— Даже не знаю, смогу ли простить...

— Я постараюсь... реабилитироваться... в твоих глазах... и между твоих ног.

У нее заходится дыхание. От его слов. И от его дальнейших действий.

— Кайл... — ее пальчик рисует на его влажной груди какой-то замысловатый узор.

— Ммм...

— Три раза, Кайл...

— Впечатлен твоими математическими способностями.

Американская система образования частично реабилитирована в моих глазах. Ой, — его традиционно щипают, в этот раз — за бок.

— Без презерватива, Кайл!

— Какая наблюдательность! Но из резины тут были только покрышки... Не мой размер, милая, как бы я себе не льстил.

Она не выдерживает и прыскает.

— Сознайся, ты сделал это специально!

— Разумеется. Это единственный способ отвлечь тебя на что-то.

Чтобы ты не лезла в мои дела.

— Ты не хочешь, чтобы я лезла в твои дела? — против воли, голос ее звучит расстроенно. — Все еще сердишься?

— Не сержусь, — прижимает ее к себе со вздохом. — И... лезь в мои дела. В душу. В сердце. Будь со мной. Не оставляй меня. Всегда.

— Всегда, любимый.

— Где вас черти носили? — заспанная Тереза Падрони трет глаза, встречая сына с невесткой в дверях.

— Работали, мам, — Кайл целует мать в щеку.

— Ясно, — невозмутимо отвечает Тереза. Незаметно качает головой. Опять Ники засос на шею поставил, неисправим.

— Как Джо?

— С трудом, но мне удалось убедить его, что с плюшевым медведем тоже можно спать в обнимку.

Кайл усмехается.

— Он на нашей кровати?

— Ну, разумеется.

— Так, чур, я первая в душ, — Николь зевает. — Падаю с ног.

Тереза понимающе кивает, Кайл смущенно хмыкает.

— Да две ванной же, — отвечает Тереза. — Идите уже оба быстро в душ и спать — ночь на дворе.

— Все, ушла, — Ники легко приобнимает свекровь, целует в щеку. — Спокойной ночи, Тереза.

— Спокойной ночи, девочка. Отдыхай.

Николь скрывается в ванной.

— А ты чего ждешь? Я покараулю, чтобы Джо не проснулся.

— Мне кажется, ты хочешь что-то мне сказать, мам?

— Хочу, — слегка улыбается Тереза. Потом становится серьезной. — Во-первых, ты ведешь себя с женой как животное. Вспомни, сколько тебе лет!

— Мама! — смущенно и одновременно возмущенно парирует сын. — Мне... хм... не очень комфортно говорить с тобой на эту тему, но уверяю тебя! Ники не против.

— Смотри, не залюби ее насмерть. Опять вон у нее синяк на шее.

— Мама!

— Ладно, люди взрослые, сами разберетесь, — соглашается Тереза. — Я, собственно, про другое хотела сказать.

— И?

— Звонил Тома. Габриэлла беременна.

— А вот это, — широко улыбается Кайл, — по-настоящему хорошая новость!

Когда он вышел из душа, оба его белокурых ангела уже сопели. Кайл убрал с кровати ненужного теперь плюшевого медведя, лег на его место. Длины его руки хватило, чтоб обнять обоих самых дорогих ему людей. Ник что-то пробормотала, не просыпаясь. Джо завозился, устраиваясь поудобнее, привычно уперся круглой розовой пяточкой отцу куда-то в район печени, удовлетворенно вздохнул во сне и затих. И через пару минут сопели все трое.

Примечания

1

— закрытая для доступа публики территория, где располагаются зоны управления гонкой.
(обратно)

2

— устройство, способное реагировать на повороты тела, на котором оно установлено, относительно инерциального пространстве.
(обратно)

3

Начос* — популярная закуска мексиканской кухни.
(обратно)

4

Шринк* — слэнговое выражение, означающее психиатра, реже — терапевта.
(обратно)

5

Vade in pace — В переводе с латыни — «Иди с миром». Фраза, которую произносит католический священник при отпущении грехов после исповеди.
(обратно)

6

альфахорес — традиционное аргентинское печенье
(обратно)

7

репе— пенис(ит.)
(обратно)
Оглавление

Глава 1. Шотландия. Северный Эйршир. Андроссан

Глава 2. Южная Америка. Аргентина. Буэнос-Айрес

Глава 3. Северо-Западная Англия. Камбрия. Барроу-ин-Фарнесс

Глава 4. Вермланд. Карлстад. Ралли Швеции

Глава 5. Гуанахуато. Леон. Ралли Мексики

Глава 6. Алгарве. Виламура. Ралли Португалии

Глава 7. Побережье Мертвого моря. Ралли Иордании

Глава 8. Италия. Олбиа. Ралли Сардинии

Глава 9. Кордоба. Вилла Карлос Паз. Ралли Аргентины

Глава 10. Греция. Лотраки. Ралли Акрополис

Глава 11. Монако. Благотворительный бал, посвященный 150-летию автоспорта

Глава 12. По прежнему — Монако. Все еще — благотворительный бал, посвященный 150-летию автоспорта

Глава 13. Финляндия. Ювяскюля. Ралли тысячи озер

Глава 14. Мозель. Трир. Ралли Германии

Глава 15. Новый Южный Уэльс. Кингслифф. Ралли Австралии

Глава 16. Страсбург. Эльзас. Ралли Франции

Глава 17. Таррагона. Салу. Ралли Испании

Глава 18. Великобритания. Кардифф. Ралли Уэльса

Глава 19. Барроу-ин-Фарнесс. Буэнос-Айрес. Андроссан. Монако.
В общем — галопом по Европам. И не только по ним

Глава 20. Монако. А потом — вон из Монако навстречу
неизвестности и горизонту

Глава 21. Где-то на просторах Адриатики. Точные координаты от
автора скрыли, увы

Глава 22. Все та же прекрасная Адриатика

Глава 23. Все тот же порядком надоевший всем безымянный остров на просторах Адриатики

Глава 24. И снова круговорот людей и событий по миру

Глава 25. Из Аргентины на Сицилию

Глава 26. Италия. Сицилия. Провинция Мессина

Глава 27. Самое главное происходит на Сицилии. А потом — снова в кругосветку

Эпилог